

Юрий Артемьев

**КОТТИ
КОТЁНОК
В ПОИСКАХ
ДОМА.**

**КНИГА
ЧЕТВЁРТАЯ.
Часть 3 и 4.**

18+

**ИМЕЮТСЯ СЦЕНЫ НЕСТУЖНОСТИ
НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА**

Чем дальше, тем страньше...

Что поделать, если судьба играет не по правилам...

Всё летит кувырком, несмотря ни на что...

Главное не забыть самые важные в этой жизни слова: «Никогда не сдавайся!»

Юрий Артемьев

Котти. Книга 4

Котёнок в поисках дома

Часть 3 и 4

Утро. Почти на самом пороге прокуратуры города Краснодара задумчиво стоит немолодая женщина. Она переминается с ноги на ногу, явно не решаясь зайти. Это заметил идущий на службу советник юстиции Звягин. Звание советник юстиции — это примерно как подполковник, но в прокуратуре свои чины и звания.

Звягин не поленился подойти и спросить у женщины, что её так беспокоит. Оказалось, что дело вполне серьёзное...

Через несколько минут женщина уже сидела у него в кабинете и говорила, говорила...

Помощник прокурора всё тщательно заносил в протокол. А заместитель прокурора Краснодарского края советник юстиции Звягин иногда задавал заявительнице наводящие вопросы, возвращая её повествование ко вчерашним событиям. Из-за терзавших её эмоций, она то сбивалась на армянский язык, то начинала вытирать платочком заслезившиеся глаза.

— Большой такой... С усами, килограмм сто весом... а она девочка худенькая, тринадцать лет... Он на ней шорты порвал... Такие красные с этими... как ихтам... Лямки через плечо... Лямку оторвал... штанишки стащил вниз... Майку задрал вверх... За грудь девочку уже трогал... Как она кричал!

У заместителя прокурора было две дочери... Младшей было девять лет. И у неё тоже были шорты с лямками. Он на одно только мгновение представил себе, что это с его Танюшки, какой-то усатый азербайджанец срывает шорты...

Его аж, передёрнуло...

— Так вы говорите, что его брат...

— Я не знаю брат или родственник... Но похож очень. Тоже такой с усами азербайджанец. В милиции большой начальник. Капитан. Он мне сказал: «Уезжай!» А я сама эту девочку первой увидела... Стала на ней штанишки поправлять, а лямка оторвана... А милиционер её потом ночью допрашивал. И папу её... Вай, его так жалко. Его не было там рядом с дочкой... Отошёл куда-то. А тут этот злодей... Папа пришёл, когда уже всё произошло. Он такой белый был. Хотел этого негодяя порвать. Милиционеры не дали... А девочка плакала... говорила, что тот гад её трогал... Азирбайджанец этот... потными руками... за грудь...

— И что Вам сказал этот капитан?

— Чтобы я ничего никому не говорила.

— Он Вам угрожал.

— Да! Уезжай говорит, а то тебя посажу...

— А кто при этом был ещё?

— Следователь и эта женщин, который девочку ночью допрашивал. Того злодей увезли. А девочку и меня ночью допрашивал... И папу её...

— Вот прочитайте, пожалуйста! И подпишите внизу: С моих слов записано верно, мною прочитано... Не надо сразу подписывать. Сначала прочитайте.

— Я плохо читаю по-русски... Но я тебе верю. Я вижу, что ты хороший человек. Накажи этих азирбаджанцев! Они многим людям плохо сделал. Но их все боятся. И я боюсь. Но ты их накажешь. Я тебе верю...

Она поставила закорючку внизу заполненного протокола, и ушла, утирая слёзы платочком.

Заместитель прокурора советник юстиции сидел в своём кресле и думал с чего начать... Давно уже ходили разговоры о слишком наглом капитане, который за деньги решал вопросы своих земляков. Только поймать его было трудно.

Земляки боялись его больше, чем всех остальных правоохранительных органов. Но вот теперь хоть есть с чего начинать.

Надо найти эту девочку с её отцом. И хотя изнасилования не произошло, но попытка совершения преступления налицо.

Он стал диктовать помощнику перечень необходимых мероприятий:

— Первое: Изъять список проживающих в гостинице «Кавказ» со вчерашнего дня. Второе: Допросить сотрудников гостиницы...

Список был довольно длинный, но ближе к обеду перед ним уже лежало довольно много листов бумаги, включая сводку об обнаружении в гостинице на запасной лестнице трупа того самого капитана...

Прибывшая на место следственно оперативная группа не обнаружила никаких наружных признаков насильственной смерти. Просто упал с лестницы и свернул себе шею. Вот так просто взял и упал.

Советник юстиции Звягин давно еже не верил в сказки. Но со слов администратора гостиницы установлено что, как только капитан вошёл в лифт, чтобы подняться наверх...

А зачем он туда пошёл?

Буквально через пару секунд из соседнего лифта вышел отец той девочки. Спокойно сдал ключ и ушёл с вещами. Больше он в гостиницу не входил. Получается, пока один ехал вверх, другой спускался вниз. Встретиться они никак не могли...

Следовательно, они разминулись, и сегодня в гостинице даже не пересекались. Ну не девочка же свернула шею капитану милиции?...

Так... А где была девочка?

Ждала папу на улице?

Или осталась наверху?

Если так, то... Она вот с капитаном как раз могла и встретиться. Капитан был не в форме, а в гражданской одежде.

После ночного происшествия с большим усатым мужчиной, она снова там же сталкивается с большим усатым мужчиной, и к тому же очень похожим на ночного злодея.

Что она могла сделать?

Да только одно: Испугаться и попытаться убежать...

Куда?

Лифт перегораживает капитан, значит...

Значит она бежит на лестницу... А капитан бежит следом за ней.

А зачем он за ней бежит?

Явно ведь не конфеткой её угостить...

Она выбегает на лестницу и бежит вниз по ступенькам. Он следом. Спотыкается и падает. Девочка убегает.

Такая картина со всех сторон кажется очень вероятной. Возьмём за основную версию. Там ещё патологоанатом может что-то сказать. Но пока другой версии нет...

А злодеем насильником заняться надо всерьёз. Посадить его для начала в ИВС, если он ещё не там, потом в СИЗО. Пусть там с ним местные опера поработают. С такой статьёй он долго молчать не будет. А для полноты дела надо, чтобы он всё рассказал про капитана и его родственников. Тем более, что капитана этого больше нет в живых, так что бояться больше некого. Да и прикрывать этих азербайджанцев больше некому. Так что есть все предпосылки для того, чтобы это дело было раскрыто в кратчайшие сроки.

Ладно. Этим и займемся для начала. Думаю, что коллеги бывшего капитана, будут рады вылить на мертвеца потоки грязи, чтобы обелить себя. А значит, материал получится серьёзный.

Он вспомнил напутственную речь этой немолодой армянки... И вслух проговорил, ни к кому не обращаясь:

— Накажем! Обязательно накажем!..

* * *

Когда к следователю заявили из прокуратуры, с требованием изъять все собранные материалы о попытке изнасилования несовершеннолетней девочки в гостинице «Кавказ», он понял, что влип по самые помидоры...

Не раздумывая долго, он тут же выдал все бумаги и под протокол рассказал с подробностями, как капитан «заставлял» его замять дело своего родственника.

Сгоряча испуганный следователь наговорил много лишнего, не только про уже погибшего капитана, но и про других сослуживцев и коллег...

И про себя любимого тоже проболтался... Слегка... Так что уже через пару часов, после второго допроса в прокуратуре, его поместили в отдельную камеру ИВС. Вот тогда-то он и понял, что попал так глубоко, что вылезти из этой ямы практически невозможно.

Вечером он снова напросился на допрос и на десятке листов подробно рассказал про всю подноготную работы своего отделения. Он сдал всех, не взирая на чины и звания... Своя рубашка ближе к телу...

Он умолял... Он просил лишь, не наказывать его сильно. Ведь он не виноват. Его заставили...

До самого Майкопа мы так и не доехали. Тормознули на заправке около Белореченска. Уютный такой городок. Всё рядом. На заправке один словоохотливый водитель грузовика подсказал нам, что ехать до Майкопа совсем не обязательно, так как можно сразу отсюда свернуть на Апшеронск. Он правда посетовал, что дорога не ахти... Посоветовал беречь колёса и подвеску... Я у него уточнил, есть ли поблизости что-то вроде станции техобслуживания. Но он обломал все мои надежды. Никаких станций техобслуживания частных автомобилей тут нет и в помине...

Сказал правда, что на его автобазе делают всё и для всех. За деньги, конечно... Ну кто бы сомневался... Рассказав нам, как добраться и кого там спросить, он уехал по своему маршруту. А я решил посетить автобазу. Мало ли чего полезного можно прикупить у простых автомехаников на обычной автобазе...

Мы заправились до полного бака, перекусили в городе, да и поехали неспешно в сторону Апшеронска. Автобаза должна быть по пути, чуть не доезжая до самого города.

Дорога стала намного хуже, чем была до этого. Хотя и до этого дорога была, как бы сказать...

Да, точно. Была такая шутка в Стране Советов. На вопрос, какие у вас дороги, наш человек ответил: Как в Японии. Тояма, токанава.

Вот и сейчас почти везде: то яма, то канава. Еду не спеша, канавы, кочки объезжаю. Берегу подвеску. Слушаю, как щебёнка из под колёс рикошетом бьёт по днищу... Забавные звуки..

Дорога, несмотря на её разбитость, радовала пейзажами. Иногда проезжали через станции. Пшехская, Кубанская, Ерик. Машин было не просто мало, а почти вообще никак. Зато несколько раз попадались люди на лошадях и осликах.

Следующим населённым пунктом после Ерика, было село с очень оптимистическим названием: «Вперёд».

— Вот видишь, Натан! — указал я ему на табличку с названием. — Значит, правильно едем.

Шутка мне удалась. Ехать нам стало веселее. И уже через полчаса неспешной езды по ямам и колдобинам, мы подъехали к нужной нам автобазе. Ну а я пошёл «на разведку».

Кстати, нужного человека удалось найти довольно быстро. За вполне разумные деньги, он произвёл быстрое обслуживание нашего всепроходимца. Подкачал колёса, долил масла. Даже с собой дал в запас пол-литра в бутылке из-под водки. Ну и присоветовал кое-что полезное.

Дорогу, которая нам ещё предстояла, он знал хорошо. Подсказал, где не стоит ехать быстро. И дал адресок, на той стороне перевала, куда и к кому обратиться, если с машиной по пути возникнут проблемы. За что получил от меня ещё и дополнительную премию. Не отказался. Не стал изображать из себя невинного барашка. Принял деньги достойно. Пожал мне руку на прощанье, отчего потом я с трудом эту руку оттёр.

Расставшись с гостеприимной автобазой, мы сходу проскочили Апшеронск. Время нас поджимало. Хотелось до темноты добраться куда-нибудь в нормальное место... Но не срослось. В горах темнеет рано, в предгорьях тоже.

Не доехав до Хадыженска, я свернул в сторону реки, и найдя уютную полянку, мы устроили ночлег. Поужинали, чем бог послал, да и стали устраиваться спать. В «горбате» это было проблематично. Но мы справились. Усталость прожитого дня этому очень сильно поспособствовала.

* * *

Несмотря на тёплую погоду, я проснулся слегка озябшим и даже продрогшим. Вокруг было белым-бело. Белёсый туман лежал возле реки, как сметана, хоть ложкой его ешь... Но совсем чуть-чуть утреннего солнышка быстро разогнало эту муть. Мы по очереди сбегали до

ближайших кустов, а потом и к реке спускались, чтобы умыться. А потом, прогрев машину, погнали нашего Росинанта до ближайшего места, где можно было бы позавтракать.

Завтрак — самый важный приём пищи в течение дня. Можно обойтись без обеда, и даже без ужина. Но завтрак — это святое.

В Хадыженске я почти сразу нашёл кафе, но оно ещё было закрыто. И вообще было закрыто всё.

Лишь звякали колокольчиками мычащие коровы, которых гнал на пастбище в горы чернявый молодой пастушок. Коровы были худющие, кожа да кости. И они словно орда монгольских завоевателей двигались нестройными рядами прямо на нас.

Я притормозил, и пятнистые «чудовища» стали «обтекать» со всех сторон нашу машинку. Вблизи они выглядели ещё более худыми, чем издали.

Как бы своими торчащими рёбрами наш «Кадиллак» не поцарапали... Родился экспромтом небольшой стиш:

Корова горная,
Существо вздорное.
Машин — не боится.
На шашлык — не годится...

* * *

На выезде из города нам всё же удалось перехватить кое-чего из еды. Купили пару лепёшек и молока. Хватит. До обеда с голоду не помрём.

Увидев заправку, несмотря на недоумение Натана, я снова залил до полного. Хотя отдав талончик на десять литров, дай бог заправил литров семь, ну может восемь, не больше.

— Лучше полный бак, чем одного литра не хватит в нужный момент.

Он не стал со мной спорить. Знает уже, что спорить со мною бесполезно от слова совсем... Зато добился того, чтобы самому сесть за руль. Я согласился. Посмотрим, как это у него пойдёт. Если что, я его по дороге сменю. Думаю, что ещё километров тридцать-сорок трасса будет такой же, а уж потом пойдёт перевал. Там и разберёмся у кого опыта больше.

Минут через полчаса, я понял, что у Натана неплохо получается объезжать канавы и кочки. Он сидит выше и ямы видит лучше и дальше. А недостаток опыта он компенсирует небольшой скоростью движения. Так что в нашем случае это даже лучше, чем моя самоуверенность в своём мастерстве водителя.

Я даже немного расслабился и откинулся на сиденье, чтобы слегка вздремнуть, когда он довольно резко затормозил...

— Эй! Не дрова везёшь! — буркнул я, открыв глаза, чтобы посмотреть из-за чего такое резкое торможение...

А дорога, которая и до этого была чисто номинальной, кончилась... Вот так просто... Взяла и кончилась...

Путь нам преграждали несколько кривых жердин положенных так, чтобы издали было видно. Что-то типа противотанковых ежей, только деревянные и корявые. Видимо из местного материала, нарубленного в ближайших зарослях местного «бамбука»... Хотя, если

бы это был бамбук, то жердины, как минимум, были бы прямые.

Я вышел, чтобы глянуть, что это за фигня творится, но пройдя за ограждение метров тридцать, увидел причину этого шухера.

Кто-то «украл» мост. Причём половина моста осталась, а другую, как корова языком слизнула.

Сразу вспомнились те, худющие коровы, что нам повстречались... Да, с голодухи они могли и мост сожрать...

Но скорее всего это оползень с горы по весне слизал. Значит, надо было раньше сворачивать.

Наверняка местные уже сообразили, какой никакой объезд этого мостокрушения. Ну не будут же они ждать, пока им новый мост построят. Этого можно и до морковкиного заговенья ждать и не дожидаться. А ехать надо уже сейчас. Дела есть важные и неотложные. И у тех, кто живёт по эту сторону моста и у тех, кто живёт на той стороне...

А значит, надо искать объезд. Ведь где-то уже наверняка протоптали новую дорогу... Надо только отъехать чуть назад и поискать её.

Я подвинул своего «Шумахера», и сам сел за руль.

Через полкилометра нашлась стрелка на столбике, которую просмотрел неопытный водитель. Его не смутило даже то, что большинство следов от машин сворачивали именно на невзрачную грунтовку. Но он предпочёл ехать по прямой. Бывший асфальт ему больше по нраву.

Почему бывший?

Потому что он был когда-то настоящим асфальтом, но теперь это не асфальт, а сплошные трещины и ямки. Но всё-таки это асфальт... Хотя и бывший...

Кстати, по грунтовке, когда дождя нет, ехать мягче и приятнее, чем по бывшему

асфальтовому покрытию. А вот дождя совсем не хочется. Ни на грунтовке ни на бывшем асфальте. Из грунтовки дождик легко сделает непроходимое болото. А на бывшем асфальте можно во время дождя въехать в лужу, а попасть в глубокую яму, скрытую под этой лужей. Ни того, ни другого нам сейчас на фиг не надо.

Мы удалялись от основной трассы, чтобы объехать снесённый силами природы мост, чтобы снова упереться в преграду. На этот раз для разнообразия, это была водная преграда. Правда, следы проехавших машин указывали, что эту речку можно преодолеть вброд. Но я всё ещё сомневался.

Следы эти скорее всего от грузовых машин и от УАЗиков всех мастей, а они не только имеют более высокую посадку, но заодно ещё и делают глубокую колею.

Хорошо ещё, когда колея эта видна. Но под водой не видно, что там и как там.

Пришлось мне заставляя пройтись по броду босыми ножками старого больного человека. Потому что, когда он услышал, что и как надо делать, то он сразу же превратился именно в старого и больного человека, которого злая девочка заставляет лезть босыми ногами в горную речку.

Вот так вот, с шутками да с прибаутками, но мне всё-таки удалось организовать переправу через горную реку. Натан быстро шёл впереди по дну, а я не спеша ехал следом за ним.

Только выбравшись на другой берег, я выдохнул спокойно. Это только со стороны кажется, что не страшно. Страшно ещё как. Заглохни наш железный друг на середине реки... И что нам потом делать? Бамбук курить? Нет тут бамбука. Бамбук растёт на той стороне горы, а мы туда ещё не добрались.

Кстати, выйдя на другом берегу из машины, я всё-таки закурил ментоловую сигарету и наслаждался вкусным дымом.

Не ругайте меня, это всего лишь вторая сигарета в моей (новой) жизни...

— Зачем ты куришь, — спросил меня поддельный «папа».

— Нервы... — коротко ответил я.

— Это вредно! — апеллировал он.

— Я знаю. — соглашался я.

— Дай мне тоже! — неожиданно попросил музыкант.

— Тебе же нельзя... Ты же духовик... Это...

— Вредно? — иронически переспросил он меня.

— Да.

— Я знаю...

Мы молча курили на берегу реки.

Музыкант... Мастер игры на всевозможных духовых инструментах. На трубе, на саксофоне и ещё много на чём блестящем...

И маленькая девочка тринадцати лет...

С сигаретой в руке...

Что-то знакомое.

Я уже где-то это видел...

Хорошо ещё, что мне не приходится постоянно таскать с собой этот дурацкий цветок в горшке...

Глава 2

После преодоления водной преграды, дорога пошла получше. Больших камней уже не попадалось. Кочки и ямки были вполне терпимые. В общем, не хуже и не лучше, чем на других дорогах Советского союза этого времени.

Я рулил не спеша, хотя конечно боялся, что от этой неспешности может перегреться двигатель. Но, честно говоря, по такой дороге даже ехать со скоростью быстрее двадцати-тридцати километров в час это уже опасно. И даже для такого матёрого водителя как я, с почти полувековым опытом вождения на нескольких континентах. Ну да... И по Европе пришлось покататься, и по Азии. И по Кубе рассекал, и по Африке скакал...

Но вот именно здесь и сейчас... Я совсем не Шумахер. В эти времена, да на этой машине, я лучше буду поосторожнее себя вести. Ведь в любом месте можно нарваться на неожиданную пакость. В будущем проблемы решались проще. Достал мобильник. Позвонил другу. Друг приехал и помог. На крайний случай, можно было вызвать эвакуатор. На всех столбах висели картонки с номером телефона услуги эвакуатора. А сейчас как? Типа: «Ау!»

А нам ещё надо добраться туда и вернуться обратно, как тому Хоббиту у Толкина. Хотя я и не Бильбо Бэггинс.

Лично мне никогда не нравился Толкин. И пусть забросают меня толкинисты всех мастей, но читать мне его было трудно. Может перевод был плохой, а может написано так нечитабельно. Даже когда фильм вышел, который снят по трилогии «Властелин колец»...

Честно... Смотрел, смотрел... Снято красиво, но само повествование такое же как и в книге — тяготное. Я даже заснул на том самом моменте, когда очень большие деревья стали очень, очень, очень медленно шагать...

Но на этой горной дороге из Майкопа в Туапсе точно не заснёшь. И деревья пока ещё дорогу не перебегают...

Вскоре мы смогли выехать на основную трассу, и поехали чуть быстрее. Конечно, относительно быстрее. Не как на гоночной трассе, а как на горной дороге.

А потом пришлось снова ехать чуть медленнее. Участок такой попался, что и пешком можно ногу сломать, а на машине вообще без колёс остаться...

Я так понял, что так и дальше будет.

Тихо шинами шурша
Мы поедем не спеша...

Опять на рифму потянуло. Вот, что значит, когда скучно ехать. По бокам, конечно, открываются красивые горные пейзажи, но мне не до этого. Некогда мне красивые горные виды разглядывать...

Я сейчас, как на флоте — вперёдсмотрящий. Мне только вперёд и надо смотреть, иначе хрен знает, куда улететь можно с этой дороги. Резких и крутых поворотов хватает. И, поверьте мне, они не всегда обозначены стрелками да знаками.

Когда я уже проехал табличку с информацией, что начинается Шаумянский перевал, то увидев, знак опасного поворота понял, что до этого были, так себе загогулины. И правильно, что их даже не отмечали дорожными знаками «Опасный поворот» Недостойны они такого гордого звания. Вот ещё. На каждый изгиб знак ставить... Много тут таких...

А вот теперь, на перевале, пойдут такие кривулины, что нужен глаз да глаз, чтобы не оказаться там внизу у реки... Это уже можно и знаками отметить.

Я даже один раз остановился, выбрав место пошире, да поспокойнее. С кустиками так сказать. Что поделать — зов природы. Так вот там, подойдя поближе к совершенно не огороженному ничем обрыву, я глянул вниз. Чуть голова не закружилась, хотя страхом высоты никогда не страдал.

И кстати, там внизу валялись какие-то железяки. То ли чей-то драндулет, то ли эти самые бывшие заграждения.

Я слышал раньше информацию, что на этом перевале не кладут асфальт потому что, бесполезно. Его сносит вниз, оползнями, дождями и прочими факторами. Клади, не клади, толку не будет. И в двадцать первом веке по этой трассе, то был асфальт, то нет его, то щебёнка с галькой, то грунтовка с песком и глиной...

И пылища... Пыль с большой буквы «Пыль». Про это можно легенды слагать. Пыль тут столбом стоит и стеной висит. Иногда даже видимость напрочь пропадает. Особенно, когда какой-нибудь джигит на грузовике меня бодро обгоняет.

Хоть вставай после этого и жди, когда пыль осядет. Но можешь дожидаться и второго джигита на трёхколёсном мотоцикле. Так и случилось, когда в меня чуть не влетел местный пыльный мотоцикл с коляской. Еле-еле разминулись с ним.

Я всё понимаю. Они тут каждый день летают, каждую кочку в лицо знают.

Но почему-то, на каждом повороте, периодически, даже местные джигиты улетают вниз. Хоть присылай сюда Чебурашку с пионерами...

— Гена! Я знаю такое место. Там столько металлолома.

Ладно уж. Чего это я всё о плохом, да о плохом. В дороге нельзя все поминать аварии и всякие плохие случаи. Думать надо исключительно о хорошем, добром и светлом. Но как-то в такой крошечной пыли не думается почему-то ни о светлом, ни о добром.

Да... От этой мелкой пыли здесь не спрятаться, не скрыться. Придётся, видимо, после

спуска на более менее ровное место, запланировать банные процедуры. И машинку отмыть как следует, да и самим помыться.

Уже кажется, что пыль везде. В волосах, на коже под одеждой, и в глазах заодно...

А источник пыли таится у нас под колёсами. Гравий, щебёнка, горные породы, перетираемые колёсами проезжающих машин...

Боюсь, что если остановиться и выйти из машины, то ноги погрузятся сантиметров на пять-десять в тёплую мелкую белую пыль. Не утонуть бы в ней...

Интересно, а что будет если вот прямо сейчас дождь пойдёт? Неужели всё это превратится в адское месиво?

Тьфу-тьфу! Нам такого и даром не надо. Уж лучше пусть дорога будет сухая и пыльная.

Глянул мельком в сторону. Пейзаж просто космический. Придорожные деревья в пыли, как картинка с другой планеты.

Снова нас обогнал какой-то грузовик. Снова я крадусь через пыль на «мягких лапах»... Осторожно, стараясь не прозевать следующий поворот.

Везде торчат знаки с ограничением скорости до сорока километров в час. Но я думаю, что это они сильно погорячились... Думаю, что ограничение в тридцать километров в час, было бы в самый раз. И иногда и даже двадцать. Так что за превышение скорости меня вряд ли тут оштрафуют. Да и некому здесь меня штрафовать. Что-то я ни одного гаишника пока возле дороги не заметил. Может это из-за пыли мне их не видно. А они, как верные стражи дорожной безопасности, стоят там, на обочине, в пыли по колено, чтобы помочь бедным автопутешественникам не сбиться с пути... Ага... Счас... Как же... Будут они стоять и прятаться в пыли... Они найдёт ровное место сразу после перевала с хорошим асфальтом, и повесив там знак «Сорок км», будут штрафовать пыльных автомобилистов. Любой, вырвавшийся на ровное место после горной и пыльной дороги, прижмёт газу... Вот тут его и встретят доблестные дорожные граби... Гаишники...

Блин. Чуть в ямку не въехал. Пришлось влево вильнуть. Как раз меня в этот момент обгоняли в очередной раз. Только теперь это была не грузовая машина, а легковушка. Какой-то из Москвичей. В пыли не разобрать, какой модели. Мне разгневанно погудели, но мы разошлись, не задев друг друга. А не фиг гонять и обгонять на поворотах. Не видишь что ли: Я еду! Ямки объезжаю. Никого не трогаю и меня не надо.

Что-то я подустал слегонца. А дорога уже стала круче подниматься в гору... Приходится выжимать последние мощца из верного конька-горбунька...

Вот и встречный грузовик попался. А пыли от него ни чуть не меньше, чем и от попутного.

Такое ощущение, что я уже так долго тащусь по этому перевалу, а ему и середины ещё нет... Да и вообще, складывается уже впечатление, что этой дороге нет конца и края. Краёв я порой точно не вижу... Силуэты кустов в белёсой пыли...

Хотя на самом деле время — вещь субъективная. Мои ощущения и мнение моих часов сильно разнятся. Просто дорога такая шибко утомляет. Да и температура у нас стала подниматься. Нет, не у меня с моим попутчиком, а у нашего верного Боливара. Который клятвенно пообещал выдержать нас двоих и довести куда надо...

Вон стрелочка температурная уже соточку стала лизать. Надо бы найти место и передохнуть. И мне передохнуть, и машинке остыть...

Но впереди нас ждёт снова новый поворот, а за ним долгий подъём. Тащимся помаленьку. Движок пощёрывает басовито, прям как большой.

Возникла идиотская мысль: А не было ли у Макаревича «Запорожца»? И не ездил ли он на нём именно по этой горной дороге? А то уж больно слова у песни подходящие получились:

Вот! Новый поворот...
И мотор ревёт.
Что он нам несёт?
Пропасть или взлёт?
И не разберёшь,
Пока не повернёшь
За поворот...

Прямо всё в ёлочку получается, и слова сходятся. И повороты за поворотами. И мотор ревёт, как бычок на выпасе. И пропасти рядом присутствуют. Вон они там, в пыли прячутся... И не разберёшь, что тебя поджидает за следующим поворотом...

* * *

Интересно, как там ребята наши? Они вроде бы именно сегодня должны были в поезд садиться, чтобы к нам ехать. А мы всё никак через горы не переберёмся. Не опоздать бы нам к прибытию поезда. Сразу вспомнился знаменитый кадр одного из самых первых кинофильмов: Прибытие поезда на какой-то там вокзал...

А нам надо их встретить в Большом Сочи, на главном железнодорожном вокзале...

Блин... Подъёмы утомляют больше чем повороты. Повороты уже не так раздражают. Привык уже, наверное. На пыльном лобовом стекле остаются грязные следы с разводами от щёток стеклоочистителя. И это тоже не прибавляет видимости. Так никакой воды не напасёшься, пока доедешь. А из жидкостей в запасе у меня с собой лишь тёплый лимонад, бензин, да пол-литра масла... Хотя есть ещё где-то и виски, и джин...

Но это уже будет пижонство: поливать лобовое стекло «Запорожца» дорогим импортным алкоголем. Хотя в девяностые я не стеснялся порой зимой заливать палёную водку вместо незамерзайки. Цена палёного алкоголя, ненамного отличалась, от цены технической жидкости. Наверное, и по вкусу тоже, потому что по запаху не отличалось совсем.

Помнится как-то подъехал я к ночному ларьку и прикупил сразу три поллитровки той самой палёнки. Помню, что ещё какой-то пьяница пытался разжалобить меня, выпрашивая денег на водку... Я на такое не ведусь. Нет денег? Укради, найди, роди... А побираться с протянутой рукой... Не комильфо это для благородного дона.

Но когда я стал палёную водку тупо выливать в бачок стеклоочистителя, глаза у попрошайки стали такие красноречивые, что мне пришлось ему всё-таки отдать опустошённую уже на две трети последнюю бутылку. Потому что в глазах этого пьяницы читалось, что он сейчас либо умрёт без алкоголя, либо убьёт меня за этот алкоголь...

Ладно. Найдём мы где-нибудь воду. Горные реки ещё никто не отменял. Попадётся ещё по пути чего-нибудь с водой...

И, как мне кажется, что мы почти уже добрались до верхней точки перевала. Наверху всегда есть такие места, где можно остановиться, оглядеться и ноги размять слегка. Вот и

здесь есть такое место, чтобы передохнуть и машинку остудить. Даже памятник какой-то стоит. С удовольствием съезжаю прямо к памятнику. Паркуемся, выходим...

Недавно этот памятник поставили. Здесь были сильные и кровавые бои на этом перевале с сорок второго по сорок третий год. Много полегло тут наших солдат. Да и фашистов тоже немало. Но до захватчиков мне никакого дела нет, пусть о них их потомки думают и переживают. А наших мне жалко. У каждого солдата могли ещё родиться дети, у детей свои дети, внуки этих погибших солдат... А потом и правнуки... Сколько миллионов погибло, а ещё больше не смогло родиться в нашей стране...

Так почему же я должен переживать о тех, кто убивал наших на той войне?

Наверное именно здесь полегли те самые знаменитые дивизии «Эдельвейс» и «Мёртвая голова», про которых песня была. Песня была про наших, но немцев там тоже упоминали.

Жаль тогда не всех фашистов добились. Уж больно мы люди добрые по своей натуре. Зря, наверное всех прощаем. Это пусть в церквях всем прощение раздают. А на войне, как на войне. Чем больше ты врагов убьёшь, тем быстрее война закончится.

А война не кончается... Никак не кончается...

А те, кто у власти, всё прощают и амнистируют пленных врагов и предателей... В будущем это сильно всем аукнется.

Ну да ладно. Чего это я разошёлся? Размялись, отдохнули... Тёплого лимонаду

хлебнули... Пора бы и дальше ехать. Впереди ещё долгая дорога...

* * *

Я бы не сказал, что вниз с горы ехать по щебёнке и гравию удобнее, чем подниматься в гору. Если при подъёме надрывается в первую очередь двигатель, то при спуске тормоза и колёса принимают всё на себя. А тормозить по гравию и щебёнке, это как по льду, ну то есть непредсказуемо.

Вот тут удастся затормозить, а тут уж как получится. Но мой богатый опыт снижения скорости переходом на пониженную передачу, выручает помаленьку.

Правда при этом снова страдает двигатель, да и сцеплению достаётся, а доставать новое сцепление по нынешним временам проблематично. К тому же менять на «Запорожце» диск сцепления — это та ещё головная боль. Я это помню ещё из прошлой жизни. Там в инструкции по ремонту данной модели всё подробно было расписано. При замене диска сцепления: Пункт первый: Снять силовой агрегат...

То есть, чтобы просто заменить какую-то детальку надо сначала отсоединить от двигателя все тросики, шланги, рычажки, отсоединить полуоси, отвинтить двигатель, вынуть его из машины, а уже потом располовинить движок и заменить диск сцепления. Потом всё в обратном порядке собрать и установив двигатель обратно, отрегулировать его...

Это если я ещё чего-то не забыл. Проще продать эту машину и купить новую такую же.

Снова появился плохой асфальт... Населённый пункт под названием — Шаумян. Его мы проехали без остановки, и слава богу, без пыли... Но за ним асфальт снова кончился...

То ли машин стало больше, то ли обгонять нас с горы стали чаще. Вспоминается поговорка: «Хрен с горы — большая скорость.»

Снова пыль. Снова я крадусь на ощупь. Хорошо ещё, что передо мной впереди пылит грязный грузовик. Он мне, конечно же, добавляет пыли на лобовое стекло, но зато и его силуэт в пыльном тумане хорошо просматривается тёмным пятном. Его-то водителю сверху виднее куда сворачивать и где тормозить. Ну а я просто ориентируюсь по его стоп-сигналам и тоже заранее притормаживаю. Думаю, что его мне пока не стоит обгонять. Вот спуск закончится, тогда и посмотрим, у кого скорость больше...

У него, конечно же. Наш «Запорожец» это одна из самых низкоскоростных машин, среди участников дорожного движения. Не считая асфальтоукатывающего катка. Тот вне конкуренции самый тихоходный тихоход.

О! Ямка. В пыли я её не заметил, но тряхнуло знатно. Снова что ли бывший асфальт начался? Пытаюсь прочувствовать, не изменилось что-то после такого громкого наезда на ямку... Вроде в сторону не ведёт. Значит с колесом всё в порядке.

Встречный грузовик прошёл слишком близко. Впритирочку прям разъехались... Лихач, наверное, местный. Они тут все как один — джигиты. А джигиты что на коне, что на машине — должны быть быстрее всех... Не хочется никого обижать... Где-то здесь должны уже быть видна гора со смешным названием — Индюк. Тоже важная и гордая птица...

Жаль, но сквозь дорожную пыль и гор самих почти не видно. Да и не смотрю я сейчас по сторонам. Не до того. А какая уж из слабо видимых мне гор зовётся Индюком мне неизвестно. Наверное, самая высокая... Всё как в песне:

На Кавказе есть гора — самая высокая.
А под ней течёт река — самая глубокая...

Снова впереди небольшая смотровая площадка. Тормозить и останавливаться я не стал. И так уже давно пора бы закончить этот бесконечный перевал...

Какой-то населённый пункт впереди... Название — Горный. Смешно. А до этого что было? Подгорный?

Качусь неспешно дальше. И снова, снова спуск. Еду себе еду, подтормаживая...

Крутой поворот направо. Меня резко, прямо на повороте, обгоняет какой-то лихач на двадцать первой волге. Начальство, наверное, местное. Ну, ну... Начальство тоже иногда в аварии попадает. И в прошлом, и в будущем такое бывало... От этого никто не застрахован.

Снова длинный спуск, в конце которого крутой поворот налево... Снова пылит дорога.

Когда же уже этот Индюк появится? Вроде бы после посёлка с таким названием дорога станет и попрямее, и получше... Подтормаживаю перед крутым левым поворотом...

* * *

Сильный удар в зад нашего пепелаца...

Я жму на тормоза, вцепляясь в руль, изо всех сил пытаюсь выровнять машину...

Ну, или хотя бы удержать её...

Сила удара и вес того «индюка», что нас протаранил больше, чем вес нашего железа со всем содержимым...

Меня несёт, в сторону встречи...

Из-за поворота появляется морда грузовика...

Выкручиваю руль...

Нас разворачивает боком, но напор задней машины не ослабевает...

Обочины нет...

Я чувствую, что машина накреняется...

Уже нечем управлять...

Просто упираюсь руками и ногами как можно сильнее...

А потом началось...

Верх... Низ...

Скрежет железа...

Верх, низ...

Разбитые стёкла...

Верх... Низ...

Они всё время меняются местами. И так уже несколько раз.

Натан, видимо не догадался упереться, хотя я кажется, кричал ему: «Держись!».

И вот теперь он уже пару раз чуть не раздавил меня. В те моменты, когда моя сторона касается земли, он наваливается на меня... А потом его с такой же силой уносит в другую сторону...

Кусты...

Ветки деревьев...

Удар...

И мы снова стоим на колёсах. Только где-то очень-очень глубоко...

Это не пропасть, но всё же.

Хорошо ещё, что этот участок сильно зарос всякой зелёной растительностью. Она-то нас и тормозила... Слегка, конечно.

Лобового стекла нет, как и боковых... Крыша сложена «домиком». Мы с Натаном сидим, прижавшись друг к другу...

Мне глаза заливают кровью. Лоб рассечён. Стеклом, наверное...

Смотрю на своего спутника. Кажется, он глазом на что-то налетел. Снова бровь рассечена? Ага. Та же самая, что ему Вадим зашивал, а я потом залечивал... Да нет, кажется... Тогда почему у него лицо в крови. Или это на нём моя кровь?

Блин. Что за хрень? Неужели я от чего ушёл, к тому же и вернулся?

Горы...

Дорога...

Машина...

Обрыв...

Бензином пока вроде не пахнет...

Хотя вона как мы кувыркались. Лучше бы нам побыстрее выбраться из этих останков нашего корабля... *ля...

Начинаю шевелиться. Руки-ноги гудят от ушибов. Левая рука? Пошевелил... Нормально... Правая? Тоже моя... Пальцы ног, колени? Всё чувствую. И даже ничего не болит... Почти... Потому что гудит всё тело сразу, и отдельная какая-то боль не может проявить себя индивидуально.

Тогда тоже ничего не болело. Всё. От шеи и ниже... Но слава богу, сейчас всё немного не так...

— Натан! Ты как?

- *лять!

— Не ругайся при ребёнке! Руки ноги целы?

— В башке гудит всё...

— Я сейчас вылезу. А потом и тебе помогу выбраться...

Двери заклинило насмерть, но у меня получилось выбраться через лобовое стекло. Правда по мелким осколкам закалённого стекла выбираться то ещё удовольствие. Все руки в мелких царапинах, ссадинах и ранках... Выбравшись и встав на твёрдую землю, я даже попрыгал слегка, проверяя свои повреждения. Странно, но кроме рассечённого лба, и порезанных мелкими осколками ладоней, ничего серьёзного. Синяки и ссадины не в счёт.

Я обернулся и посмотрел на машину... Слов нет, сплошной мат. Багажник вместе с привязанным к нему чемоданом унесло куда-то к *бням... А на машину, аж страшно смотреть...

Да, блин, кажется, что наш железный малыш отъездился. Удар был в зад. А там у нас мотор. Ему наверняка пришёл звиздец. А потом мы с горы раз несколько кувыркнулись.

Всё именно так и получилось, как я раньше говорил: «Хрен с горы — большая скорость!». Знал ведь, что нельзя в дороге поминать про аварии и прочие неприятности... Ну да ладно... Хватит философствовать. Надо уже Натана начинать вынимать. А то не дай бог, как у меня там...

Но, вроде бы бензином не пахнет. Хотя хрен его знает, как это всегда бывает. Не пахнет, не пахнет. А потом как бабахнет...

Крепкая машина «ЗАЗ-965». Была... Теперь уже это можно сказать окончательно... Была.

Больше у нас машины нет, потому что восстановить этот комок металлолома, смог бы только тот негр из будущего, который по телевизору хвастался, как из гнилого железа он собирал лимузины, напичканные всякой музыкой.

Пока я помогал выбраться Натану, к нам уже начали спускаться какие-то люди.

Люди, как на подбор, все дородные такие, крупные. По крайней мере, по сравнению со мной. Волосы у них в основном чёрнявые и носы такие характерные. У меня друг был в той прошлой будущей жизни, армянин по национальности. Вот у него такой же нос был.

Похоже, что это тоже все армяне... Ну ещё бы. И перевал тут имени Шаумяна. И посёлок с таким же названием...

Так... С азербайджанцами в Краснодаре я уже сталкивался на узкой дорожке... А здесь чего будет?

Неужели это их машина нас столкнула в кювет? А теперь они что, решили нас добить, чтобы мы не мучились?

А чего они так одеты? Все в костюмах, да в белых рубашках... Нет, вон парень молодой без костюма. Но то же в белой рубашке.

Меня о чём-то спросили. Надо бы ответить...

— Не понимаю!

Ко мне сразу обратились по-русски:

— Мальчик! У вас все живы?

Ну, да. В джинсовом комбинезоне, с короткой стрижкой и лицом в крови... Наверное я больше сейчас похож на мальчика.

— Я не мальчик, а девочка. Меня зовут Маша. Мария. А это мой папа. Анатолий Борисович...

— Вай! Маша-джан! Прости! С тобой всё в порядке?

И что мне ему ответить?

«Нет, *ля. Ни *уя не в порядке. Мы на*бнулись вниз с горы на машине. А сам я весь такой *ля красивый, потому что мне нравится в кустах валяться с окровавленной мордой. И вон у спутника моего поломанного тоже надо бы что-то спросить. А то у него как раз с мозгами сотрясение случилось и поговорить ему п**дец как охота. Ну а машину мы же каждый день испытываем на прочность сталкивая в пропасть с горной дороги... И вообще, машине нашей теперь похоже звездец пришёл полный...»

И что из этого мне ему сказать?

— Цавт танем. Что я говорю. Прости! Я весь взволнован. Этот (незнакомое слово) машину ваш толкнул. Я его (незнакомое слово)...

Я попытался прервать его речь, но это было практически невозможно. Он говорил на русском, вставляя армянские слова, и совсем переходил на армянский, обращаясь к своим. Но наконец-то он выдохся, и я обратился к нему, стараясь говорить как можно более вежливо:

— Помогите нам с папой выбраться отсюда!

— Да, да, Маша-джан!

Я снова залез в салон нашего погибшего «Запорожца» и умудрился достать с заднего сиденья дорожную сумку. Там были все наши деньги, основная их часть, а под ними лежал мой любимый наган с уже навёрнутым глушителем.

Выбираясь обратно, я прихватил из-под водительского сиденья свои стилеты.

Мне показалось, что мои манипуляции по убиранию ножей в сумку заметил тот самый мужчина, который со мной общался.

Но он ничего не сказал, и сделал вид, что ничего не заметил.

— Где-то оторвался багажник с нашим чемоданом.

— Да. Мы видели его. Он выше лежит.

— В чемодане наша одежда.

— Не волнуйся Маша-джан! Всё ваши вещи соберут. И привезут. Нитка не пропадёт.

— Спасибо!

— Вай, не за что.

Мы тем временем по кустам да малозаметным тропкам поднимались наверх. Оказалось, что не так уж и глубоко мы упали. Просто кувыркнулись несколько раз, поэтому падение казалось таким бесконечным, как полёт в пропасть...

— Простите, я не знаю как к Вам обращаться.

— Зови меня просто... дядя Саркис.

— Саркис-джан. Я теперь не знаю что делать? Мы ехали в Сочи. Там мы должны были встретить наших друзей на вокзале. Они завтра должны приехать... Но теперь...

— Маша-джан! Не переживай! Всё потом. Сейчас вам надо к врачу, а после я решу все проблемы. Главное чтобы вы были здоровы. Это самое главное...

Тем временем мы вышли на дорогу, и я реально офигел. Стояло штук двадцать машин. Или даже больше...

Москвичи, Волги... Причём среди двадцать первых заметно выделялись две чёрные ГАЗ-24.

Была даже чёрная Чайка ГАЗ-13. А ещё рядом стояли два автобуса. Все машины были украшены зелёными и красными лентами. Вокруг было множество народа. Все так празднично одетые. Многие в национальной одежде...

Куда же мы опять вляпались?

Куда? Куда?

Туда...

Что может быть ярче цыганского табора?

Только армянская свадьба.

* * *

Нам с Натаном выделили двадцать первую Волгу и куда-то повезли. Сказали, что к врачу. А колонна свадебного кортежа двинулась дальше. С нами отправили молодого человека. Парень был сильно расстроен. Даже больше. Он чуть не плакал. И это было совсем не забавно. У него было лицо человека, который в один момент потерял всё.

Натана почти сразу же укачало. Машину остановили, и ушибленный в голову музыкант, стал блевать, орошая придорожные кусты остатками переработанного завтрака. Диагноз был налицо. Сотрясение мозга. Симптомы самые те. И глаза у него такие в глядящие одновременно и внутрь себя и в разные стороны... И вот теперь ещё головокружение с тошнотой.

— Надо скорее к врачу. У него сотрясение мозга.

Парень пришёл в себя и пробормотал:

— Да, да...

— А с тобой-то что? — я не скрывал своего раздражения. — Ты вроде с горы в железной машине не кувыркнулся, а выглядишь, как с нами вместе был.

— Вай! Ты не понимаешь. Я всех подвёл. Я вас чуть не убил. Это была бы не свадьба. Какая свадьба на крови?

— Так это ты в нас врезался?

— Нет... Я в той машине был. Кино снимал про свадьбу. Я всё время водителя подгонял. Давай быстрее, быстрее! А он вот взял и в вас врезался.

— Ну, у него-то своя небось голова на плечах. Он мог бы и не ехать так быстро. Ты-то тут причём?

— И он тоже виноват. Но я... Я камеру разбил. Кино не будет про свадьбу. Как я потом в глаза товарищу Саркисову буду смотреть. Он скажет, что я бесполезный...

— А Саркисов — это дядя Саркис?

— Да. Саркисов Саркис Арменович, второй секретарь горкома. Он кавор на свадьбе.

О, как. Это мы удачно зашли. Выходит, что меня сам второй секретарь горкома под ручку из канавы вытаскивал.

А парень этот как бы так сказать, «потерял лицо». И теперь ему все будут вспоминать ещё долго, как он на свадьбе перед всеми родственниками и солидными людьми облажался...

— Поясни мне: Кавор — это кто?

— Понимаешь, на нашей свадьбе кавор — это главный человек. Как по-русски — отец...

— Ясно. У нас тоже на свадьбах бывает очень важный человек. Говорят или свадебный генерал, или посаженный отец.

Натан закончил свои процедуры, и мы снова поехали дальше. А я продолжил свой допрос:

— Тебя как зовут?

— Тигран.

— А меня Маша.

— Я знаю...

— А ты камеру совсем разбил?

— Да. Вдребезги. Я камеру выронил, когда врезались, а по ней следующая машина проехала.

— И много уже наснимать успел?

— Только зарядил новую катушку.

— А плёнки целы?

— Да. Плёнки целы. И запасные тоже есть. Вот в сумке. Но камера...

— Ну, так найди другую камеру. В чём проблема?

— Ты не понимаешь. Где я прямо сейчас камеру найду? Таких камер как у меня вообще только две в Туапсе. Только у меня и вторая в студии.

— В какой студии?

— Студия местная. Там работает такой мужик. Русский. Сергей Трофимыч. Он фронтовик. На войне снимал. Сейчас вот тут работает. Снимает хронику, мероприятия всякие. Меня тоже он учил... Он профессионал, а я — студент ещё. Мне дядя подарил

камеру на день рождения.

— Дядя Саркис?

— Нет. Другой дядя. Дядя Арман.

Хорошо у вас, у армян, столько разных полезных дядей...

— Стоп. Сколько стоит новая камера?

— Много.

— Я не знаю такой суммы — много. Я спросила сколько?

— Четыреста рублей.

— А он продаст тебе камеру?

— Нет. Он хочет другую купить, но она дорогая.

Тем временем мы приехали куда-то и разговор прервался. Оказывается, мы приехали на дом к фельдшеру. Женщина. Тоже армянка. Просила называть её тётя Ася. Хотя по-армянски её имя — Астхик. Сразу сказала положить Натана на кушетку. Посветила ему в глаза и подтвердила мой диагноз. Сказала, что ему нужен покой. Сделал ему какой-то укол.

Я пытался докричаться до Инги, но она не ответила мне. Я долго кричал. А в ответ тишина...

Сначала я умылся, а потом тётя Ася обработала мою рану на лбу перекисью и залепила пластырем. Ладно, с раной потом разберёмся. Я попросил Тиграна принести наш чемодан. А когда он принёс слегка сплюснутый чемодан, то пояснил, что мне надо переодеться, и остался в комнате наедине с Натаном. Решил попробовать подлечить его сам без Инги. Поднёс руки к его голове и в духе Алана Чумака стал давать установку на выздоровление. Не знаю, что получилось, но зелёные искорки с кончиков моих пальцев срывались и исчезали в голове Натана. А потом я сказал ему: «Спи!» И он послушно уснул.

Я переоделся. Надел синее платье. Другого нет. Красные туфли... взял свою маленькую красную сумочку, положил туда штук десять стельников и начатую пачку десяток.

По привычке спрятал под деньгами свой стилет. Сумку с нашим общаком и револьвером, подложил под голову спящего.

Выйдя из комнаты, я посмотрелся в зеркало.

Да-а... Не комильфо. В верхней части лба наискось был прилеплен пластырь. И лоб был такой, слегка припухший.

— Астхик-джан! А у вас нет ничего, чтобы прикрыть это? — я указал на лоб. — Может платок какой есть? Лучше если красный...

Улыбнувшись, тётя Ася вышла из комнаты. Минут через пять я пристраивал на голове на удивление подходящий мне по цвету платок. Там на красном поле, по краям были синие и голубые цветы...

Изобразив что-то типа банданы, я снова стал любоваться собой в зеркале. Получилось немного по-цыгански, но зато в цвет. Синее платье, с пояском. Красные туфли и красная сумочка. А на голове красный с синими цветами платок. Нормально.

Я вышел в коридор, поблагодарил тётушку, а потом скомандовал Тиграну:

— Поехали!

— Куда? — он смотрел на меня удивлённо.

Я тяжело вздохнул и сказал этому молодому пареньку, который стоял с видом человека, собирающегося прыгнуть с Бруклинского моста:

— Камеру тебе покупать поехали. И давай шустрее, а то скоро свадьба закончится.

Գլուխ չորրորդ.

Армянская свадьба

Հայկական հարսանիք.

Дело не стоило выеденного яйца.

Сергея Трофимовича мы нашли на местной студии. Я вкратце рассказал ему всю историю, со всеми подробностями.

Он проникся. Посочувствовал.

А потом мы стали торговаться. Впрочем, торговаться долго не пришлось, так как дядечка мне честно сказал, что ему не хватает на новую камеру ровно шестьсот сорок рублей.

Я сделал вид, что задумался. А потом расстроенным голосом спросил его:

— Сергей Трофимович! Пожалуйста! Продайте мне эту камеру за семьсот рублей! У меня больше нет.

— Э...

Он сначала хотел что-то возразить, потом посмотрел на меня. Взгляд у него был немного недоуменный, зато у меня хитрый-хитрый. И мы дружно рассмеялись.

Тигран всё это время стоял и непонимающим взглядом смотрел куда-то сквозь нас. И чуть выше. Такое ощущение, что он что-то считает про себя... Видимо, он не понял сути наших торгов.

Я отсчитал ветерану семь сотенных купюр, а киномеханик уже отгружал студенту кинокамеру, запасные плёнки и прочие аксессуары. Их набралось целый кофр, который он также вручил нам.

Оказалось, что у новой кинокамеры, которую он купит, будет другой размер плёнки и будут нужны совсем другие принадлежности, а от старой камеры ему ничего не подойдёт. Только путаться будет.

Тигран смотрел на всё это кино-фото-барахло, и был доволен как мартовский кот, объевшийся сметаны. Было похоже, что он сегодня получил в наследство целую киностудию. Уж не знаю какую именно. Может «XX-ый век Фокс», может «Юнивёрсал», а может даже целый «Арменфильм».

— Ну а теперь отвези меня к папе, а сам езжай на свадьбу.

— А ты разве не поедешь на свадьбу?

— Тигран-джан! А что, кто-то меня туда приглашал?

— Саркис Арменович, сказал, чтобы я вас потом привёз на свадьбу.

— Но ты же видел, что папа получил сотрясение мозга и отдыхает у тётки Аси. Плохо ему сейчас и он спит. А тётю Асю почему не пригласили на свадьбу?

— Она позже должна приехать. Мужа ждёт с работы.

— Ясно.

— Ты должна поехать!

— Без подарка?

— Ты — подарок! Самый лучший...

— Это как это? Что это значит?

— Если бы с вами случилось несчастье, и вы... — он вздохнул, подбирая слова.

— Погибли?

— Да... Тогда бы это был плохой знак. Счастья бы молодым не было. Нельзя на смерти, на чужой крови начинать новую семью.

— Ты поэтому так переживал? Не только из-за камеры?

— Камера — это было моё горе, мой грех. А смерть была бы общим горем.

— Ладно, проехали. Как хоть молодых зовут?

— Сурен и Анжела.

— Красивое имя у невесты.

— ...

— Тигран! А как мне надо вести себя на свадьбе? Что нужно делать и чего делать нельзя? Я же не знаю ваших традиций.

Я заметил, что водитель через зеркало заднего вида кинул на меня уважительный взгляд, и как бы соглашаясь со своими внутренними мыслями, молча кивнул.

Кстати, я совсем забыл упомянуть нашего безмолвного водителя. Дядька лет тридцати за всю дорогу не проронил ни одного слова.

Тигран, обращаясь к водителю, называл его Гагик. Но он просто говорил: «Поехали туда! Поехали сюда!» А Гагик молча вёл машину куда скажут. Я этого не понимаю, но меня это и не касается.

Тигран вкратце мне рассказал про обычаи...

Я так понял, что в обязанности девочки на свадьбе входит отвечать на вопросы, самой ни к кому с вопросами не лезть.

В общем, сиди Маша, жуй шапшык, и не отсвечивай!

* * *

Мы ехали в ресторан, где уже должна была начинаться свадьба. Вроде бы успеваем. Небольшой запас, несмотря на все происшествия всё же был. После дороги через горный перевал, всем гостям надо слегка привести себя в порядок. Свадьба была организована в духе армянских традиций. Шёл уже третий день.

В первый день жених с родственниками привезли невесте свадебное платье, ну и всякие там традиционные разговоры-переговоры между старшими. Второй день всё происходило в доме невесты. А третий день, сегодня, самый главный. Я так до конца и не разобрался во всех тонкостях процесса. Ну да мне вроде бы это и не надо.

Я лишь хочу сегодня переговорить с Саркисом Арменовичем. Думаю, что он поможет мне решить нашу транспортную проблему. Тем более, должна же армянская диаспора загладить хоть как-то свою вину перед маленькой девочкой.

Доехали мы быстро, так как от дома тёти Аси было ближе, чем от той канавы, из которой меня сегодня достали.

Пока ехали, я пытался диагностировать своё тело на предмет всяких царапин и ссадин. Рану на голове сегодня залечивать не буду. Нельзя... Я же пострадавшая. Всё должно быть

натурально. А на теле не видно. Пусть думают, что под платьем я весь в синяках.

Без Инги трудно с этим всем разбираться, но я стараюсь. Мысленно пускаю тёплые волны по телу. И если где чего начинает зудеть и чесаться, задерживаюсь там и усиливаю подачу энергии. Вроде как что-то получается. Я понял лишь одно, что стал чувствовать себя более усталым. Но нигде вроде бы уже совсем ничего не болит.

Только под платком чешется... Лишь бы не зажило до конца вечера. А то скажут, что я симулянтка...

Тигран по приезду к ресторану, почти сразу же меня бросил. Ему надо было подготовиться снимать встречу жениха с невестой, и других гостей.

Ну и ладно. Я забежал в ресторанный туалет. Всё-таки давно в дороге. Природа не терпит...

Когда я вышел, то уже что-то начало меняться. Засуетились люди, приготовились девушки в национальных нарядах.

Я отошёл в сторону, чтобы не мешаться под ногами. Пристроился на подоконнике большого окна в фойе.

Сижусь себе... Никого не трогаю...

И тут ко мне подошёл лощёный дядечка лет двадцати пяти и что-то спросил на армянском.

— Я не понимаю. — ответил я.

— Ты что тут делаешь?

— Я жду Саркиса Арменовича.

— О, он сегодня будет очень занят. Он главный человек на этой свадьбе. Вряд ли у него найдётся для тебя хоть одна свободная минутка. Давай! Уходи!

— Хорошо. Тогда я пойду. Только скажите, как Вас зовут?

— Зачем тебе?

Блин. Мне надоело. Я к нему вежливо, а он мне тыкает.

— Когда дядя Саркис меня спросит, почему я ушла и не дождалась его, я скажу ему, что ты меня прогнал. Как тебя зовут?

— Как ты разговариваешь со старшим? Пошла вон, сохи глух!

— Как ты сказал? Сохи глух^[1]? Я запомню. Это твоё имя?

— Да, ты! — он замахнулся, чтобы наотмашь залепить мне пощёчину.

Ага... Щас...

Тычок в солнечное сплетение, и дядя оседает, задыхаясь, на пол. А я ему выдыхаю в лицо полущёпотом:

— Ты сначала разберись, кого ты выгоняешь, химар мард^[2], а потом уже руки распускай.

Оставив его восстанавливать дыхание, я вышел на улицу. Ну не устраивать же мне эпическую битву девочки с идиотом, прямо перед самым приездом жениха и невесты. Отошёл в сторону, почти к самому углу ресторана.

Стою. Никого не трогаю. Закурил бы сейчас. Да мои сигареты в машине остались... А блок в чемодане. Не догадался с собой взять. Ну и наверное правильно сделал. Местные люди не поймут, почему маленькая девочка курит... Ругаться будут...

А у входа в ресторан повеселело. Подъезжали машины. Выходили нарядные гости. Играла музыка. Девушки в национальных костюмах танцевали перед входом.

Видимо из-за этого шума я и не расслышал подошедших ко мне сзади врагов. Меня так

могли бы и вырубить напрочь. Старее... Совсем расслабился...

Но злобные злодеи же не умеют подкрадываться молча. А трусам и подлецам надо ещё при этом себя накрутить, обозвав и оскорбив свою жертву.

— Попалась, сучка!

Я инстинктивно ушёл в сторону, и лишь увидел, как почти рядом с моим плечом мелькнула палка.

Ну не хрена себе заявочка. Это же черенок то ли от лопаты, то ли от швабры. Таким не только плечо сломать, таким и убить можно, если бить умеючи...

Но второго шанса ударить я ему не дал. Хотя в платье это было делать не так красиво, как в спортивном костюме или в кимоно, но всё же широкая юбка позволила мне нанести этому хлыщу удар ногой в лицо. Прямо в нос... Это его притормозило. Выпустив палку, он упал на колени, а ладонями схватился за разбитую физиономию.

О... Да он не один пришёл. За его спиной маячили ещё двое. Одеты как официанты. Чёрные брюки и белая рубашка с бабочкой. И кажется мне, что ребята настроены решительно.

После первого удара, я понял, что в туфлях на каблуках прыгать и бить ногами не слишком удобно. Я скинул туфли, а заодно и бросил на землю сумочку.

На меня, уже нёсся один из официантов. Но я в прыжке, умудрился вклепить ему встречный удар пяткой в челюсть. Голова его дёрнулась, и он лицом вниз, плашмя упал на травку.

Третий сделал вид, что дёргается на меня, но его глаза выдавали полное нежелание вступать со мной в драку. Я сделал шаг вперёд и выполнил ложный замах в его сторону. Он просто развернулся и побежал куда-то за угол ресторана.

Оказывается, там за углом был боковой вход видимо ведущий прямо на кухню. Ну, сейчас он ещё повара с поварятами на помощь позовёт.

Может пора уже добить этих двоих, и свалить куда подальше?

Не успел...

Позади меня раздался грозный мужской голос:

— Что здесь происходит?

Я повернулся и увидел сначала высокого крепкого милиционера в форме сержанта, а в нескольких шагах позади него товарища Саркисова с взволнованным лицом.

Ответить на вопрос милиционера я не успел, так как Саркис Арменович подойдя, участливо спросил меня:

— Маша-джан! Что случилось?

— Да, в общем-то, ничего, товарищ Саркисов. Просто я прочувствовала на себе настоящее армянское гостеприимство. Сначала нам разбили вдребезги машину, и папа сейчас лежит с сотрясением мозга. Потом в ресторане, в который как мне сказал Тигран, Вы меня пригласили, меня сначала оскорбили, потом выгнали, а затем захотели избить сразу трое смелых армянских мужчин. Это, наверное, так по-армянски дорогих гостей встречают. Если на этом всё, то я пошла к папе... Если у Вас ещё есть какие-то традиции армянского гостеприимства, то...

Откуда-то снизу раздался писк?

— Она мне нос сломала, сука.

— Только после того, как ты меня палкой ударил. — ответила я валяющемуся на земле хлыщу.

— Маша! Что ты такое говоришь? Кто тебя оскорбил?

— Не меня, а всех русских людей в моём лице. Или «сохи глух» — это просто ничего не значащее слово?

При моих словах, сержант, явно славянского вида, напрягся.

— Маша-джан! Произошла ошибка. Ты — мой гость.

— Если бы я не увернулась пару минут назад, то вашему гостю уже проломили бы череп, вон той палкой. Зачем было такое сложное изобретать? Добили бы нас с папой там, в канаве, возле нашей разбитой машины. И поехали бы себе дальше свадьбу свою праздновать...

Я уже надел туфли, подобрал сумочку, и пошёл, не оглядываясь в сторону от ресторана...

Далеко мне уйти не дали. Меня догнал и вежливо взял за руку давешний милиционер.

— Подождите, пожалуйста! Вас, кажется, Машей зовут?

— Да. Что? Теперь мне обвинение предъявят за избиение группы лиц? Не получится. Мне только тринадцать лет и уголовной ответственности я не подлежу. А так, как я только что после аварии и имею травму головы, — я стянул с головы платок, обнажив заклеенную рану. — то могла бы и убить этих храбрых мужчин в состоянии аффекта. Смелые армяне не испугались втроём напасть на маленькую девочку...

— Успокойся, Маша! Ты и так много лишнего наговорила очень уважаемому человеку.

— Ах, простите меня! Я же не знала, что только русских можно унижать и оскорблять на территории РСФСР.

— Девочка! Выслушай меня! Я вижу, что ты на взводе. Успокойся! Я тебе не враг.

— Ну, тогда отпускай мою руку и я пойду.

— Саркис Арменович попросил тебя остановить. Он готов извиниться перед тобой. Но не будет же он с тобой в догонялки бегать.

Приглядевшись, я понял, что парню всего-то лет двадцать с небольшим. Просто высокий рост, широкие плечи, форма и усы в придачу, добавляют ему взрослой солидности.

— Тебя как звать-то, сержант?

— Семён... — он вполне лояльно отнёсся к моему переходу с ним на «ты».

— Сеня, значит... Тебе самому-то как здесь, не противно?

— Да местный я. Из казаков. Давно с ними живём. Привыкли уже.

— А я не привыкла, чтобы любой халдей в меня палкой тыкал и сукой называл. И привыкать не хочу.

— Лихо ты им наваляла. Я видел. Где так научилась?

— Учителя хорошие были. Сеня! Ты мне скажи: Чего Саркисову от меня надо?

— Зря ты на него. Сам-то он дядька не плохой. Фронтовик, боевой офицер. Это сейчас он в горькоме. А до этого у нас служил.

— А ушёл чего? Служил бы дальше...

— Отслужил он уже все свои сроки. Позвали на партийную работу. Я когда после армии в милицию пришёл устраиваться, он ещё у нас начальником был. Его до сих пор наши уважают.

— Выходит, я погорячилась, и наговорила ему лишнего.

— Выходит, что так.

— Знаешь, как не хочется снова туда возвращаться. Там сейчас пить-гулять начнут. А мне-то там, что делать?

— Он просил тебя вернуть. Пожалуйста! Поговори с ним! Только нормально, без нервов. Вот как со мной.

— Хороший ты парень, Сеня! А ты тут дежуришь, что ли сегодня?

— Ну да... — он усмехнулся. — Чтобы порядок был...

— Ладно. Пойдём раз надо. Только будь со мной рядом. А то я тут почти никого не знаю. Вдруг снова непонятки возникнут.

В фойе ресторана я подошёл к большому зеркалу и снова повязал платок. А про себя подумал: «Серия вторая. Те же и там же.»

Семён маячил неподалёку. Из зала, где гуляла свадьба, доносились весёлые голоса и музыка. Идти туда мне совсем не хотелось.

Когда минут через десять из зала появился Саркисов, то я первым начал разговор:

— Саркис Арменович! Извините меня! Я сгоряча наговорила Вам много лишнего. Не смогла обуздать свои эмоции.

— Я на тебя не сержусь, Маша... И я сам готов извиниться перед тобой, за того идиота, который не умеет себя вести в приличном обществе. Этого Алика вообще здесь быть не должно. Он ни с какой стороны не родственник. Ни со стороны жениха, ни со стороны невесты. Он просто сын директора этого ресторана. Тупой, жадный и глупый. А сегодня я узнал, что он ещё и не мужчина. На девочку руку поднял. Один не справился, ещё двоих позвал. Подонок! Ты прости меня! Я виноват.

— Вы ни в чём не виноваты, Саркис-айрик.

— Откуда ты знаешь армянские слова? Я же знаю, что ты не говоришь по-армянски. Но слова говоришь правильные и к месту.

— У меня друг был Ашот. Там в Москве. А потом он с семьёй уехал на Дальний Восток. Отец его военный.

Я не стал упоминать, что это было в моей другой жизни.

— Пойдём, Машенька! Ты сегодня мой гость. А я на этой свадьбе почти самый главный.

— Тигран сказал, что кавор на свадьбе самый-самый главный.

— Спасибо тебе за Тиграна! Он мне рассказал, что ты его спасла от позора.

— Не стоит благодарности. Люди должны помогать друг другу.

— Об этом мы тоже после поговорим. Я тоже хочу тебе помочь. Потому что перед тобой сразу две семьи виноваты. Вы ехали на море, а попали...

— В канаву... Но вы же помогли мне оттуда выбраться, дядя Саркис... — я улыбаюсь.

— Пойдём, ахчи^[3]! Там больше нет того болвана, и тебя никто не обидит. Рядом со мной есть свободное место. Побуду твоим переводчиком, потому что там многие говорят только на армянском.

Я послушно иду следом. А что мне ещё остаётся делать? Этот человек мне точно не враг. Зря я ему наговорила всего...

* * *

Сидим. Едим.

Чувствую себя немного чужим на этом армянском празднике жизни. Почти ничего не понимаю. Лишь чувствую, что людям весело и хорошо. Я уже попробовал долму и хоровац. Хоровац — это такой шашлык, но большими кусками. Запивал всё каким-то лёгким вином. Отпивал небольшие глоточки. Не хватало мне тут ещё и наклюкаться.

По инерции продолжаю клевать закуски. Сыр, бастурму... Вообще всё очень сытное и всего много. Понятно, почему за столом особо худеньких нет. Я уже объелся. Надо бы сделать перерыв.

Разглядываю присутствующих. Жених худой высокий парень, а невеста пониже ростом, очаровательная «пышечка» с чёрными выразительными глазами.

Ресторанные музыканты периодически что-то играют. Но репертуар либо национальный, либо советский, этого периода...

И тут в мою хмельную голову приходит свежая идиотская мысль.

— Дядя Саркис! А можно мне пообщаться с музыкантами, когда у них будет перерыв.

— Да. Скоро будут гости дарить подарки, а музыканты в это время отдыхают. А что ты хочешь?

— Попробую подарить песню для молодых.

— Ты умеешь петь?

— Немного. Вообще-то у меня папа музыкант. Он играет на саксофоне, на трубе... вообще на всём, куда надо дуть. Духовые инструменты...

— Понятно. Конечно. Я сейчас скажу им, чтобы они с тобой пообщались. Думаю, что это хорошая идея. А какую песню ты хочешь исполнить?

— Ну, у меня много разных песен. Про свадьбу, про родителей... просто про любовь и женскую красоту. Это уже от музыкантов зависит. Смогут ли они быстро мои песни разучить и подыграть мне.

— Это хорошие ребята. Я их знаю. Они играют в ресторане. А в ресторане всегда разные песни заказывают. Так что у них богатый опыт. Думаю, что они справятся.

* * *

Музыканты были вполне вменяемые ребята. В составе ресторанного ансамбля были следующие инструменты: Две электрогитары. Бас и соло. Синтезатор «Ионика» производства ГДР. Ударные, полный набор, включая что-то национальное... Аккордеон и саксофон.

Солистов было двое. Парень и девушка. Хорошие сильные голоса. Так часто бывает, что в ресторанах работают талантливые музыканты. И им для всесоюзной, а может даже и для всемирной известности не хватает лишь денежного и опытного продюсера, который их раскрутит.

Руководитель ансамбля Михаил меня внимательно выслушал, но поначалу отнёсся скептически. Пришлось ему напеть несколько моих набросков... Я просто вспомнил несколько подходящих песенок из будущего. Слегка изменил текст там, где забыл слова.

— А кто будет петь?

— Наверное, что первое исполнение придётся доверить мне, так как я лучше знаю, где и когда поднять вверх, или сделать паузу. Одну из песен могу спеть в дуэте с вашим солистом. Ну, или если ребята смогут справиться без меня, то я не против.

— Мало времени для заучивания. Запиши тексты на бумажке, а лучше продиктуй, или даже напой, чтобы уловить мотив.

Ну а я продолжаю:

— Там есть песня чисто мужская. Постараюсь подробно объяснить как её спеть... А есть одна песня простая, но зажигательная. Очень ритмичная. Как лезгинка. Там слов не много. После первого прогона сможете без меня уже петь. Там главное импровизация лезгинки перед последним припевом.

— А эти песни залитованы?

— Михаил! Мой отец профессиональный музыкант. У него есть все ноты и тексты. Документы уже поданы. Так что через некоторое время будет получен положительный ответ. Но первое исполнение навсегда останется за вами.

Конечно полчаса — это мало, для полноценной репетиции. Но нельзя не отдать честь профессионализму этих ребят. Схватывали малейшие мои интонации на лету.

Почему-то посетила мысль, что у Инги вполне неплохой голос. Ещё не до конца оформленный, но это даже миленько получается. Думаю, что с добавлением бэк-вокала Ларисы, получится супер. Мы с ней уже пошушукались отдельно от парней. Приятная девушка.

Оттягивать дальше, смысла уже нет. Как нет и дороги назад. Я для храбрости решил глотнуть ещё вина...

Подошёл к своему месту. Наполнил бокал...

— Ты уже готова спеть? — спросил меня Саркисов.

— Да, Саркис-джан! Готова.

— Я перед твоим выступлением, скажу пару слов гостям. Не все ведь знают историю нашего знакомства.

— А это надо?

— Обязательно надо, Маша-джан!

Саркис Арменович вышел на сцену, где музыканты уже готовили свои инструменты. Он взял микрофон, пару раз стукнул по нему пальцем, проверяя звук, а потом начал... Первые несколько фраз он произнёс по-армянски. А после перешёл на русский:

— Друзья! Сегодня самый главный день в жизни Сурена и Анжелы. И этот светлый и праздничный день, чуть не был омрачён большим горем. Многие из вас видели это. По дороге сюда, мы чуть не пролили кровь невинных людей. Один из водителей свадебного кортежа, столкнул в пропасть машину, в которой ехали на море вот эта девочка со своим отцом. — он указал на меня.

В зале ресторана воцарилось молчание. А Саркис продолжал:

— Но судьбе было угодно спасти этих людей. Потому что нельзя начинать совместную жизни, пролив чужую кровь. Бог нас всех уберёт. Эта девочка и её отец остались живы.

В зале захлопали, но Саркис жестом призвал их к тишине.

— И эта девочка не затаила обиды на нас. И сейчас она хочет подарить Сурену и Анжеле, а также всем нашим дорогим гостям свои песни.

Все зааплодировали, а Саркисов уступил мне своё место у микрофона.

Микрофон висел слишком высоко для меня. Я просто отсоединил его и взяв в руку сказал пару слов для начала:

— Сурен и Анжела! От всей души, я хочу вас поздравить с бракосочетанием и пожелать вам счастья, любви и крепкого здоровья вам и вашим будущим детям!

В зале снова захлопали.

— Я вижу на ваших руках обручальные кольца. Покажите их!

Молодые подняли руки. Гости снова бьют в ладоши. А я продолжаю:

— Обручальное кольцо — это не просто украшение из драгоценного жёлтого металла. Это — символ! Символ новой семьи. И эта моя песня про ваши кольца...

Музыканты начинают проигрывать, а в нужный момент я начинаю петь:

Среди обычаев прекрасных
Мне вспомнить хочется один,
Он символ верности и счастья
От юных лет и до седин.

Ко мне на этом месте присоединяются солисты ансамбля, которые в данный момент у меня на бэк-вокале:

Ах, этот миг неповторимый,
Когда стучат, стучат взволнованно сердца,
И не забыть, как вы дарили
Друг другу нежно, нежно-нежно, два кольца.

И дальше продолжаем все вместе:

Обручальное кольцо, не простое украшеньё,
Двух сердец одно решенье, обручальное кольцо.
Обручальное кольцо, не простое украшеньё,
Двух сердец одно решенье, обручальное кольцо.

Я замечаю, что некоторые уже начинают подпевать. А что? Слова-то простые, и повторов много. Легко запомнить. Музыканты, думаю, что уже и без меня справятся. Но второй куплет снова начинаю я:

Бродить дорогами крутыми
Придётся в жизни молодым,
Пусть будут руки золотыми,
Характер тоже золотым.

Снова припев поём втроём, а про обручальное кольцо уже подпевает почти весь зал.

Обручальное кольцо, не простое украшеньё,
Двух сердец одно решенье, обручальное кольцо.

Есть такое выражение, поймать кураж. Так вот. Я его поймал. Поётся легко. Голосом могу владеть свободно. Мне хорошо... Заканчиваю петь третий куплет. И уже все гости поют про кольцо. А потом громко хлопают мне и музыкантам...

Кланяюсь, приложив руку с микрофоном к груди. Но надо бы и продолжать. Как говорится:

Show must go on!

— Спасибо за ваши аплодисменты! Мне очень приятно, что моя песня вам понравилась. А следующую песню я хотела бы спеть для тех, кто дал нам жизнь. Для родителей. Ведь сколько бы нам не было лет, для них мы всегда останемся детьми.

Легкий проигрыш на клавишах. И я вновь пою сворованную из будущего песню:

Где бы ни были мы, но по-прежнему
Неизменно уверены в том,
Что нас встретит с любовью и нежностью
Наша пристань — родительский дом.

На припеве меня снова поддерживают профессиональные певцы:

Родительский дом — начало начал,
Ты в жизни для нас надёжный причал.

Родительский дом, пускай много лет
Горит в твоих окнах добрый свет!

Видно, что мои слова пришлись по душе более пожилым гостям.

Второй куплет поём вместе с Ларисой. Я тоже почувствовал, что мне надо сделать перерыв и слегка промочить горло.

И пускай наше детство не кончится,
Хоть мы взрослыми стали людьми.
Потому что родителям хочется,
Чтобы мы оставались детьми.

Припев снова становится хоровым. Видно, что эти люди любят и умеют петь. Когда песня нравится, то подпевать хочется сразу.

Третий, завершающий куплет пою один. Стараюсь спеть как можно душевней, чтобы до слёз и мурашек. Кажется. Что мне это удаётся:

Поклонись до земли своей матери
И отцу до земли поклонись.
Мы пред ними в долгу неоплаченном,
Помни свято об этом всю жизнь.

Кто-то из женщин в зале, уже промокнул глаза платочком. Мне подпевают все.

Родительский дом — начало начал,
Ты в жизни для нас надёжный причал.
Родительский дом, пускай много лет
Горит в твоих окнах добрый свет!

Хлопают громко и долго. Я поворачиваюсь и аплодирую музыкантам. А в микрофон говорю с извинениями в голосе:

— Извините! Мне надо немного отдохнуть. Я же не профессиональная певица. Но у меня для вас есть ещё несколько песен. Сейчас их исполнят эти замечательные музыканты, а я продолжу чуть позже.

Мне снова хлопают. Тамада предлагает всем наполнить бокалы. Немного застолья, а потом со сцены доносятся знакомые мне слова лирической песни. Первый куплет солирует Лариса, а на бэке у неё Андрей:

Покроется небо пылинками звёзд,
И выгнутся ветки упруго.
Тебя я услышу за тысячу вёрст.
Мы — эхо,

Мы — эхо,
Мы — долгое эхо друг друга.

В зале стоит тишина. Песня красивая. А ребята умудрились сразу создать атмосферу своими голосами. Второй куплет поёт уже Андрей. Теперь на бэк-вокале уже Лариса.

И мне до тебя, где бы ты ни была,
Дотронуться сердцем нетрудно.
Опять нас любовь за собой позвала.
Мы — нежность,
Мы — нежность.
Мы — вечная нежность друг друга.

И уже вдвоём они поют третий куплет:

И даже в краю напалзающей тьмы,
За гранью смертельного круга,
Я знаю: с тобой не расстанемся мы.
Мы — память,
Мы — память.
Мы — звёздная память друг друга.

Последние аккорды. В зале тишина. Не звякает посуда. Полная и абсолютная звенящая тишина... И вдруг:

— Bravo! — не знаю, кто это крикнул, но после этого просто взрыв аплодисментов.

Ну а я в это время попросил Саркиса Арменовича, налить мне немного коньяка. Он посмотрел на меня немного укоризненно, но я пояснил, что это надо для голосовых связок.

Он налил мне в рюмку совсем немного. Я выпил одним глотком. Горло приятно обожгло.

В это время тамада начал длинный тост, гости занялись едой и выпивкой.

— Это твои песни? — в голосе Саркисова не было недоверия, там сквозило лишь удивление.

— А вы их где-то уже раньше слышали?

— Нет. Если бы эти песни кто-то где-то уже спел, то их бы уже давно везде пели бы. Потому что песни правильные. Про родителей... Я чуть не плакал... Мой отец погиб здесь на перевале. И мама уже умерла, через год после войны.

— А моя мама погибла полтора года назад. Бандиты убили...

Он налил себе полную рюмку коньяка и немного плеснул мне:

— За родителей. И дай бог здоровья тебе и твоему папе!

Мы выпили. А он продолжал:

— Эти песни должны услышать люди. У тебя есть на них авторские права?

— Мне тринадцать лет. Какие права у ребёнка?

— А твой отец?

— Не успели ещё оформить. Я только год назад начала песни сочинять.

— У тебя много песен?

— Хватает... — усмехаюсь я про себя.

А тем временем музыканты снова запели. Теперь уже солировал Андрей.

Песенка была, конечно, немного банальная, но слова припева понравились всем. Андрей смог поймать правильную интонацию и сейчас выдавал, знаменитое в будущем:

Потому что нельзя, потому что нельзя,
Потому что нельзя быть на свете красивой такой...

Танцевали пары. В основном молодые. Молодых было много в зале.

Совсем юные и чуть постарше девчонки щеголяли смешными высокими причёсками. Сейчас это модно.

Парней было заметно меньше.

Ну, да... Кажется именно в это время звучала песенка, что на десять девчонок по статистике девять ребят.

Значит, мне пора добавить девочкам песню.

Я вернулся на сцену, и взяв микрофон, обратился именно к ним, к молоденьким девчонкам:

— И снова здравствуйте! Следующую песню я хочу спеть для всех молодых девушек. Посмотрите на невесту! Как она счастлива! Но если в зале есть девушки, которые ещё не нашли своего избранника, не расстраивайтесь и не завидуйте! У вас ещё всё впереди...

Я беру электрогитару, вешаю её ремень себе на шею. Микрофон уже сделали для меня пониже.

Начинаю петь без музыки. Лишь слегка себе подыгрываю на гитаре. Вместо медиатора я взял двадцатикопеечную монетку. Музыканты ждут, чтобы вступить на припеве.

Прости меня, Юлия Савичева! У тебя действительно хорошая получилась песня. Но этот мир немного отличается от моего, может и песни здесь будут другие.

Я пою. И мне всё больше нравится это делать.

Может и правда сделать карьеру в шоубизнесе...

Но это всё потом. А пока, я всего лишь пою на армянской свадьбе для девчонок:

Проходят дни, пролетают года,
Высыхают океаны, океаны...
А ты одна, в твоей душе и глазах
Эти слезы, эти раны, эти раны...

Я бью по струнам, меня поддерживают музыканты ансамбля. На припеве я стараюсь выдать побольше драйва. И у меня получается:

Но не смотри, не смотри ты по сторонам!
Оставайся такой как есть! Оставайся сама собой!
Целый мир освещает твои глаза,
Если в сердце живет любовь...

Второй куплет звучит уже поживее:

Просмотрела все фильмы о любви,
Но в жизни тоже много сказок, много сказок...
Не спеши, подожди, увидишь ты
Все будет, но не сразу, но не сразу...

А на припеве снова зажигаем... И уже до конца песни поём с должной долей оптимизма. И Лариса мне снова помогает. Но при этом не старается перетянуть на себя. Голос то у неё посильнее моего, но сейчас она номер два:

Но не смотри, не смотри ты по сторонам!

Оставайся такой как есть! Оставайся сама собой!

Целый мир освещает твои глаза,

Если в сердце живет любовь.

Припев мы повторяем несколько раз. Напоследок я пою его один. Уже более тихо. И завершаю совсем тихим повторением последней строчки:

Если в сердце живет любовь...

Что тут произошло? Девчонки захлопали, завизжали.

Очень было похоже на кадры с концертов Битлз. Да и причёски у девушек были почти такие же. Кстати, и время почти то же самое...

Меня не отпускают, требуют на бис... Но я непреклонен. Кладу руку на горло, намекая, что больше спеть не смогу.

— Спасибо! Но сейчас ансамбль для вас исполнит мою новую песню. Я написала её сегодня. Когда я впервые увидела Анжелу, когда взглянула в её прекрасные чёрные глаза, я очень пожалела, что я не парень. И эта песня для неё.

Делаю паузу...

— А ещё эта песня для всех девушек с прекрасными чёрными глазами.

Зазвучала задорная лезгинка. Я уступил микрофон Андрею, а сам незаметно удалился со сцены.

После небольшого ритмичного проигрыша, началась песня.

Я не помнил все слова из этой песни. Так что пришлось постараться и заменить какие-то строки своими словами. Но вроде бы получилось неплохо:

Белый снег сияет светом, черные глаза.

Осень обернется летом, черные глаза.

Ослепляют красотой, черные глаза

Очарован я тобою, черные глаза.

А уж простой припев с задорной музыкой никого в этом зале не оставляет равнодушным. Хочется, как в фильме у Гайдая пьяным голосом громко выкрикнуть: «Танцуют все!»

Черные глаза — вспоминаю, умираю.

Черные глаза, я только о тебе мечтаю.

Черные глаза — самые прекрасные!

Черные глаза, черные глаза, черные глаза.

И снова:

Черные глаза — вспоминаю, умираю.

Черные глаза, я только о тебе мечтаю.
Черные глаза — самые прекрасные!
Черные глаза, черные глаза, черные глаза.

Больше куплетов я вообще не знал. Пришлось второй куплет написать целиком самостоятельно. Третий я решил не делать. Вместо него будет большой проигрыш в ритмах лезгинки.

Сердце я тебе открою. Чёрные глаза.
От беды тебя укрою, чёрные глаза.
Для тебя мои все песни, чёрные глаза.
Верю я — мы будем вместе, чёрные глаза.

Зажигательный припев казалось, что уже подпевают все:

Черные глаза — вспоминаю, умираю.
Черные глаза, я только о тебе мечтаю.
Черные глаза — самые прекрасные!
Черные глаза, черные глаза, черные глаза.

Припев можно было петь без остановки. Этим песня и хороша. Она самая что ни на есть танцевальная. Думаю, что и в этом мире у неё большое ресторанное будущее.

Между припевами ударник выдавал такое, что просто хотелось броситься в пляс вместе со всеми. Танцевали молодые парни, танцевали мужчины с солидными авторитетными животами, все танцевали от души с огоньком. Но вот закончился проигрыш и напоследок зазвучал бесконечный припев:

Черные глаза — вспоминаю, умираю.
Черные глаза, я только о тебе мечтаю.
Черные глаза — самые прекрасные!
Черные глаза, черные глаза, черные глаза.

И снова. И снова...

Черные глаза — вспоминаю, умираю.
Черные глаза, я только о тебе мечтаю.
Черные глаза — самые прекрасные!
Черные глаза, черные глаза, черные глаза.

Наконец песня закончилась. Все изрядно выдохлись, но глаза горели радостью. Музыкантам хлопали. Кричали: Браво! Бис!

Но сил уже ни у кого не было. Тамада позвал всех за стол, чтобы выпить за...

Да, блин. За меня! За девочку Машу, которая написала и подарила всем такую чудесную песню!

Я даже покраснел. Как меня хвалили. Какие слова говорили. А мне было стыдно за стыренные из будущего песни. Щёки мои горели...

Саркис хотел налить мне коньяка, но я прикрыл рюмку ладонью и взял бокал с вином.

Вот так вот. Попал, совсем случайно, на абсолютно чужую свадьбу, а теперь все пьют за меня. Парадокс.

* * *

Свадебный банкет двигался к своему завершению.

Я уже заметил, некоторых гостей, которые прощаясь, покидали зал. Ну а сам давно уже ощущал усталость. И моральную и физическую. Это заметил и Саркисов.

— Маша-джан! Кажется, что ты уже хочешь уйти. Устала?

— Да, Саркис Арменович. День был насыщенный. Можно даже сказать, что тяжёлый.

— Но ты хорошо держалась.

— Старалась...

— Тигран тебя проводит. Ему уже здесь нечего снимать. А с утра я вас с отцом жду у себя. Водителя за вами я пришлю. Ты его видела. Это Гагик.

— Это такой молчаливый дяденька? Он за всю дорогу слова не сказал.

— Он раньше был очень весёлым человеком. Но потом у него в семье произошло горе. Ждали ребёнка. Но на последнем месяце беременности, его жена попала под машину. Водитель грузовика был не виноват. Чисто женская невнимательность. И я, и он тогда работали в милиции. Это дело мы как под микроскопом расследовали. Водитель был абсолютно невиновен. Все свидетели настаивали на том, что она сама просто шагнула вперёд под машину. Никого рядом с ней не было. Водитель был трезв. Скорость не превышал. Но времени для торможения у него просто не оставалось. Она шагнула из-за куста. Шофёр её увидел только в момент удара. И с тех пор как её похоронили, Гагик молчит. Просто молчит. Всё слышит, всё понимает. Даже улыбается иногда. Но молчит. Из-за этого его из милиции уволили по инвалидности. Врачи говорят, что это может пройти. Но, вот уже пять лет не проходит.

— Ясно. Только папа же сейчас в доме у тёти Астхик...

— Это хорошая женщина. Гостям у нас рады. Ты зря тогда сказала про нас плохо...

— Но...

— Но ты была права. Один паршивый человек кинул тень на всех нас. Это позор. Он для меня больше не существует. Такой подлец. Трус. Шакал.

— Да, ладно. Такое бывает. Но хороших людей гораздо больше, чем плохих...

— Мы с тобой завтра поговорим. Я думаю, что смогу заглядить свою вину перед твоей семьёй.

— До свиданья, дядя Саркис!

— До завтра, Маша-джан.

Около ресторана стояла знакомая уже мне Волга. Рядом с Гагиком стоял милиционер Сеня и они «разговаривали». Говорил-то, конечно, Семён, а молчаливый водитель лишь кивал в ответ соглашаясь, а иногда не соглашаясь с собеседником.

Увидев меня, оба улыбнулись. Сеня произнёс длинную речь, про то, как ему понравились мои песни, какая я молодец, умница и красавица. Он бы ещё долго пел мне дифирамбы. Но его прервал Гагик. Распахнув переднюю пассажирскую дверь, он сделал приглашающий жест.

— А Тигран где? — спросил я.

— Знаешь, он пошёл Сусанну провожать до дома. Сказал, что Гагик маршрут и без него знает.

— Ну, пока, Сеня! — попрощалась я с разговорчивым сержантом, садясь в машину к молчаливому водителю.

Ехали недолго. Тут всё близко. Я не затевал разговоров, зная, что ответа не получу. Гагика это совсем не смущало. Мы просто ехали.

Водитель остановился напротив дома тётушки Астхик, и выйдя из машины открыл мою дверь.

— Спасибо, Гагик-джан!

Он в ответ просто кивнул, слегка улыбнувшись. А я пошагал через дорогу в сторону приоткрытой калитки...

Вот что за чувство такое — интуиция?

Даже уже не интуиция, а чуйка...

И она мне сейчас просто кричит обо опасности...

Я физически ощущаю, что мне в спину кто-то целится.

Нет, не просто смотрит, а именно — целится.

Не боясь даже смешно выглядеть со стороны, в глазах молчаливого Гагика, я резко упал на землю.

В тот же момент раздался оглушительный выстрел.

Я увидел, как в мою сторону метнулся, не успевший сесть за руль Гагик. В момент, когда меня накрыло тело молчаливого водителя, раздался новый выстрел.

Из кустов появилось одетое в тёмную одежду тело с пистолетом в вытянутой руке.

Снова выстрел и снова не в меня.

Гагик был намного меня крупнее. И он уже принял на себя две пули предназначавшиеся лично мне. Но при этом он на меня так навалился, что лишил возможности двигаться. А это плохо... Очень плохо.

Почему больше не стреляют? Я выглянул и заметил, что у стрелка какие-то проблемы с оружием...

Это мой шанс, и потерять его нельзя.

Я напрягся и сдвинул Гагика в сторону, а сам вскочил и бросился прямо на

неизвестного киллера. Убегать от человека с огнестрельным оружием просто глупо. Умрёшь усталым.

Стрелок справился с перекосившимся патроном, и снова стал поднимать пистолет. Всё решают доли секунды. А так, как расстояние между нами уже было не больше трёх метров, то я прямо на бегу прыгнул и вцепился в злодея с остервенением дикой кошки. Мы упали на землю, и пистолет со стуком вылетел из руки убийцы. А я бил его кулаками в лицо, замотанное тёмной тряпкой.

Бил, снова бил и не мог остановиться.

Тело подо мной уже не шевелилось, когда я наконец, прекратил наносить удары, и тупо сидел на поверженном противнике тяжело дыша.

Только сейчас я услышал крики людей и шум подъезжающей машины. Меня осветили яркие фары, и сразу несколько голосов стали кричать, чтобы я поднял руки и не дёргался...

— Вон там лежит его пистолет. — махнул я в сторону валяющегося в полутора метрах от меня ТТ. — Не трогайте! На нём его отпечатки... И ещё где-то должен быть перекошенный патрон. Его заклинило...

В глазах у меня замелькали цветные круги, и я потерялся во времени и пространстве. Всё-таки день был слишком насыщенный событиями.

Помню быстро надвигающуюся на меня поверхность неровного асфальта, и всё.

Тьма.

Опять тьма...

Да сколько ж можно-то...

Не поможет коготь острый, крепкий клюв и скорлупа.
В этом мире всё так просто: Жизнь — звериная тропа!
И скорлупки покидая, ты запомни навсегда,
В джунглях заповедь такая: Кто б ты ни был, ты — еда!

* * *

В голове — туман. Вместо звуков какое-то гудение. Или жужжание... Будто бы три тысячи комаров одновременно и в унисон зудят, зудят. И всё это лишь внутри моей головы.

Видимость — ноль. Я не могу открыть глаза. И даже нет света, который обычно проникает даже сквозь закрытые веки.

Сквозь монотонный зуд в голове вдруг нарастающим набатом начинают появляться новые звуки. Как будто ударяют в большой колокол. Но бьют не металлом о металл. А чем-то мягким...

Смешно. Я вдруг представил себе большую кувалду, обёрнутую толстым слоем войлока.

Бум!

Бам!..

— Саш!..

Бу-ум!..

— Са-а-аш!

Что? Где? Кто? Саша?

Я — Саша? Но я вроде бы сегодня — Маша? Или Инга?

— Саш! Да очнись уже! Я здесь.

— Инга?

— Нет, блин... Тётя Мотя. Кто же ещё?

— А где я?

— Лежишь на кровати и не подаёшь признаков жизни. Притворяешься трупом. Хотя...

Трупы не дышат и трупы не слышат...

— Инга! Скажи толком. Что со мной?

— А я откуда знаю? Тебя одного оставлять надолго нельзя... Сколько злодеев ты сегодня замочил? А вчера?

— Вчера... Одного вроде бы... А сегодня? Тоже, кажется...

— Сегодняшний выжил. Правда, морду ты ему слегка расплющил.

— Инга! Ты где была? Тебя не было несколько дней.

— Всего? А мне казалось больше...

— Ты не ответила.

— Да, так... Разве всего упомнишь? Просто, когда Малыш проснулся...

— Там же должно пройти не меньше чем лет двадцать-тридцать...

— Саш! Что ты знаешь о времени? Ты думаешь, оно такое... линейное.

— Ну... Ты говорила, что там проходит несколько месяцев, а здесь может пройти пара

часов...

— Не каждый раз. Иногда здесь час, а том — год, или наоборот. Это — время. Оно не прямое, не спиральное, а, как клубок ниток. Причём клубок не намотанный аккуратной бабушкой, а запутанный шаловливым котёнком. По системе путай-путай. Понятно?

— Ни хрена не понятно.

— Вот и мне тоже. Мы с Малышом там год уже развлекаемся. Пока откапывались из бункера.

— Что? Вас там что, засыпало?

— После взрыва сдвинулись какие-то слои, и оказалось, что некоторые отсеки стали недоступны. Ну, вот мы с двумя ножами, кое-как и выбирались. Это как в книге про Робинзона. Вот он остров. Вот он я. Больше нету ни *уя... Ничего, в общем...

— Инга! Не матерись! Ты же девочка...

— Да, я знаю. Мне уже об этом говорили...

— Ну и как там Малыш?

— А что ему будет? Живёт в лесу. Дружит с волками.

— Как Маугли?

— А... Ну да, ты рассказывал мне эту сказку. Так вот это ни хрена не сказка... Рара говорила...

— Кто?

— Рара — это рысь... Почти... Ну, она похожа на рысь. Такая очень большая кошка.

— Говорящая кошка?

— Саш! Ты тупой? Или тебе по голове сильно ударили?

— Инга! Не хаами!

— Ты всё забыл, чему нас бабушка учила?

— Это она тебя учила, а меня там вроде бы не было тогда...

— А-а... Ну да... Я это как-то упустила. Просто мы всё время вместе... А теперь не всё время. Давай тогда сначала ты мне расскажешь, что тут у тебя было, а потом я.

— А почему я первый?

— У тебя тут времени меньше прошло.

— И с какого момента тебя со мной не было?

— Дай подумать... Я Витьку залечила... Вылечила... Потом... Всё. Больше ничего не помню.

— Ясно. Примерно дней пять прошло. А там сколько?

— Не знаю... но Малышу уже... Почти девять лет.

— То есть больше года. Никак не привыкну к этим временным парадоксам. Ладно. Слушай! Расскажу, как тебя, то есть меня... чуть не изнасиловали.

— Чего? Опять?

— Да, нет... Короче...

* * *

Мой рассказ был без особых подробностей, но всё равно времени потребовалось прилично, чтобы изложить его своей соседке по общей голове.

— Машинку жалко. — резюмировала Инга. — А я видела, что было после того, как ты

потерял сознание, сидя на этом Альберте.

— На каком Альберте?

— Который стрелял. Я так поняла, это тот самый сын директора ресторана.

— А-а... Тогда всё ясно. А Гагик? С ним что?

— Это, который водитель? Жив. В больницу повезли пули вынимать.

— Он нам жизнь спас.

— А ещё ранили мужа хозяйки дома, где ты сейчас лежишь.

— Его-то как?

— Вышел встречать, когда машина подъехала. Я так поняла, что когда ты упал, первая пуля в него попала. В плечо. Не смертельно.

— А почему я потерял сознание?

— Переутомление организма. Ты держался на внутреннем запасе. Энергия кончилась, и всё... Помнишь как Вадиму волосы отращивали и нас потом вырубил.

— Но я же ничего не колдовал.

— А это не обязательно. Внутренний энергетический ресурс не только на это расходуется. Ты до самого позднего вечера был бодрым. Энергия автоматически изнутри расходовалась на поддержание баланса. А потом всплеск и выплеск энергии. Это когда ты дрался с этим... А когда всё закончилось, организм решил, что опасности больше нет... и уснул.

— Как всё сложно...

— Да ладно...

— Вот ты сейчас спишь. А организм восстанавливается. Ну и я ещё добавляю. Когда тебя тут выключило, у меня там сработала как бы сказать...

— Сигнализация?

— Что-то типа того. И я сразу сюда переместилась.

— А как же Малыш?

— Справится. Ему Рара поможет, если что.

— А теперь давай поподробнее! Про Малыша, про Рару и про волков...

* * *

Рассказ Инги о своих похождениях на заповедной планете длился не слишком долго. Она в основном кидала мне картинки, а описание самих приключений было скудным и информативным.

Но из её рассказа я понял лишь одно. Там, на той планете уже прошло больше тридцати лет. Но Малыш в медицинской капсуле оставался прежним.

Когда сработал таймер и капсула открылась, то он оказался один на один со всем окружающим миром. И именно из-за этого он и позвал Ингу. Вместе они стали пытаться выбраться из нижнего медицинского отсека. После взрыва что-то пошло не так. Видимо подземные слои горных пород были не слишком устойчивы и сдвинулись. Заклинило вход в другие отсеки, зато появилась трещина в стене коридора ведущего наверх.

При помощи двух оставшихся дроидов удалось расширить трещину и расчистить проход. На это ушло пару недель. Хорошо ещё, что в медотсеке был запас продуктовых сублиматов.

Из оружия, лишь пару ножей, меч, да всякие железки, которые можно было отломать в

доступных помещениях. Ещё был лук, на котором Малыш обучался стрелять. И стрелы к нему... Всё более серьёзное, типа плазмомётов хранилось в оружейном отсеке. Там в оружейке было много чего интересного, только проникнуть туда не смогли даже дроиды.

А из одежды остался лишь комбинезон, что был на Малыше. Раньше он использовался как домашнее одеяние на корабле. Удобный, прочный комбинезон, но, к сожалению один. За время нахождения на поверхности, то есть за год, прочный комбинезон уже напоминал рванину бомжей среднестатистического города в стиле киберпанк.

Дроиды не могли отходить от базы дальше установленного для них периметра. Но в этом периметре не было ни еды, ни воды, ни растительности. Пришлось уходить подальше в лес, вооружившись всем, что есть. Ну вот так они и сделали.

А на второй день они встретили Рару. Но об этом мне Инга рассказала более подробно.

— Трудно описывать приключения сразу двух личностей, поэтому я буду от себя говорить, чтобы не сбиваться. — оповестила меня Инга и начала свой рассказ.

* * *

Лес был не такой как на земле. Сквозь деревья земли достигал солнечный свет. Я не знаю, как называется эта звезда, вокруг которой вращается эта заповедная планета. Дед говорил, что у неё есть лишь номер и всё. Но, чтобы было попроще, пусть будет Солнце и Земля. Кстати, Луна здесь тоже есть. Одна, но побольше, чем та, что возле нашей Земли. Или просто поближе. Но видно её ночью хорошо, даже очень.

В поисках дичи мы шли по лесу. Но видимо сегодняшней день для охоты годился мало. В маленьком заплечном ранце ещё оставалось два дневных рациона питания, так что голод ещё не грозил, но уже был близок.

Где-то наверху свистели мелкие птицы. Крупных было не видно. Так что мы не могли даже воспользоваться даром внушения, и подчинить себе птицу, чтобы через её глаза разведать местность сверху.

На одной из полянок нос к носу мы столкнулись с большой пятнистой кошкой. Явный хищник. Клыки торчали из пасти. Кошка не нападала... Пока не нападала...

Малыш испугался, но я попыталась взглядом подчинить себе зверя...

Напрасно старалась.

Добилась только того, что в моей голове прозвучали слова:

— У тебя ничего не получится, котёнок!

Я реально прифигела от такого. Но машинально, переспросила:

— Почему?

— Потому что ты ещё котёнок.

Опасности я не чувствовала, хотя Малыш всё ещё боялся. А я почему-то совсем расслабилась и решила поболтать:

— Здравьете, тётя кошка!

Хищник как-то хмыкнул на это моё обращение. Похоже я его развеселила. Но агрессии я совсем-совсем не чувствовала.

— Меня зовут Рара. А как мне называть тебя, котёнок?

— Малыш... — причём это он произнёс вслух.

— А как зовут второго котёнка, который говорит со мной молча?

— Инга. — ответила уже я, но мысленно.

— Это всё сложно для меня и я хочу разобраться. Но звать вас всех вместе я буду просто

— котёнок.

Мы не возражали. Котёнок, так котёнок. Какая разница?

— На кого ты хотел охотиться, котёнок?

— А на кого здесь можно охотиться? Нет же никого.

— Пойдём со мной, котёнок! Я покажу тебе...

Ну и потопали мы вслед за большой кошкой. Хотя скорее она была больше похожа на рысь, но я могу ошибаться. Шли довольно долго. Холмы, поросшие лесом. Низины, заросшие более мелким кустарником.

Перешли через ручей. Рара посоветовала из него не пить. Вода в ручье действительно была мутновата. Я бы и сама не стала такую воду пить. Но видимо эта большая кошка считала нас с Мальшом реально неразумным маленьким котёнком. Ну да ладно. Мы и есть котята в этом незнакомом лесу неизвестного нам нового мира.

Наконец мы вышли в долину большой реки. Наш берег был более высоким, даже скальные выступы присутствовали. А ещё здесь был ручей, подпитывающий реку своей водой. Из него нам пить разрешили. Вода в ручье была холодной и очень вкусной. Хотелось выпить весь ручей сразу, но я сдержалась. Часть холма, обращённая к лесу, была покрыта растительностью, травой и кустами... А обращённая в сторону реки была каменистой, и почти по центру темнело отверстие пещеры.

Видимо это и был дом Рары.

Рассказ Инги был прерван тем, что нас просто... разбудили.

В окно светило солнце. Возле кровати, на которой я валялся в грязном синем платье, стояла целая толпа народа. Натан, тётя Астхик, Саркис Арменович. И ещё несколько человек. Но будил меня именно Натан.

— Маша! Просыпайся!

— Я не сплю, пап. Не надо меня так трясти...

Я потянулся, а потом сделал вид, что только что заметил всех присутствующих.

— А что вы тут делаете? — спросил сразу всех, с поддельным удивлением в голосе.

— Слава богу, ты в порядке... — сказал Саркисов.

Астхик сказала что-то по-армянски, но смысл примерно тот же.

Сделав вид, что я только что вспомнил, что-то важное, я озабоченно спросил:

— Дядя Саркис, а что с Гагиком? Он жив?

— Да, Маша-джан! Жив. Он в больнице. Ночью ему сделали операцию. Врачи говорят что всё будет хорошо.

— Он мне жизнь вчера спас. Две мои пули на себя принял.

— Это ты всё следователю расскажешь. Тот злодей (незнакомое слово на армянском), этот (снова какое-то армянское ругательство) опозорил нас всех...

— Дядя Саркис, а я его вчера разве не убила?

— Выжил. Но красавцем ему больше не быть. Ты из его лица отбивную котлету сделала, девочка. Все кости ему сломала. Челюсть, нос... Зубы его по всей улице валяются до сих пор. Если бы не ты, он бы вас добил бы. У него ещё четыре патрона оставалось...

— Да. У него пистолет заклинило, и пока он с ним возился, я на него...

— Вазген мне всё это рассказал. Он всё видел.

— А кто это?

— Вазген? Это муж Астхик. Ты в его доме сейчас. Его тоже ранило, но не сильно. Е плечо попал. Он вышел встречать тебя, когда услышал, что машина подъехала. А потом ты упала, а в него пуля прилетела. Он видел, как Гагик тебя своим телом накрыл. А этот гад снова стрелял. Но ты потом как прыгнешь на этого Альберта. Вазген сказал, как дикая кошка. И стала его бить.

— И где сейчас этот Альберт?

— Тоже в больнице лежит, под капельницей. А потом в тюрьму пойдёт. Никто ему не поможет. Вот его отец пришёл к тебе.

Саркисов указал на толстого армянина в шляпе. Тот выступил вперёд, снял шляпу и оказался почти совсем лысым. Прядь волос с правой стороны через всю лысину была зачёсана на левую сторону. Это придавало толстячку ещё более комический вид, но глядя на его грустные глаза, мне было не смешно... Прижав руку со шляпой к груди, он склонил голову и произнёс:

— Прости меня, девочка, что плохо я воспитал своего сына! Я всё думал, что вырастет, поумнеет, но... Теперь уже не поумнеет. Пусть в тюрьму пойдёт. Может там ума наберётся. Мне стыдно за него. Он опозорил всю нашу семью.

Ну и что я ему могу ответить. Видно было, что говорит он искренне. И ему действительно больно от того, что всё так произошло.

Я взял его за руку и сказал:

— Не бросайте его! Помогите ему там в тюрьме. Может он сможет всё-таки исправиться...

Несчастный отец даже смутился.

— Ты очень добрая девочка. А ведь он хотел тебя убить...

— Бог не допустил этого. И ваш сын не успел стать убийцей. Поговорите с ним! Ему это сейчас может помочь. Если все от него сейчас отвернутся, то он навсегда останется на тёмной стороне. Но надо верить, что у любого человека есть шанс отринуть зло, и снова перейти на сторону добра.

Что-то меня опять куда-то не туда занесло. Опять эта околорелигиозная псевдофилософия... Но видимо эта пафосная речь из уст тринадцатилетней девочки, так на всех подействовала, что наградой мне стало повисшее в воздухе молчание. А потом тётя Астхик сложила ладони, и как будто выдохнула короткую фразу на армянском...

— Что вы сказали? Я не понимаю...

— Она сказала, что ты — ангел! — ответил мне Саркис Арменович. — И я с ней полностью согласен. Но сейчас тебе надо собираться. Вас с папой отвезут в дом отдыха. Ваши остальные вещи уже там.

— Саркис Арменович. Мне сегодня надо встретить наших друзей. Они приедут на вокзал в Сочи...

— Не переживай. Мы всё решим. А сейчас собирайся. Пора ехать.

Вся толпа вышла из комнаты.

А чего там собираться. Я переоделся по-походному. Футболка, полукомбинезон, кроссовки. Вместо платка, пластырь на моём лбу прикрывала бейсболка.

Когда я вышел на крыльцо, Саркис аж руками всплеснул.

— Вай! Как на мальчика похож. Эх, мне бы такого сына. Умный, добрый. Песни хорошие поёт. И за себя постоять может. Молодец, Маша-джан!

Это я люблю.

Хвалите меня, хвалите!

* * *

Мы ехали в машине Гагика, но за рулём был незнакомый молодой парень. Товарищ Саркисов ехал на чёрной ГАЗ-24 впереди нас. Правил дорожного движения мы не соблюдали от слова совсем, но все уступали нам дорогу. Полчаса и мы въезжаем на закрытую территорию дома отдыха «Сосновый» в посёлке с таким же названием.

Ведомственную принадлежность этого не то дома отдыха, не то санатория, я сразу определил. Наша, милицейская. Это же сразу заметно. Что я никогда раньше не был в таких вот ведомственных санаториях? Бывал. И даже здесь, на Черноморском побережье. Только не в этой, а в той жизни, конечно. В Сочи такой санаторий тоже есть. «Салют» называется. Он покруче этого будет. Но видимо влияние товарища Саркисяна так далеко от Туапсе не распространяется.

Нам был выделен просторный двухместный номер. В номере уже были всякие сумки и свёртки. Наверное, это всё из нашей машины выгребли помощники второго секретаря... О... Они даже канистру запасную привезли и весь инструмент. Молодцы. Что сказать...

— Спасибо большое, Саркис Арменович! А сколько надо заплатить за номер? Мы планировали до конца месяца на море отдыхать...

— Какой платить? Маша! Ты же, когда Тиграну помогала с камерой разобраться, ты не спрашивала у него про деньги. Ты просто решила вопрос и всё. Я это уважаю в людях. Ты меня не обижай! За этот номер вам платить ничего не надо. Живите, сколько хотите.

— А наши друзья? Для них я могу оплатить номер на троих? Деньги у нас есть...

— Маша-джан... — укоризненно начал Саркисов, — Деньги? Что это? Я в тебе увидел человека! Человека с большой буквы! Человека с большой душой! Что ты всё про деньги? Пойдём со мной!

Натан себя не слишком хорошо чувствовал, его снова укачало в машине. Видимо последствия сотрясения мозга ещё не прошли. Ладно. С этим потом разберёмся.

Я оставил своего «папу» разбирать вещи, а сам отправился за дядей Саркисом. Мы спустились вниз. В холле нас ждал какой-то человек в форме лейтенанта милиции. Он отдал нам честь и что-то передал второму секретарю горкома из рук в руки. На улице чуть в стороне от входа, стояла машина светло-серого цвета.

Похоже на «Москвич-407», но только издали. Вблизи я сразу опознал в автомобиле «Москвич-403Э». Переходная модель в экспортном исполнении, с боковыми зеркалами и дополнительными молдингами.

Внутри тоже было много отличий от обычной 407-й модели, но их снаружи не видеть.

— Вот на этой машине поедете встречать своих друзей. А как приедете обратно, им тоже выделяют номер. Там заплатишь в кассу, сколько скажут. Копейки... Ты девочка умный, разберёшься.

— Саркис Арменович, Но их трое будет. Если мы поедем с водителем, то нас уже двое получится. Для них троих с вещами места будет мало...

— Какой водитель? Это теперь ваша машина!

— ...???

— И не спорь! Мы вашу машину разбили, чуть вас не убили. Вот теперь вам эта машина!

Пользуйтесь!

— Спасибо, Саркис Арменович! Но это как-то...

— Не надо со мной спорить, Маша. Я потом с тобой ещё поговорить хочу. Но не на бегу, а так обстоятельно... В спокойной обстановке. Найдёшь для меня время?

— Конечно, дядя Саркис. Обязательно найду. Только...

— Что только? Что ещё? — чуть-чуть недовольства проскочило в его интонации...

— Проблема есть одна.

— Какая проблема?

— У папы сильное сотрясение мозга. Он не сможет вести машину...

— Да... Я об этом как-то не подумал...

— Саркис Арменович! Разрешите мне ездить за рулём. Я лучше папы это умею делать. Полдороги от Москвы и даже больше машину вела именно я.

— А справишься?

— Я буду очень стараться. Только мне бы бумагу какую-нибудь для ГАИ, чтобы меня не арестовали вместе с машиной.

Он задумался... Но решение принял быстро. Подозвал лейтенанта:

— Николай! Подойди!

Лейтенант довольно бодро приблизился к начальнику и стал внимательно слушать, ловя каждое слово. Да, заметно было, что бывшего начальника здесь уважают. Причём видно, что нет в сотруднике подобострастия, как бывает у мелких клерков перед большим начальством. Лишь только уважение. Правда, молодой милиционер, слегка пытался протестовать, но Саркисов добавил ещё пару слов и офицер снова отдал честь.

— Вот Маша-джан. Поедешь с Николаем в местное ГАИ. Заодно по дороге он проверит как ты умеешь водить машину. Примет, так сказать, экзамен у тебя. Ну а там видно будет. Удачи тебе в дороге!

— Спасибо!

— Вот ещё что. — он достал из кармана визитную карточку и что-то написал на обратной стороне. — это мой рабочий и домашний телефоны. Если по дороге возникнут проблемы с милицией, покажешь. Но старайся не показывать.

— Я постараюсь.

Сам понимаю, что лишний раз козырять таким документом не стоит. На обратной стороне был его домашний телефон и приписка. «Прошу оказать содействие.» И подпись: Саркисов.

Мне вручили ключи и документы. Я посмотрел. Техпаспорт уже был оформлен на имя Левина Анатолия Борисовича. Быстро тут ребята работают. Везде бы так.

* * *

Я сел за руль. Лейтенант справа, на пассажирское сиденье. Я подстроил под себя сиденье и зеркала. Чтобы настроить боковые зеркала на передних крыльях, мне пришлось пару раз выйти из машины. Наконец, все предварительные «танцы с бубнами» были закончены, и я повернул ключ в замке зажигания.

Мотор завёлся сразу. Звук работающего двигателя был довольно ровный. Я не думаю, что нам бы подсунули непроверенную машину. Бак был заполнен под завязку.

Я плавно выжал сцепления и так же плавно тронулся на первой передаче. По территории санатория я двигался очень аккуратно. Так же аккуратно выехал на дорогу. А потом, влившись в совсем небольшой поток машин, спокойно погнал в направлении на Сочи. Я не превышал скорость, но и не тупил, как «чайник». Ехал себе в своей обычной манере, и ехал. Через открытое окно, моё лицо обдувал приятный тёплый ветерок.

— Может, познакомимся? — решил я завязать разговор с лейтенантом. — Меня Машей зовут.

— Николай. — сухо представился он, следя за дорогой.

— А можно называть тебя просто Коля и на «ты»? — решил слегка оживить разговор я. Сейчас проверим тебя, лейтенант, на вменяемость...

— Да, можно, Маш! — сказал Коля и улыбнулся. — Можно и на «ты». Товарищ полковник за плохих людей не будет ходатайствовать.

— А я и не знала, что он полковник. Мне сказали, что он очень уважаемый человек и второй секретарь горкома партии.

— Это верно... Но секретарь он лишь года три или четыре. А уважаемым человеком он был и раньше, когда был у нас в милиции начальником. Хороший человек. Боевой офицер. У него, что орденов, что ранений полна грудь.

— Ясно. Я не знала... Но я всего второй день, как приехала...

— Ага. И про тебя уже легенды по городу ходят...

— Какие ещё легенды, Коля? Ты о чём?

— А кто вчера вооружённого преступника голыми руками обезвредил? При этом ещё будучи в платье и на каблуках...

— Так получилось... — не сдержал улыбки я.

— А до этого у ресторана троих мужиков вырубил. Причём тоже, голыми руками, несмотря на то, что у одного из них была дубинка в руках...

— Ну, во-первых: не дубинка, а черенок от швабры... А во-вторых: не голыми руками, а голыми ногами.

— Это как это?

— Ну, ты сам сказал, что на каблуках неудобно. Вот я туфли и скинула, а потом уже пяткой в лоб ему и звизданула. Мне пришлось высоко подпрыгивать. Так бы я не достала... Он ведь был повыше меня ростом.

Коля ржал, как тот сивый мерин.

При въезде в Туапсе, он стал мне подсказывать, куда свернуть, куда повернуть. Я послушно рулил, успевая поворачивать. Думаю, что экзамен по вождению я сдал на «отлично».

— Кстати, — вдруг спросил меня Коля. — А документы у тебя с собой есть какие-нибудь?

«Ну, вот началось...» — подумал я про себя...

Его вопрос слегка ввёл меня в ступор, но мои ответы его вообще привели в тупик.

— Ну... Свидетельство о рождении у папы там осталось. С собой только документы на машину и всё.

— Свидетельство? А сколько тебе полных лет?

— Коля! У девушек и женщин неприлично спрашивать про возраст. Но тебе я по очень большому секрету могу сказать правду. Мне уже тринадцать с половиной.

— Не может быть... — Коля был ошарашен. — Но товарищ полковник сказал, чтобы я помог тебе сделать водительское удостоверение.

— Николай! — перешёл я на более официальный тон. — Раз начальник сказал, то надо сделать.

— Но как?

— Есть два варианта. Один временный. Сделать мне справку для сотрудников ГАИ, что права утеряны, но ездить можно. Жаль, но этот вариант будет работать только в Туапсинском районе Краснодарского края. А уже ближе к Сочи могут начать задавать ненужные вопросы.

— А другой вариант?

— Учитывая, что документов у меня нет... Можно сделать права, указав в них чуть завышенный возраст. Вот на сколько лет я выгляжу?

Он посмотрел на меня, потом сказал:

— Сними кепку!

Я послушно стянул с головы бейсболку.

— Лет на пятнадцать-шестнадцать. — констатировал он. — Бывают же девушки небольшого роста.

— То есть на восемнадцать лет я никак не потяну?

— Не знаю, даже.

И тут я увидел то, что могло бы мне помочь. Я тормознул машину и кинув Коле короткое: «Я щас вернусь», скрылся за дверями под вывеской «Парикмахерская».

* * *

В зале было душно и пусто. Но из задней комнатухи на звук открываемой двери вышла молодая женщина. На меня она посмотрела без интереса:

— Чего тебе?

— Здравствуйте! — вежливо сказал я. — Вы не могли бы мне помочь? Мне очень надо!

— Чем тебе помочь, тебе и стричь-то нечего.

— Вот в этом всё и дело. Вы не могли бы меня сделать повзрослее, а то мне моих шестнадцати лет никто не даёт. Все говорят, что я маленькая девочка.

— А ты девочка? — парикмахерша посмотрела на меня внимательней. — Действительно. Не мальчик. Даже я ошиблась...

— Вы можете меня нарисовать? Я заплачу, сколько скажете. А то мне надо прибавить года два к возрасту.

— Ладно... Садись в кресло! Я попробую. Это даже интересно.

Она снова ушла в свою подсобку и вернулась с косметичкой и чем-то ещё. Наверное, свою косметику принесла.

Сама она была покрашена стильно, но скромно. Чувствуется вкус и опыт. Так что доверюсь ей.

Минут через десять на меня из зеркала смотрел уже не я. Причёска получилась уже как бы «а ля-Гарсон». Тушь на ресницах и тени... Красиво очерченные губы. Всё было в тему и без перебора.

— Вы просто волшебница! — похвалил я работу мастера. — Чем я могу Вас отблагодарить? Сколько с меня?

Она задумалась... А потом махнула рукой:

— А, сколько дашь... Мне самой понравилось это превращение гадкого утёнка в красавицу.

— Вы мне льстите! Пятёрки хватит?

— Да более чем.

— Огромное спасибо!

— Заходи ещё!

— Обязательно!

* * *

Когда я вышел на улицу, то Николай, который стоял возле машины и курил, чуть не выронил изо рта сигарету.

— Ну, что? Теперь сойдёт?

— О, как... — Похоже, что теперь Коля окончательно завис...

— Коля! Надо ехать. А то я на вокзал опоздаю. Мне ведь ещё друзей из Москвы встречать.

— Поехали. Теперь я думаю, что вопросов будет меньше... Но как это?

— А это, Коля, наши женские хитрости. Иногда такое бывает, что после свадьбы, когда утром жена смывает с лица невесту, то новоявленный муж может её и не узнать...

Смеётся Коля над моими шутками очень заразительно. Хороший парень. Прямой и честный. Такие обычно не обманывают и не предают. Зато таких вот парней чаще всего обманывают и предают другие.

А через пять минут мы уже заходили в местное отделение Госавтоинспекции.

Волокиты никакой не было. Лейтенант о чем-то пошептался с местным летёхой. Меня отвели в дальнюю комнату и сфотографировали на старый фотоаппарат. Я попросил, чтобы по возможности замазали пластырь на лбу. Эксперт-криминалист, а это не был просто фотограф, мне просто кивнул и ушёл проявлять пластинку.

Я ждал в коридоре. А после, заскучав, вышел на улицу. Там я нашёл Николая, который снова с кем-то болтал.

— Ну, что? — спросил у меня он.

— Фотки проявляют.

— Это надолго?

— Да, нет. Обещали быстро.

Почти сразу же на улицу вышел криминалист и передал мне ещё тёплые фотографии.

Мне моё изображение очень понравилось. Я там такой красивой девушкой на них получилась... или получился... Я уже запутался совсем... Ну и ладно...

— Извините! А можно мне и пластинку у Вас попросить. Так красиво получилось. Я потом себе в ателье большую фотографию закажу.

Он кивнул и позвал за собой. Мы снова вернулись в его кабинет. Он мне вручил фотопластинку, завернутую в бумагу, а я вручил ему пять рублей и сказал:

— Большое спасибо!

Пятёрку он принял, как должное. Да и ладно. Все так делают. А я вот подумал, что правильно сделал, что забрал фотопластинку. Ибо не фиг разбрасывать свои изображения где попало...

Права мне выдали ещё минут через пятнадцать. На имя Левиной Марии Анатольевны. Год рождения был указан 1952-й, а число настоящее — семнадцатое января.

Лейтенанта Колю, я подбросил туда, куда он показал. Мы с ним тепло распрощались. Ну а я по указателям, двинулся в направлении Сочи. Мне ещё ехать больше сотни километров. Надо уже и поторопиться.

Дорога была унылой и однообразной. Слева — горы, справа — море. Правда, всяких серпантинных хватало. Но для меня это не было проблемой. Я не гнал, просто ехал как все. А ещё я всё больше привыкал к этой машине... Всё-таки разница чувствуется... И педали не такие, как на украинском автопроме. Да и с сиденьем не всё пока у меня сложилось. Сидеть получается выше, но и до педалей тянуться дальше... Почти вплотную сиденье подвинул. Стало неудобно с рулём обращаться... И как я перед лейтенантом Колей выделялся, демонстрируя ему, как могу легко управлять машиной...

Вернул сиденье, отодвинув подальше. Приноровился и поехал снова, стараясь поменьше обращать внимание на все неудобства. А через минут полчаса и вовсе забыл про них... Как-то само собой всё вошло в привычную норму...

Сразу вспомнилось, как первый раз сел за руль шишиги. Сначала я проклинал того, кто поместил ручку переключения передач справа и сзади водителя. Я чуть было поначалу руку не вывернул в плече, пока приноровился... А потом просто привык, и даже не замечал этого неудобства, восхищаясь всепроходимостью этого отечественного внедорожника.

Через пару часов я уже въезжал в Большой Сочи.

Железнодорожный вокзал я нашёл быстро. А чего его искать, он остался там же, где я его и оставил в прошлой жизни. На том же самом месте.

Вот только теперь я мог машину оставить гораздо ближе ко входу. Платных парковок и всяких запретных знаков ещё не навтыкали жадные чиновники на всех углах. Но всё же

наглеть я не стал. У самого входа стояло разноцветное стадо таксистов всех мастей. И официальных и частных. Это в Сочи, как здрасьте. Поймать приезжего у трапа самолёта или у выхода из вокзала и ободрать его, как липку, это же святое дело. Поэтому я припарковал машинку чуть поодаль, чтобы не мешать работать местным бомбилам. По Московским меркам двадцать первого века, так я почти что совсем рядом со входом припарковался... Всего-то метров тридцать-сорок... Во времена. всё для человека...

* * *

Времени до прибытия самого нескорого поезда из Москвы ещё оставалось прилично, и я решил прогуляться. Но пройдя совсем немного, стал замечать на себе посторонние взгляды. Глянув в своё отражение в витрине ближайшего магазина, я понял, что сильно выделяюсь.

Во-первых, я был одет излишне вызывающе для этого времени. Кроссовки, джинсовый комбинезон и красная бейсболка слишком сильно бросались в глаза. А во-вторых: На мальчика я уже был совсем не похож. Ну, если только на мальчика, сильно украшенного косметикой. Ведь из меня всё-таки мастер делал девушку, а что получилось. Это в будущем, мальчуковая одежда на девочках стала привычной. Да и женская одежда на некоторых накрашенных «мальчиках», уже не вызывала такое уж сильное отторжение широких слоёв общественности. Надо мне как-то маскироваться. Либо смыть с себя косметику, либо переодеться.

Я уже хотел было искать какой-нибудь фонтанчик, чтобы умыться, но наткнулся на сочинский ЦУМ и передумал. Это то, что нужно. Большой магазин, в котором я смогу найти всё, что мне надо. Ну, или хотя бы постараюсь найти. Тем более, что время у меня ещё для этого есть предостаточно.

Зайдя в магазин, я всё же немного поумерил свой пыл. Всё-таки это Советский союз, а не загнивающий Запад... Всё немного блёкло как-то. Блёкло, уныло и однообразно.

Обувь такая, что врагу не пожелаешь. Одежда... Без слёз не взглянешь...

Моё внимание привлёк ювелирный отдел. Я пробежался глазами по витринам, но взгляд сразу остановился на золотом кулончике, в виде сидящей кошечки. Понравилось. Попросил посмотреть. Продавщица нахмурилась. А милиционер, маячивший недалеко от входа напрягся. Но кулон мне всё-таки показали, хотя и строго следили за всеми моими движениями.

— Миленько! — проснулся в моей голове голос Инги.

— Хочешь, возьмём? — спросил я девочку.

— Ага. И цепочку.

Цепочку я выбирал долго. Мне нравились потолще, а Инге потоньше. Сошлись на середине. Вместе с кулоном смотрелось очень даже стильно. Я пошёл оплачивать товар в кассу.

Но прямо рядом с кассой я увидел на витрине золотые часы «Чайка» на браслете. А вот их возьму обязательно, несмотря на завышенную цену. Моя трофейная «Ракета» с женским гардеробом смотреться не будет, это уж точно.

Когда я стал доставать из кармана купюры, милиционер смотрел на меня так, будто бы их только что украл из кассы. Хотелось сказать ему: «Эй! Расслабься! Это — моё.»

Приобретя то, что выбрал, я отказался от всяких коробочек, и оторвав ценники сразу надел на себя цепочку с кулоном. И тут же у зеркала, стал подгонять браслет часов под свою руку.

В этот момент любопытство у милиционера превысило все допустимые нормы, и он решительно направился в мою сторону.

Ну, вот... Подумал я. Сейчас будут ненужные вопросы...

Но сотрудница опередила вторая продавщица. Она подошла поближе, и заглянув мне под козырёк бейсболки, спросила с лёгким акцентом:

— Тебя же, Машей зовут?

— Да... — удивлённо отвечаю я.

— Это же ты пела у Анжелы на свадьбе?

— Да.

— Машенька! Я так рада, что ты к нам зашла. У тебя такие хорошие песни!

Вот так работает слава. Стали уже узнавать на улице. Зато вон милиционер сразу расслабился.

— Спасибо!

— А ты в Сочи будешь жить?

— Нет. Дядя Саркис нас устроил в «Сосновом» в доме отдыха МВД.

— Машенька. А у моей племянницы Аревик через две недели тоже свадьба. Ты ещё здесь будешь?

— Да. Мы с папой планировали до конца месяца на море оставаться. А это правда, что имя Аревик означает — Солнышко?

— Да, Маша-джан! Ты по-армянски говоришь?

— Только несколько слов знаю.

— Скажи, а ты смогла бы спеть на свадьбе у Аревик? Ей так понравились все твои песни. Мы были на свадьбе у Анжелы, только сидели далеко от тебя. А свадьба будет там же в том же ресторане.

— Я бы спела, но вчера моё платье и туфли пришли в полную негодность.

— Вай! А что случилось?

— Поздно вечером у дома дяди Вазгена, в меня стрелял Альберт, сын директора ресторана.

Милиционер, активно «гревший уши», наш разговор хорошо слышал. Но тут он даже вмешался.

— Так это тебя вчера Гагик своим телом закрыл.

— Да. Две пули в него попали. А ещё одна ранила дядю Вазгена.

— Но говорят, ты потом сама чуть убийцу не убила.

— Это я сгоряча. Сейчас вот страшно. А вчера было не страшно...

— Вай! Девочка! Что творится?... — запричитала женщина. — Этот Алик всем девушкам проходу не давал. Но его никто не любит. Он жадный и глупый.

— Сейчас он тоже в больнице. Я ему... — тут я замялся, подбирая слова, но меня выручил милиционер.

— Морду она ему набила, да так, что зубов не осталось.

— Ну и чёрт с ним! — гневно воскликнула продавщица. — А ты хотела платье найти?

— Ну да... Посмотрела, а тут ничего такого нет, интересного. Всё унылое какое-то. И обувь тоже...

— Э... Не проблема! Я вижу, что у тебя есть деньги. Пойдём со мной! А меня кстати тоже Машей можешь называть, а полное имя Мариам.

И мы пошли. Шли недолго. Почти сразу зашли в подсобные помещения, там один склад, другой... Теперь я понял, как выглядели в Советском Союзе «закрома Родины». В подсобке ЦУМа было столько всего интересного, что аж глаза разбегались. Здесь, в отличие от витрин предназначенных для обычных покупателей, было на что посмотреть и из чего выбирать.

Сотрудницы, услышавшие рассказ про меня, про мои песни, а также про вчерашние приключения, закружились вокруг меня и стали играть в «дочки-матери». Приносили мне всякую одежду и заставляли мерить. Я доверил Инге играть с ними, а сам всего лишь некоторые вещи «браковал».

В результате я стал одет, как с картинки модного журнала этих времён. Одно из платьев я выбрал сразу. Светло-коричневое в белый горошек. Лет через двадцать почти точно такое же делается знаменитым на весь мир вместе с Джулией Робертс в фильме «Красотка». Я бы и другие платья бы одобрил, красивой одежды было много. Но... Моя фигура и отсутствие вторичных половых признаков на груди, не давало мне широко разгуляться.

Одна из продавщиц даже решила польстить мне и сравнила мою фигуру с фигурой популярной на Западе модели Твигги. Меня это не порадовало. Конечно хочется вечно быть худым и молодым, но не таким же вульгарным, как эта манекенщица.

— Инга! Тебе платье нравится?

— Да.

— Слушай, а как проходит наше лечение. Ты уже проверяла, будет грудь расти или нет?

— Пока не знаю, но как будет побольше времени, я снова попробую. Надо расслабиться, чтобы ничего постороннего не отвлекало.

— Ладно...

Помимо платья из красотики, я ещё выбрал белое с яркими цветами, примерно такой же модели. Нашлась и вполне приличная шляпка из тонкой соломки. По крайней мере, не такая дурацкая как у Джулии в фильме. Босоножки на каблуке светлые, кремового оттенка дополнили мой наряд. Сумочка в тон на длинном ремешке пришлась кстати. Туда я переложил все деньги и документы с ключами от машины. Карманов в новом платье не было предусмотрено...

Всю мою бывшую одежду, включая кроссовки, а также и второе платье, замотали в упаковочную бумагу и перевязали шпагатом. В таком виде я и покинул доброжелательно отнёсшийся ко мне магазин. Вот уже и пошли первые бонусы от славы начинающей певицы.

Свертки я закинул в багажник, а сам пошёл в сторону здания вокзала. Осталось совсем чуть-чуть времени до прибытия нужного мне поезда, а надо ещё найти, на какую платформу он приходит.

Странно, но поезд, тащившийся от Москвы до Сочи больше полутора суток, умудрился ещё и опаздывать. Я стоял на платформе, как маяк на берегу. Все снова обращали на меня внимание. Но на этот раз без осуждения моего внешнего вида. Мужики оглядывались, а женщины, мысленно примеряли мой наряд на себя.

Всякому ожиданию, в конце концов, приходит конец. Вон уже и локомотив показался вдалеке. Длинная змея поезда медленно приближалась. Я знал номер нужного вагона и слегка прошёлся по перрону. Но как водится, промахнулся и прошёл лишнего. Пришлось возвращаться. Зато мне удалось незаметно подойти с другой стороны к уже вышедшим из вагона друзьям. Они всматривались вперёд, пытаясь углядеть встречающих. Я догнал их, и подкравшись поближе, поприветствовал:

— Здорово, бандиты!

Это надо было видеть. Вадим был удивлён, Сергей ошарашен, а Виктор просто выпалил не думая:

— О*уительно!

— С тебя штраф за матерные выражения. — улыбаясь оповестил я друга.

Я реально был рад всех их видеть. Вроде бы недавно расстались, а сколько всего уже произошло.

— А Натан где? — спросил меня Вадик.

— Дома остался. В машине места мало.

— Ты что, одна за рулём рассекаешь?

— А что такого?

— Ну, гаишники придумают, что бы такого...

— Разберёмся... Пошли уже, путешественники.

Я шёл впереди, показывая дорогу. Следом за мной шли Вадим и Виктор. А Сергей всё время, то отставал, то догонял, потому что отвлекался то направо, то налево, разглядывая вокзал, пальмы и... всё остальное. Выйдя на парковку, парни стали озираться в поисках знакомой машины. А я зашагал в направлении нашего нового приобретения и открыв двери ключом, произнёс:

— Прощу!

Опять немая сцена и куча невысказанных вопросов.

— Это что? — наконец прозвучал вопрос Серого. — А где «Запор»?

— Да... Махнул не глядя. Эта вроде бы побольше будет. Поехали уже, а то я обед пропустила, есть хочу, аж в глазах рябит.

* * *

Всю дорогу, мальчишки делились со мною впечатлениями от поездки на поезде. Я про наши с Натаном злключения пока ничего не рассказал, но доктор, сидящий со мною рядом, уже явно заметил и пластырь на моём рассечённом лбу, и сбитые костяшки на руках, но пока помалкивал. Хотя на руки я уже направлял довольно сильное лечение, но следы вчерашней драки были ещё заметны.

Сергей восхищался всем вокруг. Пальмы, море, горы, серпантин, наша новая машина. Его переполняли эмоции через край. Не представляю, как он выдержал в унылом поезде столько времени в ожидании чуда. И вот теперь, когда чудо всё-таки с ним произошло, то он уже не сдерживаясь, выпускал чувства на волю.

Виктор молча восхищался мной. Он сверлил меня взглядом, буквально расплавляя на мне одежду.

Да... Я уже ощущал на себе раздевающие и липкие взгляды. Но этот взгляд был другим. Так смотрят на ангела, на богиню. На что-то такое, чего нельзя коснуться, но нельзя не восхищаться.

Как бы умерить этот юношеский пыл, да направить его энергию в нужное русло? Надо бы над этим подумать, а то до добра такое не доведёт.

Вадим был молчалив и задумчив всю дорогу.

Мальчишки рвались поскорее окунуться в море, но я пояснил, что ехать ещё долго и надо добраться поскорее, чтобы не пропустить ужин. Есть уже хотелось до зубовного скрежета, аж живот сводило. Перехватывать что-то по дороге я не хотел.

В доме отдыха меня не захотели сразу пускать на территорию. Пожилой мужчина, явно из бывших сотрудников НКВД, никак не мог поверить, что мальчик, который выезжал с утра и девушка, вернувшаяся под вечер — это одно и то же лицо. Вызвал по телефону администратора. Ты быстро во всём разобралась, пообещав уволить «старого филина» по причине плохого зрения и излишней бдительности.

Вадиму с ребятами по-быстрому выделили номер на троих. А потом мы, забрав с собой Натана, все вместе пошли на ужин. А что? Неплохое меню в столовой этого санатория. Простое, сытное...

После ужина начали разбирать вещи в нашем номере. И вот тут уже Вадим не выдержал: — Ребята! Мне кажется, что вы что-то от нас скрываете?

Братья Волковы посмотрели на него с недоумением. Ну что серьёзного могло произойти за три четыре дня по дороге из Москвы на юг?

Сотрясение мозга у Натана уже давно прошло с моей и божьей помощью, и он прекрасно справился с рассказом о нашем путешествии. Многое он сам не видел, а выдумывать ничего не стал. Поэтому рассказ сократился до простой констатации фактов.

Приехали в Краснодар, сходили в ресторан. После этого к Инге докопался какой-то усатый абориген. Подрались. Аборигена посадили за попытку изнасилования несовершеннолетней. А его родственник капитан милиции упал с лестницы и сломал себе шею.

Поехали через горы. В нашу машину врезался автомобиль из свадебного кортежа. Мы улетели в пропасть. Машина разбита в хлам. Нас из пропасти достали, а Ингу пригласили на армянскую свадьбу. Там она подралась, сначала с одним, а потом ещё с тремя мужчинами. Всех побила.

Вечером того же дня в Ингу стреляли из пистолета. Одна пуля попала в плечо хозяина дома, где мы ночевали. Две пули в водителя, который привёз Ингу домой. В Ингу не попали

ни разу. Зато потом Инга обезоружила того бандита, избивала его до полусмерти и он теперь лежит в больнице в отделении реанимации.

Натан задумался:

— Вроде ничего не пропустил?

— Ты пропустил очень важный момент. Пока мы на юге — меня зовут Машей. По легенде и по документам — я дочка Натана Борисовича. Кто оговорится и назовёт меня иначе, получит от меня тумачков. Всем ясно?

— Это будет нелегко. — выдал глубокомысленно доктор.

— Лично вы, доктор, можете называть меня по-прежнему — принцессой.

— Принцесса! — посмаковал на языке красивое слово Вадим.

— Принцесса! — выдохнул Виктор.

— Принцесса! — выкрикнул довольный Сергей.

— Только не так громко. А теперь, я предлагаю всем сходить на пляж и окунуться в море.

— Ура! — заорал довольный младший.

— Вопрос только один. Кто из вас умеет плавать, поднимите руки?

Вадим и Натан подняли руки сразу. Чуть погода неуверенно поднял вверх ладонь Виктор. Сергей насуплено молчал.

— Серёжа! — язвительно обратился я к потенциальному утопленнику. — Ты собираешься утонуть прямо на наших глазах или отойдёшь подальше, чтобы не мешать нам отдыхать.

— Я... Я буду учиться. Я научусь.

— Хорошо, что у тебя остались на голове длинные волосы.

— Почему это?

— Именно за волосы удобнее всего спасти утопающего.

Сергей совсем потух.

— Короче. Слушай сюда! Около воды — от меня не на шаг. Я пока не научу тебя держаться на воде, не спущу с тебя глаз. Я постараюсь сделать из тебя Ихтиандра.

— Что? И жабры вырастут?

— Нет, жабры делать не буду. Остановимся на ластах и перепонках между пальцами на руках.

Сергей стал внимательно изучать свои ладони, но брат громко шепнул ему так, что все услышали:

— Она шутит. Просто научит тебя плавать.

— Я никогда не шучу. А ты Вить хорошо плаваешь?

— На воде держусь.

— Тоже никуда далеко не отплаваешь от меня, пока я не приму у тебя экзамен по плаванию.

* * *

Вода под вечер была тёплая-тёплая... Взрослые сразу рванули наперегонки куда-то вдаль. Ну, прям, как дети.

Зато дети плескались возле берега. Оказалось, что Виктор плавает вполне себе ничего.

Видимо учился плавать в реке, в пресной воде, а солёность Чёрного моря добавила ему плавучести. Хоть он и плавал без всякого стиля, обыкновенными сажёнками, но за него я беспокоиться перестал. А у Сергея не получалось проплыть далеко даже по-собачьи. Он бултыхался на мелководье, то и дело бестолково, отплёвываясь солёной водой.

А тем временем стало темнеть. Вечерело у моря красиво. Небо становилось сперва розовым, а спустя совсем немного времени сочилось уже багровыми красками... Я смотрел на небо, а сам думал, что вот уже прошёл целый день и ничего плохого не случилось...

Даже странно как-то это всё и непривычно...

Да. Почти совсем ничего не случилось. Ну, если не считать, что у меня начались месячные. Неожиданно, правда? Я подмылся. Нашёл прокладки. Да...

— Инга! Ты в курсе, что происходит?

— Наверное, мы вылечились. Все органы восстановились. Организм наш справился. И сейчас происходит то, что и должно. Обычные функции здорового женского организма.

— Блин. А я-то думал, чего это весь день в груди какое-то чувство непонятное. Давит и давит... Я предположил, что это последствия вчерашней драки. А оно вон как... Ну, хоть не больно. Я слышал, что у некоторых боль такая, что они на стену лезут. Ну, что же? Поздравляю! Ты стала девушкой.

— Ты тоже... — смеётся моя напарница.

— Не смейся! Разве это не означает, что мне пора уходить?

— Куда?

— Не знаю. Может к Малышу подселиться... Уж с ним-то у нас не возникнет в будущем противоречий в половых предпочтениях.

— А как же я?

— Инга! Ты вырастешь. Станешь полноценной женщиной. Выйдешь замуж. Дети появятся. Но при этом в тебе всегда будет жить старый ворчун.

— Ты не ворчун.

— Хорошо. Не ворчун. Но я тоже не железный. И быть в тебе, когда ты будешь заниматься с кем-то сексом, мне будет очень некомфортно. Я буду ощущать себя...

— Педиком?

— Ну, примерно так. Я к этому не готов, и никогда готов не буду. Другое воспитание.

— Понятно...

— Послушай, девочка моя... Ты уже определилась, под каким именем будешь жить дальше?

— А в чём вопрос?

— Вот смотри. Инга Котти — исчезла. Объявляться снова — это значит получить проблемы. Где была? Почему сбежала? Тебя снова ещё на несколько лет закроют в интернате. Тебе хочется такой жизни?

— М-м... Мне не хотелось бы...

— Ладно. Пойдём дальше... Машей Левиной ты ещё сможешь побыть какое-то время. Пока мы здесь на курорте — всё в порядке. Но там, в Москве возникнет вопрос: Настоящая Маша погибла полтора года назад. Это зафиксировано документально. Имеется свидетельство о смерти. Есть могила на кладбище, где похоронен её труп. Если ты будешь настаивать на том, что Маша это ты, то проведут эксгумацию, сравнят кровь, ДНК... Хотя анализ на ДНК ещё пока не делают...

— А что такое экс-гу-мация?

— Это когда выкапывают захороненное уже тело для проведения анализов.

— Бр-р...

— Вот. Всё будет против тебя. А заодно ещё и Натана могут обвинить бог знает в чём. Так что этот вариант тоже под очень большим вопросом.

— Ты намекаешь, что мне надо становиться Сашей Котовой и ехать к тёте Наташе в

Армавир?

— Да. Легализоваться там под именем Александры, это самый простой и надёжный вариант. Если в течение нескольких лет ты не встретишь никого из интерната, то тебя никто и не сможет опознать, как Ингу. А лет через пять никто и не вспомнит, что и как. К тому же в Армавире, если всё правильно повернуть, ты уже этой осенью получишь паспорт. А с паспортом — ты полноценный человек. И можно много чего интересного замутить.

— Стать певицей?

— Чтобы тебя половина Туапсе опознало, как Машу Левину?

— Блинство... А мне так понравилось с тобой петь на эстраде. Все хлопают, восхищаются. А ты ещё много песен сможешь... вспомнить?

— Много. Только это натуральное воровство и плагиат.

— Да ладно тебе. Ты же говорил, что это не совсем твой мир. Может здесь и не будет в будущем этих песен, если мы их не споём?

— Может и так. Но как быть с уже возникшей славой в отдельно взятом городе Краснодарского края? Хотя почему только одного города? В Сочи тебя уже тоже знают. Пойдём петь на свадьбу к Солнышку?

— К Солнышку?

— Невесту зовут Аревик. В переводе с армянского — Солнышко.

— Красиво. Пойдём, конечно. А что будем петь? Тоже самое?

— Можно ещё чего вспомнить. Но «Обручальное кольцо» и «Родительский дом» надо спеть обязательно... Хотя эти песни музыканты уже и без меня смогут спеть не хуже, а даже лучше. А мы придумаем ещё что-нибудь интересное.

— Что будем завтра делать? На пляж мы точно дня три ещё не пойдём.

— Надо обязательно съездить в больницу к Гагику. Он нам жизнь спас. Две наших пули ему достались. Причём он сделал это осмысленно и добровольно. Я хочу его отблагодарить.

— Подлечим его?

— Да. Он последние несколько лет не может говорить, после гибели жены и ещё не родившегося ребёнка. Да и раны его надо бы подбодрить, чтобы заживали поскорее и без осложнений.

— Ладно... Давай спать?

— А когда ты мне продолжишь своё повествование про похождения Малыша на другой планете.

— Са-аш! Давай не сегодня.

— Ладно. Спи!..

* * *

Утром стало реально хуже. Но скрипя зубами, я старался не показывать никому своих ощущений. Умываясь, я смыл с себя косметику. Помолодел. Отлепив пластырь со лба, я понял, что ранки от рассечения больше нет. Но когда все собрались после завтрака на пляж, я отказался. Сказал просто, что есть дела, которые нельзя отменить. Помощь мне не нужна. Справлюсь сама.

— А вы парни идите без меня. Купайтесь, загорайте... Только малыша не утопите.

— Я не малыш...

— Ты у нас младший, так что не обижайся...

* * *

Отправив мужскую часть команды отдыхать, я позвонил Саркисову. По служебному телефону мне ответили, что он будет позже. Зато по другому, домашнему номеру, я умудрился его застать. Хотя он и сказал, что уже собирался выходить.

— Саркис Арменович! Я хотела бы навестить в больницу Гагика. Это возможно?

— Да, конечно. Я сам хотел к нему заехать. Запиши адрес больницы! Я тебя там буду ждать через час. Не заблудишься?

— У людей спрошу, если что...

— Буду ждать тебя у входа.

— Ему надо что-нибудь? Фрукты...

— У него всё есть. Увидеть тебя для него будет лучший подарок.

Оделся я по-походному. Любимый комбинезон, кроссовки и бейсболка. Так удобнее в дороге.

А дорога до Туапсе была одна. Так что доехал я довольно быстро. Прохожие подсказали ближний путь до больницы. Я даже умудрился приехать раньше Саркисова.

В ожидании его приезда, выкурил ментоловую сигарету. Курил в машине, чтобы никто не видел. Вряд ли здесь люди положительно отнесутся к курящей девочке. Вредная, конечно, привычка, но помогает слегка поставить мозги на место.

Чёрная «Волга», не стала останавливаться на улице и сразу въехала внутрь, на территорию больницы. Я зашёл пешком и встретил выбирающегося из машины второго секретаря горкома.

— Доброе утро, Саркис Арменович!

— О, ты уже здесь? Здравствуй, Маша-джан! Пойдём, проведем героя!

Мы вошли внутрь. Нас никто не встречал. Но видно было, что дорогу показывать никому не надо. Мой провожатый шёл уверенно, видимо знал уже куда идти. На лифте поднялись на третий этаж. Никаких бахил и масок никто с нас не требовал, но при входе в хирургическое отделение, медсестра вручила нам два белых халата.

Палата была двухместная. На одной кровати лежал бледный, как сама смерть Гагик. А на другой... Знакомое лицо...

— Здравствуй, Вазген! — прояснил моё непонимание Саркисов.

А потом, повернувшись к моему защитнику, продолжил:

— И тебе Гагик-джан, здоровья желаю!

— Здравствуйте! — я решил поздороваться со всеми сразу.

Гагик мне слегка улыбнулся. Хотя было видно, что это ему даётся с трудом, а может и с болью.

— Здравствуй, Маша! — сказал Вазген.

Он явно чувствовал себя не так плохо, как мой позавчерашний водитель. Я подошёл к раненому и присел на край его кровати.

— Гагик-джан! Спасибо тебе большое! Ты мне жизнь спас. Я перед тобой в неоплатном долгу.

Я взял его за руку, которая лежала поверх тонкого одеяла, двумя руками. Рука была

холодной.

— Инга! Что надо сделать, чтобы добавить ему немного жизненных сил?

— Попробуем просто через руку влить ему немного нашей энергии. Ты говори ему что-нибудь.

— Что говорить?

— Просто поговори с ним, о чём угодно.

Я задумался... И уже чувствуя, как мои руки начинают немного согреваться, просто заговорил:

— Гагик! Ты мне жизнь спас. Ты поступил как настоящий мужчина. Ты — герой! Ведь эти пули предназначались мне, а ты их принял на себя. Что я могу для тебя сделать, Гагик-джан? Я очень хочу, чтобы тебе стало полегче, и чтобы ты поскорее выздоровел. Если бы я могла, то отдала бы тебе свою кровь. Но сколько крови в таком маленьком теле, как у меня? Стакана два, не больше. Да и врачи не разрешат. А мне для тебя было бы не жалко. Я очень хочу, чтобы ты снова стал здоровым. Болеть плохо. Я сама это знаю, тоже однажды долго лежала в больнице. Но я выздоровела и ты выздоровеешь.

Мне показалось? Нет. Мне не показалось... Его щёки слегка порозовели. Он улыбнулся. Хорошо так улыбнулся.

— Гагик-джан. Тебе лучше всего побольше спать. Я слышала, что во сне почти все болезни отступают. И люди после этого быстрее выздоравливают. Спи!

Я встал с кровати, и нагнувшись, поцеловал его в лоб. Не знаю, почему я это сделал. Просто почувствовал такой порыв... Взял и поцеловал.

Гагик глубоко вздохнул, а потом сиплым голосом произнёс:

— Спасибо тебе, Машенька!

После этого он повернулся на бок и заснул...

Вазген и Саркис смотрели на меня во-от такими большими глазами. Полковник первым пришёл в себя:

— Что ты с ним сделала, Маша?

— Ничего... Просто поговорила с ним...

— Поговорила? Да он пять лет ни слова никому не сказал...

А ведь и правда... Он же мне сказал «спасибо»...

— Ты — ангел! Ты просто ангел!

Саркисов смотрел на меня как на чудо чудное, а у Вазгена на глазах заблестели слёзы...

— Саркис Арменович! Гагику надо поспать, а когда он проснётся, то снова будет здоров, правда? Пойдёмте! Выздоровливайте, дядя Вазген!

И я взял и вышел из палаты. Меня немного трясло. Хотя я чувствовал, что мы с Ингой потратили совсем немного жизненной энергии, но очень хотелось пить.

— Это потому, что ты добавила ему своей крови.

— Как это, Инга? Я же его только лишь за руку держал...

— Но ты сказал, что хочешь поделиться кровью. Вот...

— Даже так? А что и так можно было? Ну ладно. Буду знать на будущее.

Саркисов вышел из палаты и внимательно посмотрел на меня.

— Ты и в самом деле ангел, Маша! Ему сразу стало лучше. Как только ты с ним поговорила.

— Да, что Вы, Саркис Арменович... Просто он обрадовался, что со мной всё в порядке. Он же хотел спасти меня. И теперь увидел, что ему это удалось. Вот ему и стало лучше.

— Почему-то я тебе сейчас не верю, но это уже твоё дело. Не хочешь, не говори. Я для себя уже сделал выводы...

Стараясь увести разговор от скользкой темы, я решил сменить тему:

— А можно увидеть этого... Альберта?

— Зачем тебе?

— Я хочу с ним поговорить.

— Но зачем разговаривать с этим негодяем?

— Он запутался. Сейчас он на тёмной стороне. И это плохо. Я попробую его убедить вернуться к свету. Вдруг у меня получится.

Я вздохнул:

— Только очень пить хочется. Здесь есть, где можно купить сок или лимонад? Хочется чего-нибудь сладенького.

— Пойдём! Я спрошу у медсестры.

У дежурной медсестры нашлась бутылка яблочного сока. Сок был тёплый и сладко-приторный. Но я практически за пару плотков опустошил всю бутылку. Жажда немного утихла.

— Пойдём по лестнице. Твой убийца лежит этажом выше.

— Несостоявшийся убийца.

— Ему просто не повезло. Он хотел тебя убить. А значит он — убийца. Если бы у него патрон не заклинил, то он бы точно убил. И тебя, и Гагика.

— Значит, Бог не дал ему стать убийцей.

— Выходит что так... Вот мы и пришли.

У дверей палаты на стуле сидел милиционер и читал газету. Когда мы приблизились, он встал и отдал честь полковнику в отставке.

— Дядя Саркис! Можно я поговорю с Альбертом... один на один?

— Вообще-то это не положено. — начал было протестовать милиционер, но Саркисов оборвал его речь жестом:

— Пусть она поговорит с ним. Это её он хотел убить. И это она его обезвредила.

Сержант кивнул и молча открыл дверь.

Я вошёл в палату. Обставлено здесь всё было по-спартански. Кроватей было две. На одной лежал пристёгнутый наручниками Альберт. Вторая кровать пустая. Выглядел злодей не лучшим образом. Лицо было всё скрыто под бинтами, пластырями... Лишь один глаз выглядывал из-под этого «памперса». Глаз смотрел прямо на меня в упор со злостью и ненавистью.

— Барев^[4], Альберт! Как дела? Ладно, не отвечай. Знаю, что хреново. Я к тебе поговорить зашла. Мне просто надо понять кое-что... Какого хрена ты вообще решил меня выгнать из ресторана? Ты плохо относишься к русским? Так я не русская. У меня половина цыганской, половина еврейской крови. Или ты вообще ненавидишь всех кто не армянин? Но это глупо, Алик. Мне тут сказали, что тебя девушки не любят. Может ты из-за этого ко мне докопался?

Я сделал небольшую паузу, пытаюсь поймать хоть какой-то ответ в его глазах... То есть в глазу. Но кроме злобы там ничего не было. Но я пристально упёрся взглядом в этот злой глаз.

— Мне кажется что ты, Альберт, просто заблудился. Тебя обуяли грехи. Гордыня, злоба, жадность. Ты потерял своего бога. Думаю, что тебе надо вернуться к нему. Найти в своей душе хоть одно светлое пятно. Там и прячется твой бог...

Я нёс всякую чушь, но пытался всё время давить, давить его взглядом. Зелёные сполохи в его глазу отражались с заметной методичностью. Но злость всё никак не покидала радужку его глаза. Вот ведь гад какой упёртый. Такими бывают фанатики, готовые слепо умирать за свою веру. Неужели и этот такой.

— Ты веришь в бога, Альберт?

Что-то изменилось во взгляде. Похоже, я нащупал его уязвимое место.

— Ты должен вернуться к богу! Тебе снова надо перейти на светлую сторону. Всю свою жизнь — ты был злым. Но это был не ты. Злоба тобой руководила. Злость — опасный советчик. Но знай: Зло никогда не останется безнаказанным. Ты веришь, что каждому воздастся по делам его? И ты должен в корне пересмотреть свою жизнь. Тебе сначала будет трудно.

Я выдохнул, сделал паузу и снова продолжил:

— Ты слишком долго бродил во тьме. Но теперь у тебя появился шанс. В тюрьме у тебя будет много времени на то, чтобы подумать. Вернись к богу! Прими его. И свет вознаградит тебя. С этого дня, что бы ни случилось, ты будешь творить добро. Так надо, чтобы искупить то зло, которое ты принёс на эту землю. Ты меня понял?

Он слабо кивнул мне в ответ. Его глаз уже не излучал зло. В его взгляде лучился свет.

— С этого дня ты быстро пойдёшь на поправку. У тебя всё заживёт. А сейчас тебе надо

поспать... Спи!

Глаз закрылся. А я понял, что мне здесь больше делать нечего, и вышел из палаты.

— Что ты ему сказала, Маша-джан?

— Я посоветовала ему вернуться к Богу.

— А он что?

— Он заснул. Пойдём дядя Саркис. Ты хотел поговорить со мной...

* * *

Здание Туапсинского Горкома КПСС было солидное такое, с колоннами. Жаль, что в будущем его снесут.

Вон уже неподалёку от него развернулось большое строительство. Любили у нас строить с размахом в Советском Союзе. Вот и здесь размахнулись построить громадный дом-книжку. Но не учли всякие местные нюансы. Подземные воды и прочую хрень. После постройки многоэтажного дома, фундамент под горкомом треснул и здание снесли. Но всё это будет потом. А сейчас здание с колоннами стоит на своём месте, своим солидным видом доказывая незыблемость коммунистической идеологии на территории одной шестой части мира.

Вот такая вот ирония. Не будет в будущем этого здания горкома, как не будет в будущем и главенства КПСС на просторах СССР, которого тоже в свою очередь в будущем больше не будет.

Хотя... Это всё относительно. Вдруг в этом мире что-то пойдёт не так? Останется Союз. Сохранится идеология. И всё пойдёт другим путём, как дедушка Ленин говорил в молодости.

Лично я не планирую прилагать к этому своих усилий. Но кто знает, как всё обернётся.

* * *

Кабинет второго секретаря находился на третьем этаже. Всё было пафосно и солидно. Ковровые дорожки на лестницах и в коридорах. Люди в строгих костюмах. Я среди них смотрелся истинным оборванцем. Парижским беспризорником по имени Гаврош, случайно зашедшим в ресторан «Максим».

Мне было по фигу. Я шагал вслед за Саркисовым с видом наследного принца, путешествующим инкогнито.

В кабинете было в меру прохладно. Большой стол с креслом во главе его. Присутствовали шкафы с книгами классиков марксизма. Сейф в углу поражал своей монументальностью.

— Присаживайся где тебе будет удобно! — предложил хозяин кабинета. — Воды? Или может быть чаю или кофе?

— Если можно, то желательно лимонаду.

Горячего пить не хотелось, а к минеральной воде у меня было не слишком доброе отношение. Я больше предпочитаю сладкий лимонад или сок.

Женщина в строгой юбке и белой блузке принесла на подносе открытую бутылку лимонада и стакан. Боссу был подан кофе в маленькой чашечке.

Решив взять инициативу в свои руки, начинаю разговор первым:

— О чём Вы хотели поговорить со мной, Саркис Арменович?

— О тебе, Маша-джан. О тебе...

— И чем Вас смогла заинтересовать моя персона?

На этот раз мой собеседник уже не был добрым дядей Саркисом. Мне в глаза смотрел полковник милиции в отставке:

— Ты не та, за кого ты себя выдаёшь.

— Я сделала что-то плохое?

— Если бы ты сделала что-то плохое, то я бы с тобой так не разговаривал. Наоборот... То, что ты сделала. Не поддаётся разумным объяснениям. Ты ведёшь себя не так, как ведут себя девочки в твоём возрасте. Ты легко расправляешься со взрослыми мужчинами. С одним. С тремя сразу. Голыми руками обезоруживаешь вооружённого преступника.

— Мне просто повезло.

— Маша! Давай говорить серьёзно!

— Давайте...

— Кто ты на самом деле? Зачем ты здесь?

— Ну... Мы с папой приехали отдохнуть...

Саркисов хлопнул ладонью по столу.

— Не ври мне! Я знаю, что ты хороший человек, и ты не сделала ничего плохого. Но не смей мне врать! Маша Левина погибла полтора года назад, вместе с мамой, во время разбойного нападения на квартиру. Я уже послал запрос в Москву и получил ответ. Не забывай, кем я работал до этого.

— Я это помню...

Мысли крутились в голове со страшной скоростью. Куда до них той белке, бегающей по

кругу в колесе.

Меня раскусили — это факт. Но не раскрыли. И это тоже факт. Образ дочери Натана уже отыгран. Это не обсуждается. Настаивать на том, что это ошибка, глупо. Полковник милиции и второй секретарь горкома КПСС — это большая сила в этом времени.

Да... Двойная жизнь рано или поздно приводит к тому, что можно навсегда потерять основную. Представиться своим настоящим именем? Снова стать Ингой? Не знаю...

Александра Котова и её тётя Наташа — это мой запасной вариант. Его нельзя раскрывать ни в коем случае.

Представляться пришельцем из будущего — вообще не вариант. Психушка и подвалы КГБ — это самое малое, что тогда мне грозит.

Что же делать? Что же делать... Первая заповедь поведения в критической ситуации — без паники. Так... Успокоиться и подумать!

Я не паникую. Я спокоен. Но что же мне делать в сложившейся ситуации? Опять понадеяться на наш знаменитый русский «авось»? Да... Пожалуй, это выход. Авось — это наше всё...

— Вы правы, Саркис Арменович. Я не Маша. Маша была моей подругой. И она погибла...

— Так кто же ты на самом деле?

— А зачем Вам это знать? Кто-то мудрый в древности сказал, что во многих знаниях — многие печали.

— Я слышал это выражение. Это из библии. Книга Экклезиаста. Эти слова приписывают царю Соломону. И снова вопрос: Откуда ты это знаешь? Ты не первый раз цитируешь библию. Ты много знаешь. А твои поступки и их последствия необъяснимы. Ты одним прикосновением почти вылечила раненого Гагика. У тебя ещё вчера на лбу была рана после аварии. Сейчас её нет. От неё даже нет и следа. Я не знаю, что ты сделала с Альбертом. Он хоть жив ещё? Я не удивлюсь, если он умрёт после твоего посещения.

— Он жив. И надеюсь, что долго ещё проживёт.

В этот момент наш разговор прервал пронзительный телефонный звонок. Подняв трубку, хозяин кабинета произнёс:

— Саркисов, слушаю...

Телефонный разговор длился несколько минут. И при этом Саркисов не произнёс ни одного слова. Он молча выслушал своего невидимого собеседника, лишь в конце разговора, произнёс:

— Пусть зайдёт ко мне... — он посмотрел на часы, — Через час.

Положив трубку, он посмотрел на меня с ещё большим интересом.

— И что ты сделал с Альбертом?

— Ничего. Просто поговорила с ним. Отвечать он не мог. Я же ему челюсть сломала. Он просто слушал меня...

— Мне позвонил следователь. Он разрешил отцу навестить раненого сына. Альберт не мог говорить. Но после твоего посещения написал целое письмо отцу.

— Какое письмо?

— Покаянное... Просил у отца прощения за все свои грехи. Написал, что раскаивается в содеянном. Пообещал исправиться и всю свою оставшуюся жизнь посвятить только добрым делам.

— Ну... Это нормально. Многие преступники каются после того, что натворят, чтобы

им смягчили наказание и снизили срок.

— Он не просит о смягчении, и не просит снизить срок. Он просит строго наказать его за всё. Он лишь попросил пустить к нему священника.

Ну, что я могу на это сказать? Моё внушение подействовало на злого мальчика. Станет ли он добрым на всю жизнь? Я не знаю. Но если хоть что-то сможет поменять в своей жизни, и то радость его родителям. Их мне жалко в этой ситуации больше всего.

А мне снова приходится лгать. Ну что же... Ложь без меры, всегда убедительней безмерной правды.

— Мне нечего ответить Вам, Саркис Арменович. Я просто поговорила с ним. Если мои слова помогут ему вернуться на светлую сторону — это хорошо. Но при чём здесь я? Это его путь. Человек сам решает, что и когда ему делать...

— Почему ты не хочешь со мной честно поговорить? Что ты скрываешь?

— Насколько могу, я с Вами честна.

— Но ты даже имени своего не хочешь мне сообщить?

— А что Вам даст моё имя? Маша, Саша, Наташа... Какая в этом есть разница для того над чьими решениями мы не властны?

— Ты говоришь про Бога?

— Про какого бога?

— А их много?

— Я не знаю. Имена богам придумывают люди. Боги существуют, пока люди в них верят. Саркис Арменович! Вы пригласили меня, чтобы поговорить со мной о религии?

— Нет. Я хочу разобраться во всём. Я понять хочу. Я хочу знать, кто ты?

— Зачем?

— Это надо мне. Лично мне. Я впервые с этим столкнулся. Я видел всё своими глазами. Но не могу поверить даже своим глазам. Я узнал, что ты не Маша Левина. Маша уже умерла. Я искал о тебе хоть какую-то информацию. Но тебя нет.

— Трудно найти в тёмной комнате чёрную кошку, особенно, если её там нет!

— Конфуций?

— Приписывается ему. Но кто знает, кто первый это сказал?

Я пытаюсь взглядом, хоть как то склонить этого матёрого волка на свою сторону. Но он слишком силён. Мои ментальные атаки, пока не приносят никакого эффекта. Подчинять его я не пытаюсь. Уже почувствовал, что это практически бесполезно. Но найти хотя бы щёлочку в его защите, и внушить ему мысль не копаться больше в моей биографии... Хоти бы это у меня должно получиться. Но пока почему-то не получается.

— Ну, так что? Я сегодня услышу какой-нибудь ответ?

— А какой ответ Вас бы устроил?

— Честный.

— Хорошо. Я постараюсь. Но сразу предупреждаю, что всей правды Вы не узнаете никогда. Потому что и я сама не знаю всей правды.

Пауза... Какая это нужная вещь в разговоре — пауза. Сделав паузу, можно обдумать ответ, можно заставить собеседника задуматься, а можно и просто сделать паузу, чтобы придать значимости своим последующим словам.

— Я умерла. Меня не было на этом свете несколько долгих мучительных минут. Там, где я была, они мне показались вечностью. Там, за гранью, я смогла прожить долгую жизнь. Другую жизнь. Там всё было иначе, чем здесь. Но потом меня снова почему-то вернули. И поначалу я даже не знала, кто я такая. Никакой памяти, кроме той, что я узнала там...

Саркисов слушал меня внимательно. А я продолжал нести пургу, пытаюсь запудрить ему мозги. Мне это вряд ли удастся. Но мне этого и не надо. Мне надо, чтобы он хотя бы на мгновение мне поверил. А для этого, я сам должен был поверить в ту чушь, которую продолжаю вещать.

— А потом я случайно встретила Анатолия Борисовича — отца Маши. Он узнал меня Ну, то есть опознал во мне подругу своей дочери. И моя память стала волнами возвращаться.

Второй секретарь меня не перебивал. Я уже видел, что в его взгляде стало меньше полковника милиции, а больше просто заинтересованного моим рассказом человека. Немного усилил ментальный посыл в его сторону, а сам продолжаю.

— Оказалось, что девочка в чьём теле я теперь существую, подверглась насилию. И её почти убили. Сбросили с крыши девятиэтажного дома. Она чудом спаслась, упав на дерево. Но потеряла память обо всём произошедшем.

В глазах моего собеседника сверкнул зеленоватый отблеск...

— Натан Борисович находился в глубокой депрессии после гибели жены и дочери. Мне удалось его немного встряхнуть. Он поселил меня в своей квартире. А потом мы с ним и с его друзьями, решили поехать на море. Отдохнуть. И вот мы здесь...

Зелёные огоньки в глазах Саркисова, уже погасли. Но погас и цепкий милицейский взгляд. Я всё-таки пробил его защиту...

— Саркис Арменович. Я не сделала ничего плохого. Поэтому Вам не надо больше искать следы моего прошлого. Вы же знаете, кто я?

— Да... — его голос немного задрожал, но тут же снова обрёл уверенность, — Ты — ангел!

— Наверное. Я сама этого до конца не знаю. Я хотела бы снова вернуться туда, где мне было хорошо. Но меня здесь на земле что-то держит. Вероятно, я ещё не сделала того, для чего меня сюда послали. Вы же поможете мне?

— Конечно...

— Называйте меня по-прежнему — Машей.

— Да, Маша.

— А где у Вас запросы, которые касались меня?

— Вот здесь, — он открыл сейф и достал из него тонкую папку.

Открыв папку, я обнаружил всего несколько бумажек. Копии запросов и ответы на них.

— Я заберу эти бумаги? Они же больше Вам не нужны?

— Забирай...

— Саркис Арменович! Ответьте мне на пару вопросов: Кто я?

— Ты — Маша. Хорошая девочка. Ты помогаешь людям. У тебя замечательные песни.

— Вы не будете больше интересоваться моей личностью.

— Зачем? Ты не делаешь ничего плохого.

— Это хорошо. Я сейчас поеду обратно в санаторий. А Вы больше не будете меня искать.

— Не буду.

— До свидания, товарищ Саркисов!

— До свидания, Маша-джан! Тебя проводить?

— Нет. Спасибо! Я сама дойду.

Фу-ух! Выдыхаю выходя из кабинета, спускаюсь по пафосной лестнице. Подхожу к машине. Сажусь за руль, завожу... Руки трясутся... Я закуриваю... Сижу курю... Никуда не еду...

Неужели получилось? Полковник милиции — это вам не гопник какой-то. Он таких как я, на раз раскалывал. Интересно, с чего он вздумал копать на меня информацию? Вспомнился его взгляд, когда я выбирался из разбитой машины. Да. Точно. Он заметил, как я убирал стилеты в сумку с деньгами. А потом? А потом его люди доставали наши вещи из машины. Наверняка просмотрели. Что там могло быть? Наган с патронами был у меня в сумке. Деньги тоже были со мной. Бли-ин... Документы на имя Инги Котти и Александры Котовой. Они были в моём рюкзаке. Что там было ещё? Чёрт... Там же были и все документы и бумажки, которые я выгреб у двух несостоявшихся грабителей у московской «Берёзки». Решил потом их изучить.

Болван. Так затупить. Сунул и забыл. Чёрт...

Интересно... Мне удалось ему внушить, чтобы он оставил меня в покое? Или снова срываться с места и менять дислокацию? Хотя, как тут от него скроешься? Даже машина и та от него нам досталась. Бросить машину и уйти пешком? Не вариант. На Черноморском побережье от него не скрыться.

Бросить Натана и Вадима и уехать одной? Если в Саркисове вновь проснётся мент, то ребят затаскают по кабинетам. Да и братьям Волковым тоже придётся не сладко.

Стоп! А почему я рассматриваю только самый плохой вариант? А не понадеяться ли мне снова на авось? Вернусь сейчас в санаторий. Пообедаю. А там видно будет, что делать дальше... Что я теряю? Да, ничего, в общем-то. Так и сделаю. Время покажет...

* * *

На обеде я вёл себя как обычно. Сергей хвастался, что уже немного научился плавать, а Виктор его хвалил.

Вадим с Натаном тоже были довольные. Все немного обгорели. Дорвались бледнокожие северные люди до жаркого южного солнышка. Посоветовал им намазаться вечером кефиром или сметаной, а в последующем быть поосторожнее с процессом поглощения ультрафиолета.

После обеда все немного отдохнули. А после снова отправились на пляж.

Я надел на себя красный купальник и сидел на деревянном лежаке. Голову мне прикрывала красная бейсболка. Мой внешний вид опять привлекал внимание. Но мне было всё равно.

В воду я решил пока не лезть. Пусть пройдёт пару дней, а там посмотрим.

Солнце во второй половине дня светит не так ярко, как в полдень. Обгореть я не боялся, хотя и пытался почаще переворачивать свою тушку, чтобы она равномерно поджаривалась со всех сторон.

Хотя со стороны было заметно, что по сравнению с уже давно отдыхающими, я ещё «свежее мясо» на этом пляже.

Мои мужчины в основном плескались в море. Ещё не накупались. Виктор пытался учить брата плавать, а Вадим ему советовал как это делать. Натан уплыл вдаль. Кажется, это именно ему кричал спасатель с вышки, чтобы он не заплывал за буйки.

Красный купальник и рыжие короткие волосы. Красная бейсболка и солнечные очки в красной оправе. Я выглядел стильно, солидно и дорого. Вокруг талии у меня был завязан красный платок в стиле парео. Без юбки в моём положении пока нельзя. Тампонов нет, а прокладка видна из-под купальника.

Чем же заняться пару дней, пока пляж мне противопоказан? А не исполнить ли мне одного из тех, кого я наметил на уничтожение? Кто у нас тут ближе всех? Чикатило? Нет. Пожалуй, Сливко будет поближе. К тому же сейчас начало июня и он ещё не успел уйти в поход или ещё куда уехать. Ещё не все экзамены сдали восьмиклассники, а их него в клубе полно.

Невинномысск... Примерно километров триста пятьдесят отсюда. Это если по плохой дороге ехать, через Майкоп напрямую.

А если ехать через Джубгу и Горячий Ключ, то будет уже больше четырёхсот.

А по времени? Напрямую всё же ближе и быстрее будет. Трассу я уже один раз прошёл на «Запорожце». Думаю, что на «Москвиче» будет ещё сподручнее. Часов за пять доеду. Запасись едой, водой...

Если стартовать завтра после завтрака, то к вечеру уже буду там. А если поднажму, то и часам к трём смогу добраться. А если без завтрака, совсем рано стартовать? Получится ещё лучше.

Решено. Так и сделаю. Надо только с вечера всё собрать, чтобы с утра время не терять.

Я перевернулся на спину, и щурясь на яркое солнце, продолжал мысленно собираться.

Отсюда выезжаю, одетый как девочка. Здесь уже к этому привыкли. По дороге превращаюсь в мальчика. Полного бака мне хватит почти до конца. Заправляюсь перед въездом в город. Быстро делаю свои дела и обратно.

Адрес клуба мне известен из будущего. Надеюсь, что всё у меня получится. Лишь бы никого в клубе не было кроме его руководителя. Или как его называли в интернете «Заслуженного мучителя РСФСР».

Да... Надо бы по дороге кеды прикупить, а то следить своими кроссовками неохота. И перчатки резиновые не помешают. По дороге у нас будут Майкоп и Армавир. Город Армавир будет вроде бы покрупнее.

Ладно. Это детали. Денег с собой надо взять с запасом. Сколько там осталось талонов на бензин? Надо бы тоже пополнить запас.

Машина в порядке. Сегодня пока ездил в Туапсе, прочувствовал, что всё работает как часы.

Да... Часы не забыть бы поменять. Для девочки ещё нормально будет в мужских часах ходить, но парень в золотых женских часах моментально привлечёт внимание.

Дьявол таится в мелочах.

* * *

После ужина я молча собрал все нужные вещи в сумку, на дно которой спрятался мой любимый наган. Стилеты брошу под сиденье. Первым делом с утра купить воды с собой. А что из еды прихватить? Печенье какое-нибудь. Ладно. Будет день и будет пища. Спать ложусь пораньше, чтобы с утра встать не поздно.

* * *

Предупредив всех своих, что меня не будет пару дней и чтобы не волновались, уезжаю

ещё до завтрака. Решил ехать в комбинезоне. В дороге всё-таки удобнее, чем платье. Ладно. Там на месте разберёмся.

До Туапсе долетел за полчаса. Нормально. Пока график выдерживаю.

Выехал на дорогу к перевалу. Машин мало. А встречных вообще почти нет. Первое время поглядывал в зеркало заднего вида. Вдруг полковник решил за мной наружку пустить?

Параноя. Кажется эта фобия спасла немало разведчиков. Лучше перебдеть, чем недобдеть, как говорится...

Нет. Вроде бы никто за мной не плетётся. Ну и хорошо. Хорошие новости с утра только поднимают настроение.

Перевал проскочил на удивление быстро. Всё-таки одному ехать куда сподручнее, чем в компании. Никто не отвлекает. Можно ехать и думать. Ну, вот я еду и думаю. Просчитываю разные варианты развития событий и ищу в них огрехи. Если нахожу, то снова думаю, как избежать провала и выйти сухим из воды.

Ещё полудня не было, а я уже подъезжал к Майкопу. Даже сам не заметил. Быстро сегодня у меня всё получается. Но это же хорошо? Или нет?

Главное не расслабляться. Когда всё идёт слишком гладко, наступает эйфория. Плохое чувство. Мешает холодному разуму следить за развитием событий, и быстро принимать в нужный момент правильные решения.

Решил пробежаться по магазинам в Майкопе. Прикинул по времени, что в Армавире я могу попасть в обеденный перерыв. В советские времена в магазинах всегда был обеденный перерыв. Либо с 13–00 до 14–00, либо с 14–00 до 15–00. А по моим подсчётам именно в это время я и смогу добраться до Армавира. Нарываться на закрытые двери... Не хочу.

Даже специально искать не пришлось. Я просто въехал в центральную часть города и припарковав машину, прошёлся вдоль одной из главных улиц. Город был построен по квадратной схеме. Его как будто чертили от руки, но в тетрадке в клеточку. Я когда план города увидел, именно так и подумал. Короче я сразу попал на рынок. Тут я и нашёл сразу всё, что нужно. Кеды, штаны и куртку на мальчика.

Дурацкую кепку прикупил для нужного образа. В жизни бы такую не надел, но тут оно в самый раз... В аптеке пару пар резиновых перчаток.

Пирожков себе в дорогу и местного лимонада пару бутылок.

Не задерживаясь, стартую дальше. Через полтора часа заправляюсь до полного бака в Армавире. А ещё через час уже вижу впереди Невинномысск.

Переоделся в лесу, не доезжая до города. И вот теперь двигаюсь в сторону центра. Машину оставил подальше от дворца культуры Химиков, где и располагался клуб «Чергид». Дальше пешком. Ножи заняли свои места под рукавами куртки. Наган с пристёгнутым глушителем, уместился в тряпочной хозяйственной сумке. Там же лежит кусок верёвки, с уже готовой петлёй. На всякий случай.

В здание ДК Химиков я вошёл просто и безо всяких изысков. Похоже, что никому до меня не было никакого дела. Вывеску «Чергида» было видно издали. Этот клуб в городе пользовался популярностью.

Лишь бы никого больше в клубе не было!

Лишь бы никого постороннего в клубе не было!

Всё это я твердил как мантру. Но видимо переборщил. В клубе вообще никого не было. И сам клуб был закрыт.

В дверях правда торчала бумажка, на которой неровным почерком крупно было

написано:

«Скоро буду».

Ждать, да догонять... Хуже нет. Но что делать? придётся подождать.

Стою. Жду. Изучаю наглядную агитацию. Её много в этом времени. Плакаты типографские и самодельные. Даже увлёкся слегка...

— Вы не меня ждёте? — раздался уверенный мужской голос.

Я чуть не вздрогнул от неожиданности. Но собрался и взял себя в руки. Оборачиваюсь и вижу улыбающееся, но такое знакомое по информации из будущего, лицо руководителя клуба «Чергид». Невысокого роста, приятный на вид человек лет тридцати. Да. Это именно он.

— Здравствуйте, Анатолий Емельянович! А можно мне записаться к Вам в клуб?

— Ну, проходи, поговорим.

Он открыл дверь ключом, и пропустив меня внутрь, притворил за собой дверь. Похозяйски пройдя к столу, он сгрузил бумажный пакет прямо на разложенные бумаги, а сам сел на стул и обратился ко мне:

— Присаживайся!

Я занял стул почти напротив стола. Сняв кепку, я мял её в руке, не зная куда её деть... в другой руке у меня был пакет с наганом. Расстояние между нами не больше метра. Между нами — только стол.

— Значит, хочешь к нам в клуб вступить? — он внимательно смотрел на меня.

Ну а я, в свою очередь в упор смотрел прямо ему в глаза.

— Но знаешь, к нам в основном записываются мальчики. Девочек очень мало. В основном те, у кого братья к нам ходят. Ты уже ходила в походы?

Быстро он меня раскусил. Богатый у него опыт общения с детьми. Мне обязательно надо вывести его из равновесия и ошарашить.

— А вы только мальчиков вешаете? Или девочек тоже иногда?

Взгляд уверенного в себе человека на мгновение стал испуганным. Всего лишь на мгновение... Но мне этого хватило.

Я заранее направил на него свой, усиленный энергией взгляд. При этом я подпустил

столько энергии в ментальный посыл своего взгляда, что ей можно было бы вылечить и Гагика, и Вазгена, и Натана вместе взятых...

Отблеск зелёного огня яркой вспышкой осветил глаза садиста, а потом погас. Вместе с ним погасли и глаза маньяка. Похоже, мне удалось его подчинить... Или нет?

— Где ты хранишь фотографии и плёнки?

— Там... — голос безжизненный, и вялый жест руки в сторону дверцы с молниями.

— Закрой входную дверь и открой щитовую!

Пока он с вялостью киношного зомби выполняет мои команды, я уже достал резиновые перчатки и надел их на руки. Наган достал и положил рядом с собой.

Дверь закрыта, а щитовая наоборот открыта.

— Достань все свои тайные фотографии и плёнки! Будем смотреть вместе...

Послушное тело выполняет всё, что ему говорят. А я осматриваю помещение, пока не нахожу нужного мне предмета. Вот он. Толстый крюк торчит из стены почти под потолком. На этом крюке висит экран. Видимо кино тут смотрят, которое в походах снимают. А может и сам Сливко тут свои ролики крутит, когда один остаётся. Крюк вроде бы крепкий на вид. Но не знаю, выдержит ли взрослого дядьку? Кстати, что-то он там долго...

Нет... Вот уже идёт. Несёт чего-то в руках.

И вот вскоре на столе уже лежит большой пакет с фотографиями. Я лишь мельком глянул... Какая мерзость...

Но для следователя вполне достаточно. После этого, думаю, что вопросов по поводу виновности Толика ни у кого не возникнет.

— А сейчас мы с тобой сыграем в сценку: «Смерть пионера.»

Зомби с потухшим взглядом смотрит на меня и ждёт моих указаний.

— Привяжи эту верёвку на тот крюк!

Кидаю ему заранее приготовленную мною верёвку.

— Это плохая верёвка. Слабая. У меня есть лучше.

Ну, надо же... Говорящая зомби. Ещё и советы даёт. Снова подпитываю взгляд энергией.

— У тебя есть верёвка получше?

— Да... — кивает в ответ.

— Неси!

Послушно приносит верёвку. И правда получше. Альпинистская. Надёжная.

— Привязывай! И петлю сделай!

С готовностью выполняет. Его руки ловко сворачивают петлю. Видно, что опыт богатый у этого монстра. И привязал. И подёргал, проверяя надёжность крюка. Надеюсь, он не думает, что это он меня сейчас подвешивать будет.

— Ты пока встань на стул! Надень петлю на шею! Подгони под себя! А я за кинокамерой схожу...

Ловко надев петлю себе на шею, Сливко затянул её. Но при этом успел мне сказать:

— Кинокамера там, в щитовой...

— Ага... — ответил я и выбил стул у него из-под ног.

Пытаясь освободиться, он схватился руками за шею. Но ослабить петлю ему не удалось... Ещё бы. Петлю вязал ему не абы кто, а профессионал своего дела. Он сам. Опыт подвешивания людей у него видимо приличный. Хотя к этому времени он убил всего одного мальчишку, но подвешивал уже многих.

Тело сучило ногами. Глаза вылезали из орбит. Кажется, что в последний момент он очнулся от моего внушения и пытался спасти свою никчёмную жизнь. А может это просто был инстинкт самосохранения. Наконец тело затихло, высунув язык. На штанах появилось тёмное мокрое пятно.

Подождав ещё немного, я прикинул, не наследил ли я где здесь... Вроде бы нет. Ничего не трогал. Осталось только уйти никем не замеченным...

Собрав всё своё в сумку, взяв связку ключей, не снимая с рук резиновых перчаток, я открыл замок и распахнул дверь...

* * *

Прямо за дверью, нос к носу, я столкнулся с мальчишкой, примерно моего возраста. Он смотрел на меня непонимающим взглядом.

— Заходи! — скомандовал я и стрельнул на него зелёным светом...

— Смотри! — показал я на висевшего Сливко. — Видишь?

— Толик повесился? — спросил он меня.

— Да. Играл в «смерть пионера» и увлёкся. Он тебя уже вешал?

— Да. Только не здесь... В лесу...

— А почему ты никому не рассказал?

— Это наша тайна.

— Теперь это уже не тайна. Пойдём! Проводишь меня!

Он послушно шёл вместе со мной до выхода из Дворца Культуры. У самого выхода я снова посмотрел ему в глаза:

— Ты меня никогда не видел. Ясно?

— Да...

— А сейчас ты вернёшься в клуб и будешь там ждать ровно полчаса. А потом позовёшь людей. Скажешь им, что нашёл Толика повешенным. Понял?

— Да.

— А про меня ты никогда больше не вспомнишь. Уяснил?

— Да.

— Иди!

Он послушно пошёл в сторону клуба. А я стал не спеша, но уверенно удаляться в сторону от ДК Химик.

Поплутав немного, путая следы, я добрался до своей машины, и не раздумывая, покинул этот город. В ближайшем лесочке снова переоделся. Кепку дурацкую подальше в кусты закинул. А штаны и куртку на ветку дерева повесил. Может, кто найдёт, может, кому и пригодится. Кеды себе оставил. Они ещё новые, не растоптанные. По крови я не топтался. А следов от кед такого размера в туристическом клубе и без моих предостаточно было. Самая популярная обувь у туристов по нынешним временам.

Дорога обратно вышла более продолжительной. Сказывалась усталость после трудного дня. Да и энергии я на этого гада потратил больше чем надо. Сейчас бы поесть чего посытнее, да поспать часов мырнадцать...

В Майкопе снова залился до полного бака. Хотел поесть чего, но искать было лень. Снова купил пирожков да лимонаду.

Вот так и ехал. Уныло, не спеша, стараясь от дороги не особо не отвлекаться.

Вот так и добрался, уже по тёмному, до ворот санатория. Ворота, по причине полуночного времени, были напрочь закрыты.

Стучаться в запертые ворота, да скандал устраивать не стал. Сил уже не было. Припарковался рядом, да и заснул сразу.

* * *

Рано утром в приоткрытое стекло моей машины постучался охранник. Ну, или сторож. Я не знаю, какую должность тут занимает этот привратник. Кстати, тот самый, который пытался не пускать меня в прошлый раз.

— А Вы почему не заезжаете, девушка?

— Да вернулась вчера очень поздно. Ворота были закрыты. Не хотела никого будить.

— Ну, это Вы зря, барышня... — ворчал он, открывая ворота. — Надо было постучать. Я бы открыл.

— Спасибо Вам! В следующий раз так и сделаю. Но лучше постараюсь больше так поздно не возвращаться.

— Это правильно. — ворчал старик. — Ночью надо спать...

Спать я буду сейчас, подумалось мне... Хотя... Вроде бы даже и выспался. Только тело всё ломит от неудобной позы. Всё же спать сидя в машине не так приятно, как лёжа в постели...

С такими мыслями я и поднялся к себе в номер. Стучу в дверь. Хоть здесь-то меня пустят или как...

Открыл мне сонный Натан и очень удивился.

— Ты же вроде говорила, что на пару дней уедешь.

— Быстрее получилось...

Я прошёл в номер, и скинув в себя одежду пошёл умываться. Смыв с себя пыль перевала, и слегка взбодрившись от холодной воды, я почувствовал зверский голод. Скорей бы завтрак.

— Я сегодня никуда не пойду. Устала сильно. Посплю до обеда. Но на завтрак схожу обязательно. Есть хочу.

— Пойдём тогда ребят разбудим. А через полчаса и на завтрак уже можно...

* * *

Спал я после завтрака без задних ног, пока меня не разбудили, позвав на обед, шумные братья.

А что. Я ничего. Даже выспался. Можно и пообедать. Забежав в туалет, перед обедом, понял, что можно уже и на пляж сходить искупаться.

Так и сделали. После обеда все пошли на пляж и плескались там почти до самого ужина. Я нырял за ракушками и плавал наперегонки с Натаном. Больше мне из нашей команды конкуренцию никто не мог составить. Сергей пытался мне доказать, что уже умеет плавать, но у него не получалось проплыть дальше, чем на три метра. Посоветовал ему увеличить дистанцию. А пока дальше пары метров от берега, лучше не отплывать.

После ужина мне передали записку, что звонил Саркисов и просил завтра захватить к нему на работу к полудню.

Спать совсем не хотелось. Видимо выспался перед обедом. Лежал и думал, чего ещё надо от меня Саркисяну? Неужели внушение не до конца повлияло на матёрого полковника.

— Инга! А ты как думаешь?

— Я не знаю. Но что-то мне говорит, что всё будет нормально.

— Не хочешь продолжить свой рассказ, про встречу с Рарой?

— А на чём мы остановились?

— Вы пришли в её логово.

— Это не логово. Это был её дом.

* * *

— Рара сказала, что я могу жить в её пещере. Но если мне будет неудобно, то могу каждый раз возвращаться в свою железную нору. Я спросила, почему на неё не действует моя магия внушения. Она рассмеялась. Кошки тоже умеют смеяться. Но толком она не смогла мне ничего объяснить. Просто сказала снова, что я ещё котёнок. А потом она позвала волков.

— Кого? — переспросил я Ингу.

— Волков. Это я их так называла. Они действительно волки, но не такие, каких я видела у нас на картинках. Гораздо больше и они были серебристыми.

— Серыми?

— Нет. Их шкура была именно серебристой. С металлическим оттенком. Но цвет шкуры всё время менялся. Как бы переливаясь. При этом блеск менялся в зависимости от того, на каком фоне волк находился. В кустах они были серебристо-зелёными, а на фоне камней — серебристо-серо-коричнево-чёрные. Короче такие пятнистые.

— Понятно. В будущем военные разрабатывали такой камуфляж, типа «хамелеон». А в фантастических книгах такое уже давно писатели придумали.

— Рара стала знакомить меня с волками, но я никак не могла отличить одного от другого. Все они для меня были одним цветом. Меня снова обозвали глупым котёнком. Но я не обижалась. Мы с Мальшом действительно, всего лишь глупые котята в том мире.

— А на волках у тебя получалось магичить?

— Рара сказала, что этого делать не надо. Она сказала, что врагов в лесу практически нет. А для еды достаточно мелких животных. Грызунов например.

— Крыс что ли?

— Да, нет, Саш. Каких крыс. Зайцы, белки...

— Белка тоже крыса.

— Там не такие белки. Они размером с наших кроликов.

— Боюсь спросить тогда какие там зайцы. Размером со свиней?

— Почти. Как большие собаки.

— И кого ты уже успела попробовать на вкус?

— И зайцев и белок, и ёжиков.

— Ёжик тоже крыса. Тебе охотиться волки помогали?

— Нет. Рара им просто сказала, чтобы они ни в коем случае не смели обижать её нового котёнка.

— Она там главная?

— Наверное. Не знаю. Но она ими командовала.

— А охотился кто?

— Я. То есть мы с Малышом. Мы гипнотизировали белок или зайцев. И заставляли их идти с нами.

— Куда?

— Обрато к нашему бункеру. Рара запретила разводить огонь у её дома. Не любит она дыма. Сказала или сырое мясо ешь, или ходи голодным. Пришлось отводить дичь сразу к бункеру.

— И там, у бункера, ты убивала белок и кроликов?

— Зачем? Дроиды били их током и разделявали. Я только потом готовила мясо на плите.

— В медблоке была плита?

— Нет. Пока мы бродили по лесу, дроиды разблокировали кухню.

— Лучше бы оружейку.

— Там слишком сильно заклинило. А дверь толстая и из такого метала, что плазменные резаки её не берут. Но врагов же у нас там нет на планете.

— А чужие, эти как их... Тхэтты.

— Тех, которые были, дед уничтожил вместе с их кораблём. А когда прилетят другие, никто не знает. Может через год, а может и через сто лет.

— А чему тебя Рара учила?

— Тому, чему не доучила бабушка. Разбираться с растениями и животными. Кроме разумных животных, конечно. Для них нужна более сильная магия. Рара сказала, что большая старая кошка попросила её позаботиться обо мне. Так она про бабушку сказала. Оказывается, они задолго до прилёта тхэттов, уже договорились насчёт опеки над Малышом, если что-то случится.

— Хорошая была бабушка. И дед тоже герой. Жаль, что они погибли.

— Может ещё и переродятся где. У них это вроде тоже практикуется. Они только удивлялись, как ты смог это сделать. Дело в том, что в твоё время до технологии переселения души ещё не додумались. Вроде бы ещё лет пятьсот никто не додумается. Так что ты — уникал.

— Инга! Я вот о чём давно хотел спросить... Почему мы с тобой можем исцелять раны и заставлять людей выполнять наши приказы? И почему другие люди на Земле этого делать не могут?

— Может быть, и могут... Откуда я знаю? Земля большая.

— Но ты не ответила.

— Я так думаю, что это началось после того, как мы стали контактировать с Малышом. Ведь до этого ничего такого не было. Никакого магического дара и никакого магического источника.

Инга сделала паузу, а потом продолжила:

— Ты разве не чувствуешь, что у нас здесь, — она показала рукой куда-то в район солнечного сплетения. — находится источник магической энергии?

— Я что-то такое чувствовал, когда воздействовал на Саркисова и на Сливко. Правда ты

меня поддерживала. Не знаю, получилось бы у меня без тебя?

— Думаю, что получилось бы. Ведь мы с тобой — одно целое!

— Как в сказке про Маугли: Мы с тобой одной крови!

— Я помню. Там мальчик с волками жил.

— А как ты с волками там контактировала.

— Да почти никак. Я просто просила их пригнать дичь, и они мне пригоняли зайцев, а дальше я сама. Ну, или Малыш там сам... мы с ним там тоже ведь одно целое. Он сказал, что снова хочет с тобой заниматься боевыми приёмами.

— А здесь кто будет? Если мы вдвоём туда уйдём, то здесь тело будет валяться в коме или как?

— Если мы не очень на долго, то...

— Ты же помнишь, что здесь час проходит, а там может месяц или больше.

— Всё относительно... Можно попытаться вернуться туда в тот же момент, когда я оттуда ушла, и сюда снова попасть опять же сразу. Мне кажется такое тоже вполне возможно. Вот только знаний маловато. Слишком рано нас бабушка покинула.

— А твоя Рара не знает этих тонкостей?

— Вряд ли. У неё только ментальное воздействие очень сильное, а другого она ничего не может. Мы ей показывали кое-что из того, чему мы с малышом научились... Она такого не умеет.

— Что, например?

— Ну, вот смотри... Хотя нет... Не здесь. Пойдём на балкон выйдем. Всё равно ведь не спим.

Осторожно, чтобы не разбудить Натана, выбираюсь на балкон.

От моря веет свежестью. Но совсем не холодно. Просто свежо, не более.

— Смотри!

Я чувствую, что Инга управляет телом, но не сопротивляюсь. Она вытягивает правую руку вперёд, открытой ладонью, обращённой к небу. Я чувствую напряжение в середине груди, а на ладони начинает собираться ярко красный шарик пламени, размером с горошину. Давление в груди нарастает, а шарик начинает увеличиваться в размерах.

— Стоп! — говорю я.

Шарик в одно мгновение пропадает, разлетаясь мелкими искорками в разные стороны с лёгким звуком. Что-то типа «Пых».

— Не надо здесь, вдруг увидит кто...

— Я не подумала...

— А ты можешь регулировать силу огня?

— Малыш может, а я ещё не пробовала без него. Это первый раз.

— Ты поосторожнее с экспериментами. Вдруг сил не рассчитаешь и сожжёшь тут половину санатория.

— Да. Ты прав. Надо потренироваться.

— А потом с этим файерболом, ты что собиралась делать?

— Файербол?

— Огненный шарик, создаваемый магией. Так его называют в фантастических книгах. Боевые маги его потом швыряют в своих врагов при помощи магии ветра.

— А-а... Понятно. Ну, примерно так Малыш и стрелял. Только он левша. И стрелял он тоже с левой руки. У нас с ним из-за этого проблемы возникали при управлении телом.

— Левша, значит... Это и хорошо, и плохо.

— Чем плохо? Мне будет трудно его обучать... Я-то не левша. Но обычному противнику с левой рукой тяжелее драться... Неудобно.

— А ещё я водой могу...

— Магия воды?

— Да.

— Покажи!

Инга снова протянула руку вперёд, выставив вперёд указательный палец. Эдакий «перст указующий»...

А потом я просто охренел. Появившаяся прямо из пальца тонкая струя вода, словно лазерный луч стала перерезать металлическое ограждение балкона.

— Стой!

Снова прозвучал «пых», и струйка, водяной пылью растаяла в воздухе. Я потрогал небольшой надрез на металле. Он даже не нагрелся. Видимо вода его при резке, даже остужала слегка.

— Инга! А на фига я тогда тут развлекаюсь, с ножами и пистолетами, кулаками машу? Ты вон «бац» из пальца, и нет злодея. Или огненным шаром ему в лоб.

— Са-аш! Ну, ты чего? Я испугалась. Растерялась. Я же девочка!

— Ты мне это прекращай! Видел я этих девочек. Ты не такая. Ты настоящий боец. Не то, что эти раскрашенные куклы.

— Ты лучше сам научись. И будешь сам стрелять из пальца, чем захочешь. А я буду лучше лечить. Мне так спокойнее. Я правда немного теряюсь в сложной обстановке. А ты быстро соображаешь и быстро действуешь. Я иногда «ах» не успеваю сказать, а двое-трое уже на земле валяются.

— Ясно всё с тобой. Синдром натуральной блондинки.

— Это что значит?

— Ну, вот смотри такой пример: Едем мы за рулём. И вдруг на дорогу выбегает...

— Олень! — напомнила мне мою историю, Инга.

— Хорошо. Пусть будет олень. Так вот. Я в такой ситуации, крепче сжимаю руль, пытаюсь избежать столкновения...

— Падаешь в пропасть, стораешь и переносишься сюда.

— Я не про это.

— А про что?

— А про то, что такая вот блондинка как ты, в этот момент закрывает ладонями глаза и громко визжит. — я тихонько сымитировал: — А-а-а-а!

— Я не такая. — обиженно насупилась на меня моя вторая «Я».

— Я знаю. Поэтому не надо прикидываться блондинкой передо мной. Ладно? Это вон перед Виктором ты можешь, хоть принцессу изображать, хоть Мальвину. Он всё схавает.

— Это почему ещё?

— Влюбился в тебя мальчик. Глазами поедает. Готов за тебя в огонь и в воду.

— Он хороший. Только матерится часто.

— У него такой словарный запас. Пусть читает побольше, тогда и разговаривать станет почище. Подсунь ему какую-нибудь книжку. Пусть читает на пляже, пока загорает.

— Сам подсунь! Пошли лучше спать. А то прохладно тут немного становится.

— А давай всё-таки ненадолго слетаем туда, к Мальшу. Успеем же мы вернуться до

утра?

— Давай попробуем.

Забравшись под одеяло, я приготовился снова перенестись на другую планету...

Напрасно я тешил себя надеждами на межзвёздное путешествие. Я просто уснул почти сразу. А проснувшись утром, обнаружил, что Инги нет. И сколько я её не звал, так и не дождался от неё ответа.

А дальше пошла рутина... Отдых на море во всей его красе.

После завтрака сходили на пляж. Я там не очень долго развлекался. Мне надо было к Саркисову съездить. Узнать бы, зачем он меня снова вызывает. И хотя я немного переживал из-за этого вызова, но старался себя сильно не накручивать. Что будет, то и будет.

Оказалось всё так банально и просто. К нему, как к самому уважаемому человеку обратилась та женщина из магазина. Мария, или как там её зовут по-армянски? Мариам. Обратилась к нему, чтобы он устроил моё присутствие на свадьбе у Аревик. И он меня об этом просто попросил.

Пообещал отблагодарить. Я сказал, что денег не надо, а нужен лишь сценический костюм, что-то типа вечернего платья. В котором и на свадьбу придти не стыдно, и на сцене петь удобно.

На это моё заявление, Саркисов сразу же мне пообещал устроить посещение Сочинской «Берёзки».

Я сразу включил дурочку, типа сертификатов нет. Но он меня успокоил. Сказал, что со мной поедет его человек и расплатится за всё, что я куплю. Что это всё мелочи, и чтобы я не стеснялся.

Вот ведь. Хороший честный советский человек. Но деньгами ворочает и сертификатами разбрасывается. Парадокс.

Договорился с ним по поводу общения с музыкантами. Мне же надо пару новых песен приготовить для Аревик. Есть кое-какие задумки у меня на эту тему.

Кстати, уточнил у него по поводу авторских прав на песни. Я точно не знаю этой технологии. Оказалось, что его эта тема тоже никогда не интересовала.

Посоветовал мне с Михаилом на эту тему поговорить. Это с тем самым руководителем ансамбля.

Решил я тогда совсем обнаглеть.

— Саркис Арменович! Я как же я буду авторские оформлять, когда у меня ещё паспорта нет. Не таскать же мне везде папу с собой.

— Сколько тебе сейчас лет, Маша?

— Теперь уже и не знаю.

— Как это?

— Когда Вы сказали лейтенанту по имени Николай, помочь мне сделать водительское удостоверение, то он так устроил, что мне там написали, что уже восемнадцать. Иначе бы ничего не получилось.

— А на самом деле сколько? Пятнадцать? Шестнадцать?

— Вы забыли, Саркис Арменович? Я же Вам тогда говорила. Мне тринадцать с половиной.

— Не может быть... Ты выглядишь старше. А когда с тобой говорю то ощущение, что общаюсь со взрослым человеком.

— А я и есть взрослая. Только маленькая ростом...

— И что ты хочешь, чтобы я и паспорт тебе подделал. Ты понимаешь, о чём меня просишь?

— Так мне же не для баловства, а для дела. — я говорю это, а сам подпускаю немного зелёной ментальной магии.

— Тоже верно. Я прямо не знаю, как быть. Ведь паспорт выдают по месту прописки. А ты из Москвы. Хотя есть вариант один.

Я весь во внимании. Слушаю его, и понять не могу. Как может старый полковник так запросто рассуждать, как сделать посторонней совсем девчонке поддельный паспорт.

— В этом году, в марте, здесь недалеко, в Дедеркое один дом снесло. Оползень был. Остальные дома далеко от реки стоят. А этот был почти рядом. Там женщина старая жила. Муж и сын на той войне погибли. Она всё не хотела никуда переезжать, хотя ей говорили, что опасность есть.

— Она, что погибла во время оползня?

— Нет. Умерла ещё два года назад. Старая была. А дом её стоял. Его и снесло оползнем. Вот если бы ты была её внучатая племянница, то могла быть прописана у неё. Так что теперь можно и паспорт оформить на тот адрес. Только там уже нет никакого дома.

— Так мне же и не надо никакого дома.

— Вот и я о том же. Не люблю я таким заниматься. Но для тебя, Маша... Я это сделаю.

— Почему Вы так ко мне добры, Саркис Арменович?

— Ты знаешь, что сейчас с Гагиком?

— Нет. — обеспокоился я, — А что с ним?

— Два дня назад лежал, почти умирал. А сегодня выписываться хочет. Раны зажили. И это... Говорит, что если не выпишут, то сам сбежит.

— Он же не говорил.

— Теперь говорит, ещё как. Ругается с врачами. Что ты с ним сделала, Маша? Как тебе это удалось?

— Просто я чувствовала, что очень обязана этому смелому человеку. Обязана своей жизнью. И мне так захотелось помочь ему.

— И как тебе это удаётся? Ладно. Завтра принеси свои фотографии.

— У меня они и сейчас с собой. На права когда фотографировалась.

— На паспорт надо другого размера.

— Так у меня есть фотопластинка с негативом. Я тогда сегодня и сделаю.

— Вот завтра и приходи. С фотографиями. Помогу тебе. А пока можешь с музыкантами пообщаться. Скажу тебе честно... Это они с тобой очень хотят пообщаться. Особенно Михаил. Я ему сказал, чтобы без твоего разрешения твои песни он нигде не исполнял. А он говорит, что народ очень просит. Особенно «Чёрные глаза». Мне тоже понравилась эта песенка. Очень зажигательная. Ладно. Иди уже. Помнишь, где ресторан находится? Там музыкантов и найдёшь. Они там репетируют в это время.

— До свидания, Саркис Арменович! И спасибо Вам большое!

— За что?

— За доброту и заботу...

Покинув кабинет второго секретаря. Я реально выдохнул. Весь долгий разговор я всё ждал, что он наконец-то вспомнит, что я не тот за кого себя выдаю. А он наоборот. Очень лояльно ко мне отнёсся. Даже моя провокация с получением паспорта, и то прошла как по маслу. Хотя это именно была провокация. Я же не знал, что у них тут так можно сделать.

Надеялся, что он мне откажет. А оно вона как получилось.

Ладно. Пусть будет ещё в придачу к правам и паспорт с пропиской, в этом, как он сказал... Дедеркой. Забавное название.

По дороге в ресторан я нашёл фотоателье и сдал свою пластинку, чтобы мне к завтрашнему дню сделали фото. Заказал на паспорт и в придачу ещё и побольше размером. Уж больно симпатично у меня там косметика наложена. Надо будет перед свадьбой снова заехать к той милой женщине.

* * *

Музыканты меня встретили, как звезду мирового масштаба. Наверное, так в Москве в девяностых принимали Майкла Джексона. Хотя нет. Его на танке катали в Кантемировской дивизии, а меня только в ресторане накормить попытались. Я не отказался. Люля-кебаб с гарниром и зеленью. Яблочный сок и вкусные пирожные.

Но покушать не дал директор ресторана. Кто-то ему уже стукнул, что Маша приехала. Быстро тут у них это.

Прибежал и сразу стал прощения просить за сына своего, а потом сразу без перехода стал благодарить, за то, что мозги дураку вправила. Оказалось, что у мальчика теперь крыша поехала в сторону религии. Решил стать то ли монахом, то ли послушником. Я так и не понял. Оказалось, что он чуть ли не на коленях просил отца своего, чтобы простил ему грехи за все годы его жизни. У него даже челюсть уже зажила.

А в тюрьму его сажать не будут. Гагик уже выздоровел, у Вазгена царापина. Я вообще не пострадал. Сказали, что дадут условно за хулиганство. Пистолет? Какой пистолет. Кто его видел? Если будет хорошо себя вести, то и судимость потом снимут. А он хочет в церковь пойти и у бога прощения просить. Кто же убогого в тюрьму посадит? Как у них тут всё просто. Я даже сам удивляюсь.

Так что папаша его рассыпался в благодарностях и обещал кормить бесплатно, пока у него на кухне продукты не кончатся. Надо будет с ребятами сюда как-нибудь под вечер заехать, да погулять с размахом, в стиле купца первой гильдии в царские времена.

А моё общение с Михаилом быстро перешло на коммерческие темы. Он пообещал содействовать регистрации моих песен. За каждую песню предложил мне по тысяче рублей, при условии, что его там впишут соавтором музыки. Думаю, что он эти деньги быстро отобьёт. Я согласился. Мне терять нечего. Песни-то не совсем мои. Я лишь тексты чуть добавляю, да музыку вспоминаю. Но за «Чёрные глаза» я сразу ему сказал, что тысячи мало. Сошлись на трёх.

Спросил у меня по поводу новых песен. Я ему сразу сказал, что песен у меня, как у дурака махорки. Ну не так конечно. Но примерно смысл был такой. Сразу предупредил, что две песни я уже подготовил персонально на свадьбу Аревик. Он уже был в курсе, что меня попросили там выступить. Тут как в деревне. Всё про всех всё знают.

А ещё три песни я ему впарил сразу. «Музыканта» и «Ночную птицу» Никольского из «Воскресения», и «Половинку» Петкуна из «Танцев минус».

Он мне сразу отсчитал десять тысяч, а за две песни, обещал отдать после свадьбы. Вот откуда у простого советского человека такие деньги на кармане?

Мы откатали «новые песни», прогнали «старые», и расстались под вечер добрыми

друзьями.

Возвращался я уже по тёмной дороге. И хотя я опоздал на ужин, но есть не хотелось. В ресторане меня накормили от пуза.

Моя мужская компания потребовала отчёта. Где я шлялся целый день. Пришлось рассказывать. Узнав о том, что я пишу песни и уже продаю их за бешенные деньги, все удивились. Виктор вообще смотрел на меня, как блаженный на икону.

Попросили спеть. Отказался. Вот завтра вечером в ресторан свожу их, пусть музыканты им и поют. А сегодня я чего-то устал.

Лёг спать и почти сразу провалился в сон. Даже, кажется, снилось что-то хорошее.

Но недолго...

До тех пор, пока в моё сознание не ворвалась Инга с криком:

— Саша! Ты нам срочно нужен! Там такое!

Что такое там творится. Я спросить не успел, так как что-то меня утащило в чёрную бездну, а потом выбросило на освещённую светом местного солнца полянку, далеко-далеко на другой планете.

Конец третьей части четвёртой книги.

Эти девчонки такие паникёры... Ничего прямо супер-пупер срочного и страшного на Заповедной планете не произошло.

Но всё же, обнаруженное Ингой и Малышом, немного выходило за рамки обычного. Они наши в лесу заброшенный город. Зброшенный так давно, что никто из обитателей леса никогда не воспринимал этот заросший зеленью, мхом и кустами холм, как нечто инородное. Да что кусты... На крыше, если верх — считать крышей, этого сооружения вырос целый лесок, а может даже роща.

Обычные обитатели этого мира, такие как волки, зайцы и прочая живность вообще считали это обычным лесом. Но Рара говорила, что это плохое место, и туда не надо ходить. А Инга с первого взгляда определила, что холм — строение рукотворное. И я с ней целиком и полностью согласился.

Если бы удалось удалить лес на площади порядка нескольких гектар, то эта усечённая пирамида сразу стала бы видна со всех сторон. Стало ясно, почему никто не замечал этого сооружения сверху. Всё было заброшено настолько давно, что даже контуры правильных линий были сглажены. Хорошая маскировка. Я не знаю, сколько лет прошло с тех пор, как сюда никто не приходил из создателей этого...

И что это вообще такое? Что это на самом деле?

За неделю мы облазили этот объект со всех сторон. Везде была глухая каменная стена. Камень очень напоминал природный. Но ни стыков, ни швов мы не обнаружили. Расчистив небольшой участок, стало ясно, что поверхность стены была идеально ровной. Небольшая шероховатость, как у бетона, но это не было бетоном. Мы пытались ковырять стенки доступным нам железом. Ножом, мечом... Бесполезно. Не оставалось даже царапин. Такое ощущение, что это огромное сооружение было вырезано из цельного камня невероятной прочности.

Я не понимаю, что это было за сооружение. Я не знаю, как попасть внутрь. А там внутри явно что-то есть. Ведь вряд ли кому в голову придёт взять огромную каменюку, размером с несколько футбольных полей, придать ей идеальные формы, да и бросить тут в лесу, на планете, где никто не живёт в последние несколько тысяч лет.

Рара сказала, что несколько раз в год из этого места исходит сияние. Но света этого никто кроме неё не видит. Почему Рара боится туда ходить, она не пояснила. Сказала, что её туда близко, что-то невидимое не пускает. Хотя волки и зайцы бегают там и не боятся.

Почему-то на нас не давила никакая невидимая сила. Лишь физические возможности Малыша нас сдерживали. Залезть наверх нам пока не удавалось. Лианы и другие вьющиеся растения в некоторых местах позволяли забираться наверх. Но руки Малыша слабоваты оказались. Уже пару раз наша тушка вниз срывалась. А высота там приличная. Ого-го какая... С пятиэтажный дом, не меньше. Хорошо ещё, что растительности хватало. Шмякнулись в колючие кусты, всё тело исцарапано, но ничего серьёзного не повреждено.

Иногда удавалось залезть наверх. Даже немного исследовали поверхность так называемой «крыши», густо поросшей зеленью, мхом, кустами и деревьями... Но забравшись наверх, каждый раз к закату надо было спускаться вниз. Так как наверху не было ни воды, ни еды...

Мне кажется, что тут не всё так просто. Это не пещеры Индианы Джонса, где нажмёшь

на выступающий камушек, и стена в сторону отъедет. Тут что-то иное надо искать. Сгоряча такие вопросы не решаются. Хотя может быть я и ошибаюсь. Иногда ответ есть где-то на поверхности, а мы копаем, так глубоко, что закапываем сами себя...

Я предложил Инге вернуться на Землю. Но она сказала, что ещё немного задержится. А я неведомым для меня образом снова перенёсся. Обнаружил себя там же. Лежу себе на кровати в санатории. Отдыхаю...

Спать не хочется от слова «совсем». За окном уже светает, но ещё так рано, что вставать ещё никто и не думает.

Лежу. Смотрю в потолок. Думаю...

Проблему Заповедной планеты можно решать вот так вот. Наездами. Ведь пробыв там почти две недели, здесь я не потерял ничего. Вернулся той же ночью, отдохнувший и полный сил для новых приключений.

Кстати, о приключениях...

У меня сложилось впечатление, что приключения ко мне липнут как мухи к липкой бумаге. А ещё я «магнит для идиотов». Вот можно ли себе представить, чтобы я куда-то пошёл и ничего со мной не случилось. Ведь время-то вокруг вполне спокойное, можно сказать даже застойное.

А у меня всё время — *à la guerre comme à la guerre*^[5].

Стоит пойти в ресторан, либо бандиты на улице ограбить попытаются, либо что-то непонятное с ментами и торгашами. Да что там говорить. Один раз зашёл в «Берёзку», и снова чуть ли не целую банду обезвредил.

К тому же людям рядом со мной не безопасно. Водителя подстрелили. Хозяина дома, где я только одну ночь провёл... подстрелили. Сходил на свадьбу, изувечил сына директора ресторана. Что за фигня. Можно до бесконечности перечислять несуразицы и совпадения.

Лежу... В потолок гляжу...

Интересно, а я могу как с Вадимом, отращивать волосы и ещё чего-нибудь... Попробовал слегка отрастить чёлку, чтобы она красиво так прикрывала половину лба и на бок ложилась.

Я уже походил с совсем короткой стрижкой. Удобно, но слишком вызывающе. Постараюсь сделать всё более женственно.

Чувствую, что голова уже зудит и чешется. Пощупал.

Действительно, чёлка становится больше. Но вот только цвет... Там, где отрастут новые волосы, на корнях будет мой изначальный цвет, то есть светлый, почти белый.

А будет ли это смотреться?

Не уверен.

Снова напрягаюсь и внушаю сам себе, что все мои волосы становятся рыжими. Да не такими, как были до этого, а более яркими, ближе к медным. Но всё-таки торможусь, где-то посередине...

Представляю себе картину. Девушка с ярко-рыжими волосами. Пытаюсь уловить оттенок рыжести, который мне нравится.

Шлёпаю босыми ногами в сторону удобств. Там и зеркало есть. Любуюсь на себя. Блин... Получилось.

Я поймал азарт и продолжаю свои ненаучные эксперименты.

Теперь мне не мешало бы слегка повзрослеть.

Особенно теперь, когда у меня есть документы на совершеннолетнюю Машу...

Правда, не все пока ещё документы. Только водительское удостоверение.

Но товарищ Саркисов вроде бы обещал и с паспортом помочь. А он слов на ветер вроде бы не бросает. Теперь надо бы подумать, как мне соответствовать возрасту.

Можно попробовать...

Попробовать...

Начнём с малого. Вот грудь, например. Сейчас у меня на груди, этой груди как раз и нет. Каламбур получается...

Грудь взрослой девушке нужна. Красивая грудь девушку украшает и делает ещё более

красивой. Снова каламбур.

Остаётся главный вопрос. Какого размера грудь мне нужна?

Никогда не любил женщин в стиле Семенович. К тому же не на мою стройную фигурку, такие бидоны носить. Даже у Анны видно, что её грудь, причём каждая из них по отдельности, по размерам больше, чем её голова на плечах. А ведь, как говорится: «Одна голова — хорошо, а три — некрасиво».

Да-а... Такой дизайн нам не нужен.

Небольшая красивая грудь, соответствующая возрасту и пропорциям тела — это то, что нужно.

Особенно, если размер груди позволяет не носить постоянно этот хомут... То есть лифчик, или как там его? Бюстгальтер.

Да... Небольшая и красивая грудь. Определиться бы с размерами и формой, а потом уже и попробовать вырастить такое на своём теле.

Интересно, а сам мой организм с этим бы справился? Вон Инга говорила, что просто давала установку организму на лечение, не уточняя даже деталей. И у Вадима выросли волосы, а у Виктора лобная кость на место встала. Может и мне так попробовать?

До подъёма ещё есть часа полтора. Я закрыл глаза и представил себя со стороны. Что надо подправить?

Прибавить немного роста. Сантиметров пять ещё, ну семь, не больше. За счёт удлинения ног. Ноги у меня и так не короткие. Обычные ноги. Но если их слегка вытянуть. Чуть-чуть.

Слегка дать импульс позвонкам, и это прибавит ещё немного роста всему телу... А грудь? Пусть будет небольшой, но пропорциональной.

Сам не заметил, как задремал, а после и вообще, провалился в глубокий сон.

Пробуждение было эпическим. На меня пялился проснувшийся Натан. В его взгляде читалось: «Ты кто такая?»

Хлопаю глазами, зеваю, и выдаю, наивным голосом:

— Доброе утро!

— Это что с тобой такое?

— А что такое?

Развлекаюсь. Делаю вид, что ничего не понимаю. Глядя на недоумённое лицо моего «папы», с трудом сдерживаю смех.

— Посмотри на себя!

Смотрю на «себя», обнаруживаю подростковую под майкой грудь. Трогаю. Удивляюсь...

— О-о... Неожиданно... — многозначительно произношу в никуда, ничего не значащую фразу...

— И это тоже, — видимо только сейчас заметив прибавление мяса на моём теле. — Ты на голове посмотри!

Снова шлёпаю босиком к зеркалу. Любуюсь собой, поворачиваясь то левым, то правым боком.

— А что? Ничего так...

— Это ты как сделала?

— Не знаю. Может, повзрослела?

— За ночь?

— Почему за ночь?

— Но вчера этого не было у тебя.

— Ну... Я не знаю. Теперь снова надо в парикмахерскую идти...

— Нет. Не надо. Оставь так. Так лучше тебе идёт. Ну, если только подровнять слегка.

Ты опять занималась этим?

— Чем этим?

— Ну, как с Вадимом? У него тоже тогда волосы отрасли.

— Не совсем так. Я когда засыпала, подумала о том, что волосы короткие и грудь маленькая. А проснулась и вот оно как... Может, приснилось чего?

— Ты с этим давай поосторожнее. А то вдруг я проснусь утром, а ты уже мальчик.

Заразительно смеюсь в ответ, а про себя думаю: «Эх, если бы ты знал всё, как есть на самом деле...»

Умываемся и собираемся на завтрак. Сразу надеваю купальник. Чёрный, отдельный, со звёздочками... Неплохо так сел на новую грудь.

Поверх сразу надеваю комбинезон с лямками. Посмотрел... слишком вызывающе. Надел чёрную футболку. Стало лучше.

Кроссовки и бейсболка дополняют мой костюм. Бейсболку на этот раз взял чёрную. Красную я уже носил не раз. Свою новую чёлку постарался спрятать под бейсболкой, чтобы не сразу было заметно изменение причёски.

Подумал-подумал, да и сменил полукомбинезон на чёрные узкие джинсы. Джинсы раньше были длинноваты. Даже штанины приходилось подворачивать. Сейчас и так носят, но я планировал подшить по своей длине. А теперь оказались в самый раз. Ну, точно... У меня же теперь длинные стройные ноги. Я развернул подвёрнутое, и прошёлся. А что? Круто. Стильно.

Кроссовки немного не в тему. Надел чёрный открытые босоножки из «Берёзки». Роста

ещё прибавилось на размер каблука. Жаль что нет большого зеркала. Ладно, посмотрюсь по дороге в столовую. Там как раз есть такое по пути.

Распихал по карманам права, документы на машину с ключами и деньги. Крупные купюры в задний карман, а мелкие в передний.

У большого зеркала слегка задержался. Глянул на себя...

Как говорится: Дорогхо, богхато.

В таком виде я и вышел на завтрак.

Моё появление вызвало фурор не только среди нашей компании, но и среди остальных отдыхающих.

Виктор проглотил язык и молчал. Даже если бы он и захотел что-то сказать, я примерно представляю, что он сказал бы. Но парень молодец. Сдержался от мата.

Вадим оглядывал меня взглядом врача, проводящего осмотр больного. А Сергей не замолкал, описывая, как я красиво выгляжу.

Хвалите меня, хвалите!

Люблю я это дело.

Я ел очень аккуратно, стараясь соблюдать этикет престижного ресторана, хотя мы и сидели всего лишь в зале столовой ведомственного милицейского санатория. Был бы нож под рукой, я бы действовал ножом и вилкой. Но приходилось кромсать яичницу только одной вилочкой.

После обеда мы сразу же отправились на пляж.

Я скинул бейсболку и встряхнул чёлкой. А когда снял футболку и джинсы, то мой вид снова вызвал немой восторг у всей моей команды. Кроме младшего. Сергей заливался соловьём от восторга. А я пошёл грациозной походкой в сторону воды. Но заходить в воду не стал. Прощёлся по волнолому до конца и красиво рыбкой нырнул в сине-зелёную воду Чёрного моря.

Проплыв вольным стилем туда и обратно, вышел на берег весь в капельках воды и покрытый восхищёнными взглядами половины мужчин нашего пляжа.

— Ну, Инга, ты даёшь жару! — проговорил Натан. — Неожиданно.

— Во-первых, не забывай про легенду. Пока мы здесь, мне придётся побыть Машей.

— Ах, да. Прости, забылся...

— Вот как вы, девушки, умеете так эффектно показать свои лучшие стороны? — подключился Вадим.

— А что, у меня есть ещё и худшие стороны?

— Ну... Когда ты с бандитами расправляешься...

— Тс-с-с! Никому не говори об этом! — отшучиваюсь я.

— Принцесса! — наконец выдавил из себя слово онемевший Виктор.

— Ага! — согласился с ним брат.

— Парни! Я сегодня должна в Туапсе съездить. Кто со мной хочет?

— А что там делать надо? — поинтересовался ветеринар.

— В горком заехать, а потом по магазинам пройтись...

— Фу! — резюмировал ленивый доктор.

Вадим за несколько дней уже вполне неплохо загорел, и даже умудрился познакомиться с одной женщиной из отдыхающих в соседнем санатории.

— Я, пожалуй, тоже не поеду. — согласился с другом Натан. — Этот твой шопинг уже утомил. Зачем тебе так много вещей.

— Надо. — коротко ответил я на каверзный вопрос.

— А я поеду! — заявил Сергей. — Море никуда не убежит. И Витька тоже с нами поедет. Да? — он вопросительно взглянул на брата, который просто молча кивнул.

— Вот и хорошо. Те, кто со мной — собираться и переодеваться, а остальные могут и дальше греть пузо на солнце.

— Фу, как некультурно! — прокомментировал доктор, даже не шевелясь на своём деревянном лежаке.

— Когда вернётесь? — Натан всегда был заботлив.

— Наверное, ближе к вечеру. Не переживай! Не пропадём...

В номере я переоделся. Погода тёплая. В джинсах париться не хотелось. Надел синее платье, уже отстиранное после инцидента с Альбертом. А на ноги, не долго думая, натянул синие кроссовки. Так удобнее, чем в туфлях. Прихватил свою соломенную шляпку. В машине в шляпке неудобно, зато под солнцем без неё голову напечёт на раз. Красный клатч выбивался из цветовой гаммы, но другой сумочки у меня не было. Это большое упущение. Надо бы найти что-нибудь более универсальное. Чёрную сумочку, например.

Несмотря на то, что мои мальчишки оделись в свои самые лучшие вещи, на моём фоне они даже не выглядели свитой. Это как бедные родственники из провинциальной деревни, приехав в столицу, смотрятся на фоне повседневно одетых горожан. Иностранно... И немного нелепо. Надо бы это подправить.

* * *

К товарищу Саркисову я пошёл один. Парни остались в машине. На этот раз мне пришлось немного подождать у кабинета. Большой начальник был на каком-то внеплановом совещании у своего ещё более солидного начальника.

Появился он, когда я уже устал смотреть в окно коридора, на строительство нового дома, из-за которого потом и придётся в будущем снести здание горкома.

Саркисов появился стремительно. Кажется, он был чем-то сильно расстроен, или по крайней мере озабочен.

— Что-то случилось?

— Проходи, Маша! — он гостеприимно распахнул дверь кабинета. — Да. Дела...

— Поделитесь? Может чем помочь смогу?

— Да чем ты можешь помочь? Гад у нас один появился в районе. Убийца. Девушку молодую изнасиловал и убил. Не просто убил, искромсал ножом. Нелюдь...

— И где это было?

— Тело в море обнаружили сегодня рано утром. Прибило к берегу... — голос Саркисяна слегка дрогнул. — Дети первыми увидели... Вот, что страшно...

Он тяжело вздохнул и продолжил:

— Дети... Там база отдыха «Энергетик»... Детский сад и пионерлагерь рядом. Уже и до крайкома информация дошла. Милиция с ног сбилась... Комитет подключился... Но следов нет. Где это было, никто не знает. Это надо всё побережье пешком пройти, да и ещё при этом следы найти.

— А девушку опознали...

— Нет пока. По виду не местная... приезжая, наверное.

— Летний сезон...

— Да. Отдыхающих сейчас много на побережье. И это уже второй случай. Там почти что то же самое было. Только девушку рыбак обнаружил в воде. Но та девица была местной. Гулять пошла ночью одна... Ну и через день только наши... А эта вот не местная... Как найти, кто она, где она жила?

— Да. Это проблема. Не завидую Вам. Иголку в стогу сена легче найти, чем девушку на

побережье.

— Иголку в стоге сена тоже трудно найти.

— Ну почему... Взял магнит. Иголка сразу и нашлась.

— Магнит, магнит... Слушай! А это хорошая мысль... Магнит.

— Вы имеете в виду, что преступника можно поймать, заманив его подставной девушкой, как на магнит?

— О! Ты тоже сразу сообразила. Да, этот вариант надо бы попробовать. Взять девушек из сотрудиц. Переодеть и попробовать поймать на живца.

— Это получится, если маньяк серийный.

— Как ты сказала? Серийный? Не слышал такого.

— Ну, если у него не одно, а несколько одинаковых преступлений. Получается как в кино... серия.

— Это не кино, девочка...

— Я понимаю.

— Ладно. Тебя это не должно касаться. И никому не говори. Паника среди отдыхающих нам не нужна.

— Никому.

— А твою проблему я решил. Ты сейчас поедешь в Дедеркой. Там у отделения милиции, тебя будет ждать мой человек. Он тебе поможет всё сделать. А потом вместе с ним съездишь в Сочи. Магазин «Берёзка» там есть. Гагик покажет.

— Гагик? Его выписали?

— Да. Здоров как бык! Рвётся в бой. Хочет снова в милиции работать. Но это долгая песня. Пока инвалидность с него снимут, то да сё... Много времени пройдёт... Пусть он тебе будет немножко помогать, пока суть да дело. Да... У него с собой есть сертификаты. Я ему дал. Так что ни в чём себе не отказывай. Покупай, что надо.

— Саркис Арменович. Со мной ещё два мальчика.

— Да, да. Я видел. Братя, кажется.

— Волковы. Сергей и Виктор. Можно я им куплю кое-что из одежды. А то я, как принцесса, а они рядом оборванцами выглядят.

— Принцесса? Да, ты похорошела за эти дни. Совсем не та замарашка, которую я в канаве увидел. Купи им что надо. Для детей не жалко. Но себе купи самое красивое платье. На свадьбе у Аревик ты обещала спеть новые песни.

— Да, сегодня снова на репетицию к музыкантам поеду.

— Ну, всё... Поезжай! А у меня дела...

* * *

До Дедеркоя доехали быстро. Милицию нам показал первый же прохожий.

Гагик встретил меня с улыбкой на пол-лица. Мы даже обнялись. Я действительно был рад, что смог помочь этому смелому человеку. Не каждый в этой жизни готов принять на себя чужие пули.

— Здравствуй, Машенька!

— Здравствуй, Гагик-джан! Я рада, что с тобой всё в порядке.

— Благодаря тебе! — он смотрел на меня добрыми глазами.

— Да, ладно. Я-то тут при чём. Я просто очень захотела, чтобы ты поправился поскорей.

— Ладно! Пойдём! Тут всё уже готово. Ждут только тебя.

Оформление прошло настолько быстро, что я был просто удивлён. Приклеили принесённую мною фотографию и шлёпнули сверху печать. Всё.

Распишись, Маша в получении паспорта. Вот тебе уже и восемнадцать лет стукнуло... Поздравляю! Такой вот парадокс...

— Гагик! Ты на машине?

— Да! Вон «Волга» стоит. На моей поедете?

— А эту? — я указал на «Москвича».

— Оставь здесь у милиции. Никто не тронет. Эту машину уже знают. И тебя знают.

— Правда?

— Правда-правда, Маша! Про тебя уже легенды ходят. Все желают попасть на свадьбу к Аревик, чтобы услышать твои песни.

— Я ещё несколько новых сейчас готовлю.

— Это хорошо. А Сеня у нас просто болтун. Он про тебя рассказывает, и каждый раз всё интереснее...

— Да, ладно тебе. Хороший парень. И что он наболтал.

— Он в красках рассказал, как ты в платье и на каблуках, расправилась сразу с тремя мужиками. Уже просили, чтобы ты перед сотрудниками выступила.

— Песни им спеть?

— Э, нет. Приёмы хотят посмотреть. Ну и песни тоже...

Смеёмся.

Я закрыл машину. Мы все пересели в машину к Гагику.

* * *

Дорога была долгой и утомительной. Странно, когда я сам еду за рулём, дорога кажется более быстрой. Скука утомляет больше чем работа.

Гагик, не смотря на то, что уже мог говорить, по-прежнему был немногословен. Хотя я и пытался его разговорить.

— Гагик-джан! А почему мы не пошли в «Альбатрос»? В Туапсе же есть такой магазин.

— Ну... Там моряки по пропускам обычно отовариваются. А сейчас там какая-то ревизия идёт.

Вот и весь разговор.

Братья на заднем сиденье полдороги откровенно дрыхли. Если поначалу Сергей ещё и проявлял интерес к видам за окном, но мелькание в стиле «горы, море, море, горы», утомило и его. Гагик вёл машину спокойно и уверенно, поэтому братья спокойно проспали всю дорогу, привалившись друг к другу.

До Большого Сочи мы не доехали. В Дагомысе была своя «Берёзка». Туда мы и пошли.

Я вошёл в магазин первым, следом за мною Гагик, а моих юных «гопников» тормознули на входе. Да ещё и в грубой форме, схватив за шиворот.

— Что ты себе позволяешь, сержант? — я налетел на «грозного» стража порядка, разъярённой фурией.

— Чего? — возмутился моим наездом милиционер, не выпуская ворот Сергея.

— Отпусти ребёнка! — я взглянул на него строго, и добавив ментальности своему взгляду, продолжил: — Сейчас ты отпустишь этих детей, а потом сядешь и напишешь объяснительную записку своему начальнику, о своём некорректном поведении с покупателями.

— Да... — пробормотал сержант. — Но у меня нет бумаги...

— Возьмёшь у директора магазина. Выполнять!

— Есть! — он отдал мне честь и чуть ли не строевым шагом двинулся куда-то в сторону подсобки.

Гагик не успел вмешаться, но с интересом наблюдал нашу перепалку. Вмешиваться он не стал, но улыбнулся. Тоже, как всегда молча. Ни слова не сказал. Видимо, он и до своей трагедии не был излишне разговорчивым. Хорошая черта для серьёзного мужчины.

Мне показалось, что ассортимент магазина точно такой же, как и в Москве. Ну, разве что в отделе одежды было побольше «летнего» ассортимента. Купальники и плавки, солнечные очки и лёгкие платья.

Руководил всеми покупками, конечно же я. Мальчишки послушными болванчиками следовали вслед за мной. Примеряли на себя то, что я выбирал. И уже я принимал окончательное решение: брать или нет.

Гагик возвышался над нами молчаливой незыблемой скалой, повсюду сопровождая нас и расплачиваясь за вещи.

Для парней я решил купить одежду по принципу: братья носят одинаковое. И мне это удалось. Вот так я решил: Будут они у меня и со стороны братьями выглядеть, как близнецы разных годов выпуска. Одинаковые джинсы, одинаковые лёгкие брюки, рубашки одного фасона, но разного цвета. Одинаковых не нашлось. Обидно. Но одинаковые кроссовки я им всё же купил.

Плавки доверил им самим выбирать. Каждому досталось по бейсболке. Тут уж не стал настаивать на одном цвете. Сергей выбрал зелёную, а Виктор серую. Сергею показал, как «стильно» выпустить хвост из-под ремешка бейсболки сзади. Довольный как слон младший вертелся перед зеркалом.

Накупил жевачки и всяких импортных конфет, для молодёжи. Себе купил блок «Салема». Гагик на меня посмотрел вопросительно, но я сказал, что папе.

Зато себе я выбрал шикарное красное трикотажное платье. Оно просто облегалo фигуру как вторая кожа. Сверху только одна широкая лямка на левом плече, а правое плечо открыто. Поясок из того же материала с небольшой золотой пряжкой. Разрез на правом боку открывал ногу, почти от самой верхней точки бедра... Зато при шаге платье производило неизгладимое впечатление на мужчин. Чему я тут же убедился, выйдя из примерочной, чтобы пройтись туда-сюда... глядя на себя в зеркало, я понял, что под это платье подойдёт только очень тоненькие трусики.

Интересно сейчас есть в продаже стринги? Стал расспрашивать продавщицу. Но она меня не поняла. Просто выложила передо мной разные модели. Ничего особо интересного из нижнего белья я не выбрал. Но среди купальников, мне понравилось откровенное бикини примерно такого же красного цвета как и платье. Трусы от него прекрасно подойдут как бельё под это платье. А верх я и смотреть даже не стал. Потом примёрю и пойму, что и как.

Купил себе чёрную сумочку на длинном тонком ремешке. Накупил себе разной косметики. Всего и много. Да ещё и не по одному экземпляру. Всё сложил в приобретённую

здесь же косметичку от «Lancome».

Добавил ещё и духи от Диора «Diorissimo», с лёгким цветочным запахом. Ландыш и ещё что-то там чувствуется. Нежный такой аромат. Понравился.

Купил себе пару флаконов импортного шампуня. Вот отрастут волосы, что я с ними буду делать? Мыть голову хозяйственным мылом? Или тем шампунем из стеклянного флакона? После него только перхоть может появиться, а не шелковистый блеск и пышность волос...

А потом вспомнил, что на чужую свадьбу и без подарка, ходить некрасиво. Купив ещё одну косметичку, стал её наполнять. Тушь, тени, лаки для ногтей и ещё много чего по мелочи. Добавил ещё коробочку «Miss Dior» от того же Диора. Но коробочка в косметичку уже не помещалась. Положил весь подарок для невесты в отдельный пластиковый пакет. Но подумав, что жених так останется без подарка, добавил не глядя какой-то французский одеколон и набор для бритья от «Gillette». Хватит, наверное.

Напоследок, купил себе рубаху типа гавайской, с пальмами и чайками. Для юга сойдёт.

А ещё купил себе нормальный комплект одежды «под мальчика». Всё в тёмных тонах. Свободные лёгкие брюки, короткая куртка на молнии в цвет брюк. Типа ветровки. Ну и так, всего по мелочи набрал.

Гагик не протестовал. Он просто расплачивался за выбранные нами товары. Видимо, ему было дано указание от товарища Саркисова, ни в чём мне не отказывать.

На обратном пути. Гагик нас высадил в Дедеркое у нашей машины. Мы с ним распрощались. Он уехал по своим делам. А наш путь лежал в Туапсе, где в ресторане должна состояться очередная репетиция с музыкантами.

Довольные братья, наряженные в свежеприобретённые импортные шмотки, имели довольный вид и работали челюстями, пережёвывая недоступную ранее импортную жевательную резинку.

— Сразу предупреждаю, чтобы в машине не прилепляли жевачку. Пожевал, выплюнь в окно...

— Да ты что, я её до утра жевать буду. — возмутился Сергей.

— Ну и зря! — наставительно сказал им я. — Жевать надо пока её вкус не закончится. А это по времени не больше часа. А потом это просто резина. И жевать её долго вредно.

— Правда? — изумился младший.

— Правда. У вас этой жевачки теперь полно. Не жалейте. Пожевал. Выплюнул. Не уподобляйся идиотам, которые считают, что жевачку надо жевать весь день и даже дольше. Так только малолетние дебилы делают. Вы же с братом не дебилы? Нет?

— Нет. — ответил мне младший и стал что-то пристально разглядывать за окном.

— Ты обиделся на меня что ли?

— Нет. — голос звучал так обиженно, как у маленького ребёнка.

Мы с Виктором на это дружно рассмеялись, а через минуту к нам присоединился и Сергей.

— Серёга! А ты умеешь петь? — вдруг спросил я, поймав какую-то проскочившую случайно мысль.

— Не знаю. По пению пятёрка. Только я не люблю это.

— Почему? — я был удивлён.

— Голос... эта... Как у девчонки... Не мужской.

— Так это сейчас. Тебе лет-то полных сколько?

— Одиннадцать... скоро будет... в сентябре.

— Через год-другой у тебя голос начнёт ломаться, и станет уже более низким, как у Виктора.

— Витьке четырнадцать уже.

— Послушай, Серый! Я хочу одну песенку исполнить, но у меня, видишь, вид уже не маленькой девочки... А надо, чтобы пел почти ребёнок.

— Я не ребёнок.

— А кто спорит? Но мне надо чтобы ты мне помог. Пока у тебя ещё высокий мальчишеский голос, ты можешь мне помочь исполнить одну мою новую песню.

— А что за песня? — заинтересовался младший.

— Это песня про то, что у мальчика нет ни брата, ни сестры. И ему грустно.

— А у меня есть брат! — гордо проговорил Сергей.

— Ну вот. Видишь? У тебя есть брат, который и поможет, и заступится. А у того мальчика нет. Вот про это песня.

— Ну, я не знаю... Получится ли у меня или нет.

— Не попробуешь, не узнаешь. Я тоже раньше не пела. А попробовала и всем

понравилось. И мне тоже.

— Ага. И за эти песни тебе ещё и денег кучу отвалили.

— И тебе отвалят, если сможешь хорошо спеть. Тут даже не главное хорошо спеть.

Главное душевно...

— А слова у песни какие?

— Запишешь потом? Или так запомнишь?

— Пока не знаю. Ты мне спой. А я послушаю...

— Да. Ты — прав. Лучше, если ты сразу услышишь, как должна правильно звучать эта песенка.

Я настроился. А потом, поймав в голове звучащую мелодию, начал. Я всё время старался придать голосу детские интонации, как у солистки группы «Верасы»:

Я у бабушки живу,
Я у дедушки живу,
Папа с мамой ходят в гости к нам.

Слова у песни были простые и легко запоминающиеся. Запомнив их ещё очень давно, я помнил их и сейчас.

Стало модным одного
Мальша иметь всего.
Да и то подкинут старикам...

На припеве я вообще разошёлся и уже не стесняясь пел в полный голос:

У меня сестренки нет,
У меня братишки нет,
Говорят, с детьми хлопот невпроворот.
Что же будет на земле
Через сто ближайших лет,
Если мода на детей совсем пройдет?

Песня понравилась. Мелодия простая. Даже немного навязчивая. Сергей к концу поездки уже уверенно мне подпевал. Всех куплетов он ещё не запомнил, но припев уже знал назубок.

Когда приедем, ещё потренируется. Слова запишет. До свадьбы еще целая неделя с хвостиком. Выучит. Главное, чтобы перед публикой у него не начался синдром сцены. Придётся ведь мне тогда это петь.

Музыканты нас уже даже ждали. Михаил потребовал от меня представить новые песни. Я решил начать с уже готовой и разученной с Сергеем композиции. Миша был сначала в недоумении. Какой мальчик? Какие дети? Я разъяснил ему тему. Типа, снижение рождаемости. в молодых семьях в основном один ребёнок, политика партии. Ну и так далее.

Он проникся. Решил послушать.

Я обсудил с Ларисой бэк-вокальные партии. Вот эти самые: «па-па-ппа-ра» в паузах песни.

Наиграл клавишнику тему. Тема простенькая. Он сразу ухватил мелодию. Ну а я выпустил Сергея на сцену и скомандовал:

— Как взмахну рукой, начинай с первого куплета. Второй раз махну — припев. В припеве мы с Ларисой будем тебе подпевать. Главное не спеши. Слушай музыку.

— Он что? Никогда раньше не пел? — спросил у меня музыкальный руководитель.

— Не-а. — легкомысленно ответил я.

— Думаешь, получится?

— Не попробуем, не узнаем.

Зазвучала музыка. Мы с вокалисткой проговорили своё «па-па-па-ра, па-па па-ра.» и я махнул рукой Сергею.

Получилось всё супер и с первого раза. Второй и третий куплет он исполнял по бумажке, где я крупными печатными буквами ему всё построчно написал.

Текст был настолько простой, что он и на бумажку почти не смотрел. Так поглядывал.

После песни все оглушительно молчали пару минут. А потом Михаил выдал обалдевшим голосом:

— Это гениально. Так просто и проникновенно. Шикарно. Я думаю, что всё пройдёт на ура. Но давайте прогоним ещё раз.

— Серёжа! — стал я инструктировать юного певца. — Попробуй во втором куплете сделать так. Слово «мармелад» произноси немного по-детски. Вот так. Я пропел первые строчки второго куплета:

Шоколада полон дом,
Мармалада полон дом...

Он внимательно меня слушал.

— Понял?

— Ага. Так смешнее получается.

— Только тебе нельзя улыбаться во время исполнения этой песни. Ты должен быть, как грустный одинокий мальчик. Сможешь?

— Постараюсь.

— Интересно. Можно где-то достать плюшевого мишку. Или зайца.

— У меня есть. — сообщила нам Лариска, и смутилась почему-то. — Мишка... Во-от такой. — показала она руками.

— Представь, что мальчик будет держать его за одну лапу. Картинка будет то, что надо...

— Я принесу на следующую репетицию. — сказала вокалистка и снова смутившись покраснела.

— Если тебе жалко с ним расставаться, то не надо. И так сойдёт.

Похоже, что не в этом дело. Скорее всего, мишку ей кто-то подарил. Возможно, что кто-то из здесь присутствующих. Может мишку подарил Мишка? Неплохой каламбур. Но очень похоже на правду. Наш разговор слышали все, а Михаил почему-то сразу нашёл себе какое-то занятие, отвернувшись от нас.

Неделя пролетела незаметно. Ничего выдающегося больше не происходило. Мы периодически ездили на репетиции. Сергей уже без бумажки мог исполнить песню, даже без моих подсказок. Хороший слух у мальчика.

Я репетировал новые песни. А те, что пели в прошлый раз на свадьбе у Сурена и Анжелы, репетировали Андрей и Лариса. Кроме той моей, «Не смотри ты по сторонам...»

Правда, я добавил для Андрея «Половинку», «Музыканта» и «Ночную птицу».

В общем, работа шла. Песни оттачивались. Исполнение стремилось к уровню хита. Хотя сейчас это слово не употреблялось ещё так широко как в будущем, обычно говорили шлягер в отношении наших песен. А хит — это что-то там, за бугром.

Один инцидент, правда, с нами чуть не произошёл. Пошли мы с мальчишками как-то вечером на танцы в соседний дом отдыха. Ну и там ко мне начал клеиться один модный хлыщ. Прилипчивый, как банный лист. Виктор ему сказал пару ласковых. Тот попытался полезть в драку. А так как хлыщ был не один, а в компании, то я уже приготовился сбросить туфли и валить эту толпу.

Но вдруг, откуда ни возьмись, появился Гагик, и без проблем быстро в одиночку вытолкал взащей всю ту компанию.

Ого... Кажется, что меня тут пасут и опекают, а возможно даже и следят, сделал я тогда свой вывод.

Но в основном, дни текли спокойно и размеренно. Пока не наступил долгожданный день свадьбы. Я поехал туда лишь в компании братьев Волковых. Вадим и Натан отказались. Типа: А чего мы там будем делать? Но я-то знал истинную причину.

У Вадика разворачивался бурный роман с девушкой из Ленинграда. По случайному совпадению — она была выпускница знаменитой питерской «Ветеринарки». То есть, Ленинградского ветеринарного института, старейшего учебного заведения известного ещё с царских времён. Учитывая общность интересов, у этой пары было много тем для разговоров у моря под луной.

А Натан чего-то обленился и ему были неинтересны ни шумные компании, ни романтические прогулки. Хотя я видел его в обществе какой-то дамы. Но только один раз. Ладно. Потом с ним обсудим этот вопрос. А сейчас я еду на свадьбу.

В багажник я загрузил пакет с подарками. Там уже лежали ещё пара сумок с моими вещами. Одна сумка была предназначена для внезапного перевоплощения в мальчика, если понадобится. Но там также присутствовали и мой любимый комбинезон, и джинсы, и кроссовки. На дне сумки лежал завернутый в одежду наган и запасные патроны. Стилеты я возил под сиденьем.

Во второй сумке находились уже женские вещи. Платья, бельё, купальник, полотенце. Мало ли что. Вдруг придётся где-то переодеваться. Косметика там тоже была. Теперь приходилось периодически ей пользоваться.

Какое-то тревожное чувство меня не оставляло сегодня весь день. Но я списывал это на предсвадебное волнение.

А зря, наверное...

Чуйке надо доверять...

В этот раз мы приехали не к самому началу свадьбы, а чуть позже, когда все национальные ритуалы уже были отыграны. Место за столами нам отвели на этот раз подальше от жениха и невесты. Ну, это и правильно. Во-первых, мы тут никто почти и звать никак. А во-вторых, чтобы удобнее было сбегать к музыкантам, надо быть подальше от основной массы гостей и поближе к боковому выходу. Так что место нам выделили вполне удобное для того, чтобы всё у нас получилось.

Саркис Арменович, как всегда был за кавора, и сидел на самом почётном месте. Мы с ним лишь поздоровались, а больше и не общались толком. Он старался вести себя весело, но было видно, что он озабочен другими, не связанными со свадьбой проблемами. Боюсь, что преступника они ещё так и не нашли. А я даже и не помню, чтобы в семидесятом году кто-то из серийных убийц и насильников «охотился» на Черноморском побережье Кавказа. Ей Богу, если бы знал, то тут же с ним и разобрался бы...

* * *

На этот раз жених был невысоким чернявым толстячком, что впрочем, не мешало ему быть обаятельным весельчаком. Жениха, а теперь уже новоявленного мужа звали Георгий, но все называли его просто Жора. Даже гости, когда поздравляли. Видимо это было тут так принято. Или для того, чтобы его именовали «Георгий», он ещё не «дорос».

А невеста была реально рыженькой! Причём абсолютно натуральной. Не ярко-оранжевой, а русоволосая с рыжеватым оттенком и с очаровательными конопушками. Она реально была как солнышко. Хотя зелёные глаза, славянский тип лица и имя Аревик ну никак не вязались друг с другом в моём понимании. Она скорее была похожа на ирландскую девушку, хотя я ирландок видел только в кино... Но несмотря ни на что, невеста была чудо как хороша. Но на армянку была совсем не похожа. Ну это, конечно, на мой взгляд.

Да, вот ещё и свидетель со стороны жениха был вообще блондином, тоже с красивыми голубыми глазами. Этот свидетель был настоящим красавчиком. Под два метра ростом, спортивного телосложения, голубоглазый блондин с располагающей улыбкой. Голливуд нервно курит в сторонке.

Как оказалось, он был двоюродным братом невесты по материнской линии. И все они, жених, невеста и свидетель, были чистокровные армяне. Черный, рыжая и блондин. Вот такой парадокс.

Лишь свидетельница невесты не была армянкой. Крашеная в рыжий цвет девица, примерно моего роста, но чуть пофигуристей. Побольше у неё было и в груди, и в заднице. Ничего так девушка, только в её зелёных глазах было хищное выражение, как у лисицы. Не понравилась она мне почему-то сразу. Но мне же на ней не жениться...

Застолье шло своим чередом. Музыканты уже исполнили «Обручальное кольцо» и сейчас заканчивали петь «Родительский дом».

— Нам пора! — сказал я Сергею. Он быстро запил что-то лимонадом и поспешил за мной.

— Готов? — спросил я юного певца.

— Ага! — бодро ответил тот.

— Не тушуйся! Всё как на репетиции. Только тут народа побольше. Вот и вся разница... — пытался я его успокоить.

Но как мне показалось, он совсем не волновался. А наоборот рвался в бой, как молодой бычок на корриде.

Я первым вышел на сцену, и взяв микрофон, начал:

— Здравствуйте дорогие гости! Вы уже услышали сегодня две мои песни. Вам понравилось?

— Да! Да... — из разных углов зала доносились весёлые молодые голоса.

— Вот видите, мы уже исполнили для молодых песню про обручальные кольца, и не забыли про родителей. Но ведь в скором времени молодые тоже станут родителями. Как жаль, что сейчас очень часто в семьях всего лишь один ребёнок. Это же неправильно. Детей должно быть много, чтобы им было весело. Но давайте позволим на эту тему высказаться самим детям. Поприветствуйте нашего юного певца! Поёт Серёжа Волков!

Гости, улыбаясь, похлопали мальчишке. Они ещё не знали, чего от него ждать и аплодисменты были жиденькие.

Но вот зазвучали знакомые аккорды, а мы с Ларисой встав за спиной у Сергея, затаили своё: «Па-па-па-ра, па-па па-ра...»

Вокалист нас не подвёл и вовремя начал петь. Его неокрепший голос звучал по-детски искренно и душевно.

Я у бабушки живу,
Я у дедушки живу,
Папа с мамой ходят в гости к нам.
Стало модным одного
Мальша иметь всего,
Да и то подкинут старикам.

Слова были простые, но правильные. Народ стал с интересом прислушиваться. А Сергей пел от души, не обращая на зрителей никакого внимания.

Припев ему особенно удался...

У меня сестренки нет,
У меня братишки нет,
Говорят, с детьми хлопот невпроворот.

В паузе, мы с Ларисой шепчем в свои микрофоны:

Что же будет? Что же будет? Что же будет?

А юный вокалист продолжает с надрывом, как бы отвечая нам:

Что же будет на земле,

Через сто ближайших лет,
Если мода на детей совсем пройдет?

Мы поём свою партию «Па-ра-па-ра...», а мальчик вставляя правильные детские интонации, продолжает:

Шоколада полон дом,
Мармалада полон дом,
Класть игрушки некуда давно.
Чтобы я счастливым рос,
Настоящий куплен пес,
Он, конечно, очень славный, но...

Ну а дальше припев, который мы поём с ним вместе. Зрителям нравится. Тётушки уже жалеют этого бедного мальчика из песни.

Хочет бабушка вязать,
Хочет дедушка поспать,
Я один слоняюсь по двору...

После этих слов более пожилые люди улыбаются. Картинка им знакомая. Бабушка вяжет. А дедушка дремлет. Как всегда...

Жалко, что без пап и мам
Человек не может сам
Брата завести или сестру.

Последний припев поём мы с Ларисой. Она начинает:

У него сестренки нет.
Я продолжая тему пою:
У него братишки нет.

Вдвоём с Ларисой вместе продолжаем:

Говорят с детьми хлопот невпроворот.

А после этого вместе с юным вокалистом:

Что же будет на земле
Через сто ближайших лет,

Если мода на детей совсем пройдет?

И снова вдвоём:

Что же будет, что же будет, что же будет...

А завершает песню, Сергей грустным тихим голосом:

Что же будет на земле
Через сто ближайших лет,
Если мода на детей совсем пройдет?

Под наше грустное: па-па па-ра... песня заканчивается.

Молодому исполнителю, ну и нам конечно, рукоплещут все гости. Песня удалась. И в тему свадьбы нормально, да и певец не подкачал. Очень уж у него искренне получилось.

Сергей долго не отпускали, но я решительно взял микрофон и начал говорить, не обращая внимания на шум в зале. Постепенно гости утихли, а я стал рассказывать им «историю» написания следующей песни:

— Когда я узнала, что невесту зовут Аревик, то сразу вспомнила, что по-армянски это означает — Солнышко. И я решила сразу написать про это песню. Но у меня получилось сразу две песни. Одна из них романтическая и душевная, а другая весёлая и танцевальная. С какой же мне лучше начать?

Гости стали выдавать свои варианты. Но у нас уже было всё обговорено с музыкантами.

— Я так поняла, что вы хотите, чтобы молодые станцевали для нас под мою песню красивый медленный танец.

Пока молодые выходят из-за стола, начинают играть первые аккорды известной в моём будущем песни Макса Фадеева в исполнении певицы Наргиз «Ты моя нежность...» После моей переделки, она будет уже называться «Я — твоё солнце...»

Я заменил больше половины слов. Но музыку ничем не смог заменить. И музыка, и аранжировка этой песни — просто шедевральны. Душевная песня.

Ну а я начинаю петь. Конечно, мой голос не так хорош, как у той знаменитой певицы. Но я старался, как мог...

Я стояла на краю Земли.
В твоём небе я хочу лететь.
Пусть уходят наши корабли.
Нам с тобою надо лишь суметь.
Эту песню нам вдвоём допеть.

Слегка повышаю, но всё ещё пою в лирической тональности:

Я твоё солнце.
Ты моё небо.
Я с тобой буду, где бы ты не был.
Ты моё сердце,
Ты моё чудо.
Обниму нежно. И с тобой буду.

Второй куплет почти полностью мною переделан:

Выбор можно сделать только раз.
Мы с тобою выбор свой нашли
И танцуем мы с тобой сейчас.
Никого нет больше кроме нас.
На просторах всей большой земли...

Немного банально и нескладно получилось. Но что поделать. Вот такой я поэт... Зато в припеве я поднимаюсь всё выше и выше:

Я твоё солнце.
Ты моё небо.
Я с тобой буду, где бы ты не был.
Ты моё сердце,
Ты моё чудо.
Обниму нежно. И с тобой буду.

Небольшой проигрыш. А после этого ещё очень тихо и душевно:

Я твоё солнце.
Ты моё небо.
Я с тобой буду, где бы ты не был.

И вдруг после одного лишь гитарного аккорда с надрывом, почти разрывая связки:

Я твоё солнце.
Ты моё небо.
Я с тобой буду,
Где бы ты не был.
Ты моё сердце,
Ты моё чудо.
Обниму нежно.
И с тобой буду...

Последнюю строчку проговариваю почти по слогам, завершая песню. Тишина в зале просто оглушительная. И вдруг тишина взорвалась такими аплодисментами, что я даже оторопел.

Нет. Я конечно ожидал нечто подобное, но такого... просто представить себе не мог.

У невесты, кажется, тушь потекла. Она что, плакала? Значит надо отвлечь гостей.

— А сейчас прозвучит другая моя песенка. Всех, кто моложе ста лет, я приглашаю танцевать.

В зале смеются, а мы с музыкантами начинаем. Звучит очень ритмичная музыка. А я поймав нужный момент пою:

Я отрываюсь от земли,
Я от тебя на полпути
И мне так важно, что ты думаешь об этом.

Тут Лариса вставляет своё: А-а...

Огонь подружится с дождём,
Мы будем жить с тобой вдвоём
Не вспоминая о проблемах и запретах.

И весёлый зажигательный припев:

Солнышко в руках
И венок из звёзд в небесах
Пусть с других планет все видят нас
Мне так хорошо с тобой мечтать об этом

Где-то над землёй
Мы парим с тобой в облаках.
Как лавиной снежной в горах
Нас накроет счастьем и тёплым ветром...
Тёплым ветром... Тёплым ветром...

В паузе, под ритмический проигрыш, Лариса мы делаем своё: А-аа, а-а-а...

Мне было трудно сделать шаг
И побороть свой детский страх,
Но мы, как два крыла,
Всегда должны быть рядом.
Я оттолкнусь от скучных слов,
Освобожусь от грустных снов.
Хочу, чтоб счастье стало
Нам с тобой наградой.

Солнышко в руках
И венок из звёзд в небесах.
Пусть с других планет все видят нас.
Мне так хорошо с тобой мечтать об этом.

Где-то над землёй
Мы парим с тобой в облаках.
Как лавиной снежной в горах
Нас накроет счастьем и тёплым ветром...

Проигрыш звучит продолжением ритма. Лариса подпевает своё: А-аа... А я продолжаю припев. Его можно петь снова и снова...

Солнышко в руках
И венок из звёзд в небесах.
Пусть с других планет все видят нас.
Мне так хорошо с тобой мечтать об этом...

Где-то над землёй
Мы парим с тобой в облаках.
Как лавиной снежной в горах
Нас накроет счастьем и тёплым ветром...

Всё заканчивается... Затихает музыка. Лишь отголоском песни звучат последние слова:

Тёплым ветром...
Тёплым ветром...

Восторг зрителей и аплодисменты...

Я уступаю место у микрофона Андрею, чтобы он после тоста тамады исполнил уже знаменитое на Черноморском побережье: «Потому что нельзя быть красивой такой...»

Ну а я возвращаюсь на своё место.

Слегка пригубил вина, поклевал что-то из мясного. Есть уже не хотелось. Всего было так много...

Закончилась одна песня, а потом Андрей с Ларисой запели «Эхо». А я заметил, что ко мне приближается тот самый красавчик Артур, и приглашает на медленный танец. Отказываться вроде бы неприлично, а парень, кажется наоборот, вполне приличным. Жаль нельзя спросить мнение Инги. Она развлекается где-то далеко на другой планете.

Танцуем. Он пытается задавать вопросы, я пытаюсь отвечать. Чтобы говорить с ним, надо задирать голову выше. Высокий красавчик. Я вспомнил сразу песню из репертуара Насти «Танец на цыпочках». Там как раз про это: «Чтоб заглянуть в твои глаза, я танцую танец на цыпочках, который танцуют все девочки моего роста.» Как-то так примерно. Точно

уже и не помню. Болтаем ни о чём. Меня хвалят за песни, я отвечаю: Спасибо! Не за что...

Замечаю краем глаза, взгляд в мою сторону. Злой такой взгляд, нехороший. Свидетельница. Ревнует, что ли? Да забери его себе! Он мне на фиг не нужен.

Танец закончен. Меня проводили на место и передали с рук на руки Виктору, который элегантно отодвинул мой стул, чтобы мне было удобно на него садиться.

Вечер продолжается. Но меня это уже не касается. Свои песни я уже спел. «Не смотри по сторонам», решил не петь. И так много нового материала.

Уже довольно поздно. Я попросил Гагика отвезти ребят в санаторий. Виктор попытался сопротивляться. Не хотел оставлять меня. Но я кивнул в сторону Сергея, который уже почти клевал носом.

Оставшись один, я ещё раз танцевал со свидетелем. А потом после исполнения музыкантами, аж два раза подряд, зажигательных «Чёрных глаз», заметил, что многие гости уже собираются и прощаются. Пора и мне, наверное.

Но мне это не удалось. И виною тому оказалась свидетельница. Она умудрилась меня заболтать и перетащить поближе к молодым. Невеста меня очень благодарила за песни. Спрашивала, как слова переписать. Я сказал, что у музыкантов есть и слова, и ноты всех моих песен. Уже распечатанные на машинке, а не написанные от руки. Пообещал принести.

Дойдя до Михаила. Я получил помимо текстов ещё и свои честно заслуженные три тысячи за новые песни. Договорились встретиться на неделе, и съездить по поводу авторских прав. Ехать аж в Краснодар надо. Попытался отмазаться, но Миша сказал, что без меня никак. Ладно, съезжу.

Отнёс тексты невесте. Очень благодарила. Они уже тоже начали собираться. Артур куда-то исчез, а Ира, это которая свидетельница, попросила меня подвезти её до дома. Такая настойчива была. Сказала, что ехать недалеко.

Минут через десять-пятнадцать я уже сидел за рулём, и мы ехали по ночному серпантину, удаляясь от Туапсе в сторону Сочи. Какая-то мысль не давала покоя...

Интересно... А откуда Ира узнала: Что я на машине, и что сам поеду за рулём?

А... Тут все про всех всё знают...

Ирина Кравченко росла избалованным ребёнком. Её отец был в Сочи очень большим человеком и работал много. Дома его почти не бывало. От жены и дочери он откупался деньгами.

Жена подозревала, что у мужа есть другая женщина, а может даже и не одна. Но он умел тщательно скрывать свои левые подвиги, а разводиться у больших партийных начальников, было не принято.

Отсутствие мужа заменяли деньги. Их хватало на всё. Ира с детства не знала ни в чём отказа. Лишь вниманием отца была обделена. Да и матери до неё особо дел не было. У неё были свои интересы. От девочки требовалось лишь одно — хорошо учиться.

Поначалу она очень старалась, а потом просто привыкла. Но недостаток отцовского внимания не прошёл даром. Испытывать тягу к мужчинам она стала довольно рано. Причём это были мужчины постарше. Не слюнявые одноклассники и не парни на год-два старше, а мужчины намного старше. Ей нравилось их внимание и обходительность. Они были щедры.

Конечно же, это не были простые работяги. Коллеги отца из горисполкома, горкома и прочих организаций, объединённых одним общим словом — власть.

Несмотря на достаток в семье, наличных денег у Ирины особо не водилось. Так... на карманные расходы. Хотя у одноклассников и таких денег не было, но малолетней королеве класса этого было мало. А она именно и была признанной королевой класса.

Симпатичная, всегда дорого одетая, холёная... Она заметно выделялась среди серых мышек, и считала, что равных ей нет в этом городе.

От этих мужчин она получала подарки... И деньги. А потом ещё и другие деньги, чтобы она никому ничего не рассказывала об их гусарских похождениях с малолетней обольстительницей. Денег теперь было много. Ирина была довольна жизнью. По окончании школы она уже знала, что ей гарантировано поступление в престижный московский ВУЗ.

Но потом она... влюбилась.

Влюбилась, как кошка, когда впервые увидела Артура. Высокий. Под два метра ростом. Натуральный блондин с яркими голубыми глазами. Спортсмен, да ещё и сын вполне приличных родителей. Он был двоюродным братом Аревик. Чтобы добиться расположения парня, Ирина сблизилась с наивной девушкой, став ей «лучшей» подругой, и даже свидетельницей на её свадьбе.

И вот теперь, из-за этой выскочки, взявшейся неизвестно откуда, все её планы на сближение летели псу под хвост. Артур сразу заинтересовался стройной симпатичной певицей, приезжей из Москвы.

Отрицать было нельзя, песни у этой гадины, действительно были хороши. «Ну и пусть поёт, лишь бы не зарилась на моего Артурчика. Вон как глазками стреляла, сука.»

После окончания свадебной гулянки, Ира попросила «певицу» подбросить ей до дома. Та согласилась... «Дура!»

А жизнь и била, и ломала... Но подведя всему итог,
Я понял, что достиг немало, хоть половину и не смог.
И чем сильнее прижимало, тем больше был потенциал.
Я начал столько раз с начала, что повторять уже устал.

Ну, хватит уж! С меня довольно! Пора уже не падать вниз.
Но снова, каверзно и больно, настиг меня судьбы каприз.
Хотя и опыта немало, но всё нельзя предусмотреть.
И каждый раз опять с начала, чтоб выжить, надо умереть...

* * *

Всю дорогу пассажирка щебетала ни о чём. Какие-то местные сплетни... Мне это было совсем неинтересно, так как я даже не знал всех этих людей, про которых бухтела это рыжая курица... Мне даже показалось, что она была не так умна, как хотела казаться... Есть такой тип людей. Любит произносить заумные слова и делать вид, что знает их значение...

Я с таким однажды столкнулся в прошлой жизни... Но ему было положено умничать. Так как был он реальным таким адвокатом по гражданским делам. Иногда загнёт фразу, напичканную всякими терминами... Да ещё и длиной с километр. К концу фразы уже было мало понятно, с чего всё начиналось. Видимо это был такой способ закомпостировать мозги в суде всем присутствующим. Как бы то ни было, но слушать его долго было невозможно, ибо мозг плавился от перегрузки ненужными заумностями псевдонаучного содержания.

Вот и эта балаболка, ну никак не останавливалась... Я уже пропускаю всё мимо уха. Эдакий фон, вместо магнитолы...

— Тормозни здесь, у кустиков! Слишком много я вышила...

Я даже обрадовался возникшей паузы в её речах и послушно съехал на посыпанную щебёнкой обочину, прямо у кустов. Причём кусты как раз нас и закрывали от дорожного полотна. С дороги нас точно не видно. Удобное место, чтобы пописать...

— Давай только быстрее, а то мне ещё назад ехать... — начал было я, когда острая боль пронзила шею с правой стороны.

Машинально, на уровне рефлексов, произвожу удар в сторону пассажирки. Ирина издала непонятный звук, что-то типа «хрюк», и опрокинулась лицом на торпеду.

Причину острой боли я понял сразу. У меня из шеи торчал нож. Я его выдернул, зажав рану ладонью. Нож был небольшой такой, кухонный. А мне дышать становилось всё труднее. Из горла раздавался лишь хрип да бульканье. Кровь просто лилась. У меня оставались секунды... Доли секунды...

Даю себе установку на лечение. Первым делом остановить кровь. В висках шумит, в глазах звёздочки мелькают...

Моя пассажирка не подаёт признаков жизни... Это хорошо... Потому что мне сейчас так плохо, что добить меня сейчас ей не составило бы никакого труда.

Снова и снова посылаю импульсы на лечение... Уже немного лучше...

Кровь больше не идёт... Зато в теле накапливается слабость... Темнеет в глазах. Голова просто кружится, как глобус... А внутри головы «вертолёт»... Во рту сушняк... Дотягиваюсь рукой до бутылки с лимонадом, которая лежит на полу позади моего сидения. Возьму её там на всякий случай.

Чем бы открыть?... Да вот этим самым ножом, что я бросил себе под ноги...

Пью... Глотаю тёплый... сладкий... липкий... лимонад. Жидкость приносит хоть какое-то, но облегчение. Пытаюсь прочистить горло... Отхаркиваю какой-то кровавый сгусток прямо на пол...

Снова даю себе установку на лечение... Лечить себя гораздо легче, чем других. Сразу знаешь, где больно. Туда и направляется основной поток энергии... Но лечить себя немного труднее, так как этой энергии этой сейчас мало... Очень мало... И чем дальше, тем меньше...

Снова отдыхаю. Снова сплёвываю большой сгусток крови прямо на пол себе под ноги. Отхаркиваюсь. Снова сплёвываю...

Видимо горло было сильно повреждено ножом. Но сейчас, даже на ощупь, на шее уже нет раны. Может и следа уже не осталось. Только всё в крови перепачкано. Шея, лицо, руки, платье...

Бли-ин... Я на армянскую свадьбу больше никогда не пойду. Меня после каждой армянской свадьбы кто-то пытается убить. И с каждой следующей попыткой шансов у убийц всё больше и больше. То палками хотели побить, то стреляли... А теперь вот ножом...

Хватит! Нагулялся... Хрен им, а не новые старые песни... Меня колотит всего и разбирает какой-то истерический смех...

Дышу. Стараясь дышать глубоко... Но дышать немного затруднительно... Всё время приходится сплёвывать кусочки крови... Пробирает кашель... Откашливаюсь... Снова дышу... Дышу...

* * *

Продышавшись, пытаюсь извлекать звуки из повреждённого горла. Ничего умнее не придумал, как спросить у своей пассажирки:

— Эй, подруга! Ты как там? Жива?

Ответом мне гробовая тишина... Сдохла что ли?

А говорить пока что не особо хочется... Слова произносятся чисто, но при этом было немного больно. Хотя нет, скорее не больно, а неприятно... Так бывает, когда чем-то поперхнёшься, откашляешься, а потом ещё долго першит в горле.

Выхожу из машины. Меня немного «штормит»... Мотаю головой, слегка разминая шею. Уже не больно. Лечение помогло. Но слабость во всём теле такая, что вот хоть прямо сейчас ложись на землю и засыпай... Но спать нельзя. У меня ещё много важных дел...

Подхожу к пассажирской двери, открываю. Беру за шиворот свою несостоявшуюся убийцу и вытаскиваю из машины.

Да... Нос я ей сломал. Красовой её больше не бывать без пластической операции...

Жива? Да вроде дышит, сучка крашенная. Только дышать у неё получается лишь через рот. Похрюкивает слегка, наша «морская свинка»... Не... приморская...

Ну и что мне с ней сейчас делать? Сдавать местным ментам?

И что я им скажу? Что мне тут кухонным ножом, чуть горло не перерезали?

А где рана? Нету?

Тогда зачем ты приезжая Маша сломала нос хорошей местной девочке Ире? Все видели, как вы вместе уезжали...

Ну и что же мне делать?

А хрен его знает... Нет ответа... Нет мыслей... Только сплошная слабость во всём организме...

Но, сначала я эту тварь как следует допрошу.

Мне же тоже надо понять, чего она хотела. И какого хрена стала в меня железякой тыкать...

Шлёпаю эту тварюгу по щекам.

— Эй! Очнись! Подъём, сучка!

Глазёнками хлопает, на меня смотрит. Молчит. Сопит... Не дёргается. Дышит тяжело...
А кому сейчас легко?

— Ты какого хера на меня с ножом напала, тварь?

— Сука-а! — хрипит тварь...

Ясно. Сотрудничать не хотим.

— В глаза смотреть! Подчиняйся! — посылаю импульс.

Знакомый зелёный отблеск в её глазах, сигнализирует о том, что импульс дошёл куда надо.

Продолжаем разговор...

— Будешь отвечать на мои вопросы?

— Буду... — голос вялый.

— Почему ты меня хотела убить?

— Артур...

— Что Артур?

— Я его люблю... А ты...

— А мне он на хрен не нужен, сука...

— Ты врёшь... Он на тебя смотрел, а ты на него...

— Дура! Е*анутая на всю голову, дура!

Других слов у меня просто нет. Одни эмоции и междометия... Приревновала меня из-за какого-то красавчика, которого я видела в первый и, надеюсь, в последний раз в своей жизни. Боже мой... Какая же ты дура... Глупая, эгоистичная, ревнивая курица...

На что она надеялась, пытаясь меня убить?

Неужели, думала, что папаша сможет отмазать её от тюрьмы даже по такой тяжкой статье, как убийство? Даже если бы и отмазал, но всё равно ведь в тайне такое не сохранить. А тем более там, где все про всё и про всех знают.

Станет ли Артур с ней общаться после того, как узнает об этих шекспировских страстях? Это ещё большой вопрос.

Я бы лично не стал заводить роман с девушкой, зная, что она убила свою соперницу. С такой горячей штучкой, нормальных отношений никогда не получится. Будешь спать и опасаться... А вдруг приревнует и убьёт ночью за то, что улыбнулся продавщице, покупая сигареты в киоске...

Блин, блондинчик... На хрен я согласился с тобой танцевать? Надо было отмазаться,

типа новые туфли ногу натёрли и всё такое... Но кто же знал-то...

Да и музыканты тоже хороши. Песню подобрали, как нарочно... Мою же песню: Мы — эхо, мы — нежность...

А танцевал он всё-таки неплохо. Я так не умею...

* * *

Так что же мне теперь с этой дурой делать? Оставлять всё как есть, ну никак нельзя.

Если я доведу её до дома, то потом мне предъявят за её избиение. Такой вариант меня не устраивает. А лечить её нет никакого желания... Да и сил на это никаких нет...

Если я вернусь одна, а она пропадёт по дороге, то меня будут искать и колоть по этому делу. В машине полно и моей, и её крови. Всё это не отмыть. Так что это тоже не вариант.

Придётся видимо Маше Левиной исчезнуть... И как это сделать?

Я осмотрел свою несостоявшуюся убийцу. Ростом примерно с меня. Телосложение чуть более плотное. В груди побольше, задница пошире... Волосы рыжие, крашенные, но подлиннее моих.

— Раздевайся!

Жертва не спеша поднимается и начинает раздеваться. Заставляю снять с себя всё, кроме белья. Хотя...

— Совсем раздевайся! И садись на землю!

Беру её же ножик и начинаю обрезать её волосы покороче. Дёргается. Больно, что ли?

— Сиди спокойно! Не дёргайся! Тебе не больно!

Наконец от её шевелюры остаётся подобие моей стрижки. Ну, почти что похоже... Сойдёт и так. Я же не мастер по женским причёскам.

Снял с неё все её золотые украшения. А на ней было немало золота. Всё как обычно. Чем меньше на новогодней ёлке веток и иголок, тем больше ярких шариков и всякой мишуры...

В ушах серёжки с красными камнями. На шее цепь с подвеской под стиль серёжек. Тоже с красными камнями. Перстенёк на пальце, что удивительно, с белым камушком. Бриллиант что ли?... А... Плевать...

Серьги, перстень и подвеску раскидал подальше по разным кустам. Цепочку одел на себя. Довольно крупная, но она не имеет никаких индивидуальных примет. Свою цепочку, с кулоном в виде кошки, и золотые часы нацепил на жертву.

А тем временем, я тоже снял с себя всё. Да чего там снимать-то было: Трусы да платье.

— Надевай это!

Она послушно одевается в мою одежду. Даже туфли мои ей подошли. Сам же я быстренько переодеваюсь в свою запасную одежду. В багажнике у меня есть аж две сумки со сменной одеждой.

Сейчас я одеваюсь под мальчика. Кеды, штаны с рубашкой, куртка, кепка.

На дне одной из сумок лежал, завёрнутый в полотенце, мой наган с запасными патронами и свидетельство о рождении на имя Инги Котти, а также все документы Александры Котовой.

Там же нахожу ещё пару бутылок с лимонадом. Одну тут же ополовиниваю. Жажда не по-детски мучает. Сумки забираю из багажника с собой, и укладываю их на заднее сиденье.

Одеждой и нижним бельём своей ментальной пленницы, я тщательно протёр от крови водительское сиденье, руль и приборную панель, а после взял, да и разбросал всю чужую одежду по полянке, предварительно грубо порвав. Версия про убийцу девушек сработает на раз.

— Садись в машину! — команду будущей «жертве маньяка».

Та покорно занимает пассажирское место. Через несколько километров, забравшись по серпантину повыше, нахожу ничем не защищённый обрыв. Ставлю машину носом вплотную к пропасти. Мотор не глушу. Выхожу...

— Садись за руль! — это я пассажирке.

Слушается. Садится...

— Руки положи на руль и крепко сожми!

Выполняет.

— Посмотри на меня!

Поворачивается ко мне своим окровавленным лицом.

Снова бью кулаком в уже повреждённый нос. Отключается на раз. Голова откинулась назад. Но на всякий случай, ещё и сворачиваю ей шею.

Вынув из машины обе сумки с вещами, оставляю лишь маленькую женскую, с документами. Все деньги оттуда и свой стилет, конечно же забрал. Денег было ещё пока прилично. Моих было тысячи четыре с мелочью, а ещё три тысячи я получил от Михаила за свои новые песни. Хватит мне на первое время. А потом придумаем ещё что-нибудь...

Документы на машину, права и свой новый паспорт я оставил в сумочке, засунув её под сиденье. Хотя расставаться с такими полезными, а самое главное с настоящими документами было очень обидно... Ещё даже и попользоваться ими толком не получилось...

Тщательно поливаю тело жертвы, бензином из канистры. Волосы, платье, немного в салон. Полуоткрытую канистру с остатками топлива кидаю в багажник. Булькает понемногу, выливаясь. Приоткрываю горловину бензобака. Сую туда тряпку, свернутую жгутом и смоченную в бензине. Получился довольно длинный фитиль.

Прикладываюсь плечом к задней части машины, а сам чиркаю спичкой. Успеваю толкнуть машину вниз, заодно запалив фитиль... Падает машинка не так долго, но достаточно глубоко. Ярко-красный след горящего фитиля летит сквозь темноту вниз, а потом уже там, в пропасти разгорается большим огненным цветком.

Надеюсь, что тело хорошо прожарится, и патологоанатому мало чего достанется. Если сумочка под сиденьем обгорит только снаружи, то может быть, внутри сохранятся остатки моих бывших документов. А если даже и сгорят, то по номерам быстро найдут хозяина машины. При этом все знают, что на этой машине за рулём развезжала везде Маша Левина.

Если мне всё удастся, то Машу Левину больше никто искать не будет.

Ну а труп этой рыжей дуры, пусть ищут до посинения по всем горам Черноморского побережья...

* * *

Полыхало внизу знатно. Но я, не дожидаясь, когда яркое пламя в ночи привлечёт чьё-то внимание, уже быстрым шагом удалялся в направлении города Сочи. Надо бы обязательно найти какой-нибудь ручей, или спуститься к морю, чтобы тщательно отмыть лицо и руки от

крови. Кровь на лице уже засохла, из-за этого кожу немного стягивало, доставляя неприятные ощущения.

Спустившись в первое же попавшееся ущелье, я стал умываться холодной водой из горной реки. Чуть все ноги себе не поломал, спускаясь в темноте по камням, но слава богу справился. Сняв с себя верхнюю часть одежды, умывался по пояс... Песком с мелкими камушками оттирал руки, пытаясь вычистить частички крови из-под ногтей. Тер лицо, шею, за ушами... Волосы пытался мыть, но без мыла не особо получалось...

А про себя я подумал, что Машу Левину искать, возможно, и не будут, но мои отпечатки наверняка попадут в базу.

Я взглянул на свои ладони. Отпечатки пальцев! *ля...

На машине их найдётся бесчисленное множество. Причём везде... А ведь, в поисках отпечатков преступника, будут снимать и отпечатки с машины, а потом сравнивать их с отпечатками в номере. А в номере, где мы жили с Натаном моих отпечатков полным полно.

Если тело сильно сгорит, то отпечатков у тела может и не остаться совсем. Но мои-то пальчики со мной останутся. И если в будущем они где-то всплывут, то мало мне не покажется...

Я снова внимательно посмотрел на свои ладони, приблизив их к глазам максимально близко. Мне плохо было видно. Лунного света явно не достаточно для разглядывания папиллярных узоров на пальцах.

Закрываю глаза, настраиваюсь. Как наяву представляю себе произвольные узоры, виденные мною раньше. Я много таких видел на своей старой работе. Начал мысленно менять на своих пальцах и ладонях линии. Просто скручивая и выпрямляя линии в абсолютно хаотичном порядке...

Чувствуя жжение в ладонях, открываю глаза. На ладонях светится и клубится зеленоватый туман. Вот он медленно тускнеет и пропадает. Проверить изменения я не могу, так как раньше не заморачивался изучением своих отпечатков. Просто старался их нигде не оставлять. Но буду надеяться, что и сегодняшнее «колдовство» окажется таким же удачным, как и все предыдущие.

Немного напрягся, и послал своему организму новый приказ на изменение цвета волос. Когда я, одевшись, удалялся от реки, мои волосы уже были тёмно-каштанового цвета.

А я шагал и думал, что сильно погорячился, отмываясь холодной водой и песком из реки, но почему-то не воспользовался ни мылом, ни шампунем. А ведь это всё есть в моей сумке. Причём импортное, купленное в «Берёзке»...

Блин... Старею уже, а память всё такая же... Девичья...

* * *

Через несколько километров пешего пути, где-то уже на другой стороне горы, откуда не было видно далёкого отсвета от догорающей машины, я смог поймать попутный транспорт. Это был старый грузовичок. Странно, что он остановился на мой взмах руки, ночью на абсолютно пустой трассе. Но водитель не раздумывая согласился за пятёрку меня подвезти до Сочи. Весёлый дядька, но кажется слегка поддатый. Или это у него со вчерашнего дня такой выхлоп изо рта остался?

Машинка старая, бензином пахнет. Или это от меня так разит?

Хорошо, что я с лица смыл не только кровь, но и косметику. Одежда на мне мешковатая. Я снова «закошил» под мальчишку. Хотя с моими новыми «достоинствами» это сработает разве что вот так, в полуночной полумгле... С этим вот весёлым водителем проканал. Но дальше надо что-то снова выдумывать.

Доехали до Сочи мы довольно таки быстро, и я вышел, пожелав удачи весёлому водиле.

В небе уже светало, а я поплёлся в сторону вокзала. Куда идти? Куда ехать? Я этого ещё не знал.

В городе Сочи — тёмные ночи... Это верно... Но сейчас уже светало. А город Сочи только ещё просыпался.

От меня пахло бензином со страшной силой. Сейчас вот, выйдя из машины, я это почувствовал.

Я не был до конца уверен в том, что тщательно отмыл кровь с лица. Мне нужно было куда-то себя деть дней на несколько, и обстоятельно привести себя в порядок.

Куда можно рвануть из Сочи? Да куда угодно. Летом в Советском Союзе это вообще столица... Всё здесь... Конечно, кроме тех, кто в Прибалтике или в Крыму предпочитает отдыхать. Так куда же мне рвануть?

Поедешь на север, поедешь на юг.
Везде тебя встретит товарищ и друг...

Слова из этой песни меня, конечно «вдохновляют»... Но пока что у меня нет ни друзей. Ни товарищей. Были, но я их безжалостно бросил на берегу негостеприимного Чёрного моря... Бросил, чтобы не подвергать возможной опасности из-за моих необдуманных поступков. Мне их будет не хватать. Я уже привык к Натану и Вадиму. Да и на братьев Волковых у меня были большие далеко идущие планы... Жаль...

Ладно. Пройдёт время. Я что-нибудь обязательно придумаю. А пока... А пока надо подумать, куда отсюда уехать...

* * *

Из Сочи можно уехать на север в сторону Краснодара, Ростова, Воронежа, Москвы...

А можно поехать в Адлер, в Сухуми или Батуми. Да куда угодно. Но надо ли мне ехать туда прямо сейчас? Скоро конец июня. В середине июля в Батуми будет уже первый зафиксированный случай заражения холерой. А потом всё побережье, включая Крым, повиснет на карантине. Так что выбираться надо до этого.

Но пара недель у меня ещё в запасе есть. Пожалуй, я продолжу свой отдых, только теперь уже одна. В Грузию с Абхазией, наверное, не поеду. Устал я уже от повышенного внимания ко мне кавказцев всех национальностей.

Хотя, всё как в поговорке: Зарекалась ворона дерьмо не клевать...

На вокзале народу было пока ещё маловато. Ну так это и понятно... Скорые поезда ещё не скоро придут, а значит и отправления ждать тоже долго. Народ лишь слегка кучковался у расписания пригородных поездов. Я тоже присоединился к ним, чтобы не привлекать излишнего внимания. Через тридцать пять минут будет электропоезд в сторону Адлера. Купив билет, я решил слегка переодеться. Сняв кепку, растрепал волосы. Кепку убрал в сумку. Скинул куртку, оставшись в рубашке. Вот уже и стиль «унисекс» получается. Но местные до этого ещё пока не доросли.

Уверенно направляюсь в сторону туалетов и захожу в женский. Там, в кабинке мне удалось кое-как сменить вещи на ещё более женские. У зеркала над раковиной чуть подвёл

глаза. Расчесал волосы. Заодно рассмотрел себя со стороны. Вроде следов крови на лице не видно.

На перроне уже стояли люди, в ожидании прибытия пригородного поезда. А вот и сам поезд подъезжает. Захожу в вагон и сразу же занимаю своё любимое угловое место.

Ехали до нужной мне станции совсем недолго, но усталость уже брала своё. Я чуть было не уснул сидя... Так бы и заснул, но не успел... Уже объявили Адлер. И вот я выхожу...

* * *

Что такое «Не везёт» — я знаю, и даже знаю как с ним бороться. Но мне, на удивление сразу повезло нарваться на женщину с самодельной табличкой на картонке с надписью: «сдаю комнату». Женщина была русской. Хотя может и украинкой. По крайней мере, не армянка это уж точно. С армянами я уже почти месяц общался. И даже как-то привык уже... Но пора и отвыкать теперь...

Спросил у женщины, что за комната. Она сначала, отказалась вообще считать меня потенциальным квартиросъёмщиком. Сказала, что искала себе в жильцы семью из двух или из трёх человек, а не одного жильца... Я спросил: А в чём разница?

Других желающих снять у неё жильё не наблюдалось, поэтому она охотно разговорилась со мной. С каждого жильца она планировала получать по рублю. Если жильцов двое, то за неделю ей будет почти пятнадцать рублей прибыли. А если семья с ребёнком то и больше. А один жилец, и к тому же девушка — это проблемы. Подселять можно только девушек или женщин... А вдруг не захотят подселяться... Возникает проблема, причём проблема финансовая...

Я с ходу предложил ей платить за троих, при условии, что она никого не будет подселять. Но она мне сказала, что у неё уже живет семья из двух человек, но они планируют уезжать уже на днях.

— Сколько же у вас комнат?

— Две. Обе изолированные.

— А вы где тогда живёте, если хотите обе комнаты сдать?

— А у нас балкон на кухне. Там у меня раскладушка.

Вот такие вот условия.

Получается, что она если всё сдаст, то получит примерно пять рублей в день. Умножить на тридцать — сто пятьдесят рублей в месяц. Целая зарплата хорошего инженера. Нормально так. Но это только в сезон. А зимой живут на то, что заработали летом...

Я спросил ещё про дом, в котором у неё квартира. Оказалось, что это обычная пятиэтажка. Квартира на пятом этаже, здесь недалеко от вокзала на улице Голубые Дали.

Сказал, что подумаю. Записал её адрес. Пообещал, что если не найду ничего более приличного, то обязательно вернусь только к ней.

Хотя, если честно, жить в Адлере на пятом этаже в панельной пятиэтажке, у меня не было ну абсолютно никакого желания.

Попрощавшись с потенциальной хозяйкой моего будущего временного жилья, я решил отправиться в город. Закинув свои сумки в ячейку автоматической камеры хранения, налегке пошёл гулять по Адлеру.

Город меня не впечатлил от слова совсем. Жарко и душно. Пошёл в сторону моря. Идти

пришлось довольно долго. Пришлось обходить вокзал по кругу. Везде железнодорожные пути и запах мазута с чем-то ещё.

Купил в первом же попавшемся магазинчике бутылку лимонада. Лимонад был тёплым и противным на вкус. С отвращением выпил, пополняя потерю жидкости после приключений нынешней ночи.

Усталость наваливалась на меня тяжким грузом. Развернулся и снова пришёл на вокзал. Посмотрел расписание электричек и узнал, что примерно через минут сорок я смогу выехать в сторону Абхазии. Почему-то решил, что возьму и поеду в Гагры, но взял билет до Сухуми. Это если Гагры просплю, чтобы потом с контролёрами не ругаться.

Забрал свои вещи из камеры хранения. Недолго же они там хранились. Дождавшись поезда, забрался в ближайший вагон. Снова занимаю своё любимое место.

Недалеко от меня располагается шумная компания из двух женщин, одетых во всё тёмное. Да ещё платки на них тоже чёрные. Но с ними примерно человек пять или шесть детей. Точно посчитать не удаётся, так как чернявые дети перемещаются так быстро, что рябит в глазах. А шуму от них как от десятерых. Думаю, что теперь я точно не засну. Но на всякий случай обращаюсь к женщинам, предварительно вежливо поздоровавшись:

— Здравствуйте! Простите меня, а вы до какой станции едете?

Смотрят на меня немного недоуменно. Но одна из них коротко отвечает:

— Гагра.

— Извините меня, я с дороги и очень устала. Боюсь, что усну. Вы меня в Гаграх не разбудите.

Кивают мне в ответ.

— Спасибо, Вам большое!

Возвращаюсь на своё место, и не смотря на шум в вагоне, подложив под себя обе сумки мгновенно засыпаю.

* * *

А Инга уже орёт мне прямо в ухо.

Нет гораздо хуже. Она кричит мне изнутри уха...

Она орёт в моей голове. Внутри моей бедной и несчастной головы...

Колокольным звоном в моих уставших мозгах раздаётся:

— Са-аш! Саша!

— Отстань! Я сплю. Я очень устал.

— Ты не устал. Ты потерял много крови. А ещё потом много энергии и жизненных сил. Просыпайся! Я тебя сейчас лечить буду.

Мля... Сил нет и так от слова «совсем нет сил»... Я даже с большим трудом открываю тяжёлые чугунные веки, но сил нет и я их снова закрываю...

Сквозь закрытые веки в мои глаза светит яркое солнце. Откуда, на хрен, солнце? Утром солнца мало... А я...

Я же в вагоне электрички еду в сторону Гагр... Или Гагры... Я так и не понял как правильно называть этот город. Гагры или Гагра? От этого и не знаю, как склонять это название. Г-господи! О чём я только думаю? Что такое? Что за свет? Где я?

— Ты снова здесь. — медленно, как для тупого идиота проговаривает Инга. — Открой

глаза! Я буду тебя лечить.

— А так нельзя? — спрашиваю Ингу, но глаза всё-таки открываю.

— Нельзя... — отвечает мне моя вторая я. — Ты спрятался. Я так пряталась от страха и боли, помнишь? Ну, тогда, когда... это... Вот... А ты сейчас спрятался от себя. Ты слишком много взял энергии из нашего общего источника. Его надо срочно пополнить.

— Ты знаешь как это сделать?

— Теперь знаю. Я теперь много чего знаю...

— Давай! Восполняй!

— Тогда пошли!

— Куда?

— Узнаешь...

— Инга! Что происходит? Я где? Сплю там, и ты мне снишься? Или я здесь, но почему-то без моего участия тело Малыша не может двигаться? Я что-то не пойму...

— Вот видишь. Ты сам догадался. А я всё никак понять не могла, почему никуда не могу пойти...

— То есть, чтобы тебе здесь было нормально, то и там у меня тоже должно всё быть нормально?

— Не совсем так. Оказалось, что твоя энергия важнее, чем моя, для Малыша. От тебя Малыш получает за час то, что от меня он получит за месяц. Так что с твоей подзарядкой у нас есть шанс здесь жить, путешествовать, изучать этот мир... Но ты там опять куда-то слил столько энергии, что волна от этого настигла меня здесь, а я в свою очередь разрядила Малыша.

— Ничего не понимаю. Малыш же не киборг? Как он мог «разрядиться»?

— Нет. Малыш не киборг, а такое же человеческое существо, как и мы с тобой... были.

— А ты теперь — киборг? Или я?

— Нет. Но ты же знаешь. Сам внутри меня там сидишь...

— В том-то и дело. Тогда откуда у тебя такая терминология? Зарядка, разрядка. Я же вам не батарейка и не аккумулятор, чёрт возьми...

— Не говори так! А то и правда возьмёт...

— Кто?

— Чёрт.

— Какой в дупу чёрт?

— Хватит ругаться! Пошли лучше быстрее! Я чувствую, что надо поторопиться...

— Куда хоть идём?

— К заброшенному городу древних.

— Зачем?

— Это важно. Не спрашивай меня! Сам всё поймёшь.

Чувствую, что мне очень тяжело подниматься. Вытягиваю руку вперёд и вижу худую руку Малыша с маленькой ладонью.

Но моих сил всё же хватает, чтобы встать и начать движение вперёд. Инга постоянно поправляла траекторию моего маршрута.

— Инга! А почему у Малыша такая худая рука? Еда что ли кончилась?

— Еда есть. Но у нас нет сил её загипнотизировать, поймать и съесть. А про то, чтобы охотиться с оружием я вообще молчу.

— А как же Рара и волки?

— Они вынуждены были уйти далеко отсюда.

— Почему?

— Потому что мы нашли и почти открыли вход в город.

— Чего?

— Ничего. Залезли наверх, и нашли там место, куда раньше прилетали корабли древних.

Это и есть вход. Когда корабль прилетал, то вход открывался...

— Но мы же не корабль древних?

— Чтобы открыть вход, нужна древняя кровь. Она есть в Малыше. Помнишь, дед как-то говорил, что Малыш наследник?

— Помню. Но чего он наследник?

— Наследник древних.

— Хорошо. А причём тут ты и я?

— Саша! Ты тоже наследник древних.

— Чего?

— Повторяю для дебилов: Ты — наследник древней крови!

— Сама такая!

— А вот я как раз не такая. Выяснилось, что я не наследник.

— Это как?

— Да скоро всё сам увидишь. Пошли уже дальше... Уже почти дошли.

Мы и правда, пока болтали, почти что уже приблизились к монументальному каменному сооружению заросшему лесом и мхом. Уже по знакомым лианам забираемся наверх. Сейчас это делать мне стало сложнее. Малыш сильно ослаб, а я не могу добавить ему сил, так как тоже ослаблен своими земными приключениями.

Но прилагая максимум усилий, мы всё-таки оказываемся наверху. Теперь плетёмся по плоскому плато к центру конструкции. Ведёт нас снова Инга.

— Долго ещё? — спрашиваю я.

— Почти дошли. Вон за теми деревьями...

За небольшими деревьями я обнаруживаю то, чего раньше не видел. Что-то типа прямоугольного окопчика, примерно на полметра заглублённого относительно поверхности. Мы спускаемся вниз.

Одна из стен этого «окопа», расчищена от зелёного мха. На плоской стенке появилась, невидимая раньше панель. Уже не каменная, а металлическая пластина, с двумя вдавленными отпечатками ладоней с растопыренными пятью пальцами.

— Видишь, Саш! Пальцев на руке пять, как у нас.

— Я умею считать до пяти. И что? Вы уже прикладывали руки?

— Да. Малыш продержался примерно минуту.

— Что? Просто держал ладони на этой пластине?

— Нет. Не просто держал. Мы послали ментальный посыл на открытие входа.

— И что?

— Ничего. Через минуту нас шибануло током, и Малыш потом почти сутки лежал без сознания.

— А ты?

— А я сидела как зверь в клетке. Выйти не могу. Поднять Малыша не могу. Тебя позвать не могу.

— Ну не томи! Рассказывай подробнее: Что было дальше?

— А что дальше? Дальше Малыш вроде бы очнулся и мы пошли к Rare, чтобы просить её о помощи.

— И она помогла?

— Нет. Она сказала, что в невидимом излучении, исходящем от каменного леса, что-то изменилось, и её выгоняет на более дальнюю дистанцию. А ещё сказала, что мы — котята, и у нас ничего не получится.

— Почему?

— Потому что мы — котята. Пояснила, что от неё помощи не будет. Это не в её силах. Но сказала, что сможешь помочь ты.

— Почему я?

— Потому, что ты не котёнок, а взрослый кот.

— Но тело-то всё равно не моё, а Малыша.

— Не путай ментальное тело с физическим.

— А как же моя усталость и силы, истраченные там, на нашей Земле?

— Кое-чем, я смогу тебе помочь. Достань из кармана. Нет. Не из этого. Нагрудный карман справа.

Нашупываю в правом нагрудном кармане и достаю из него пару каких-то корешков.

— Что это?

— Это корень жизни.

— Женьшень что ли?

— Не знаю я никакого женьшеня. Бабушка говорила, что это корень жизни.

— А чего ты раньше мне не сказала. Если он усиливает силы, то я бы раньше его съел, и мы бы быстрее сюда дошли.

— Нельзя было.

— Почему, Инга?

— Потому что он действует короткое время. Ты его истратил бы на дорогу сюда, а потом здесь снова был бы слабым.

— Ясно. И что с ним надо делать? Просто сжевать и съесть? Или ещё куда засунуть?

— Никуда засовывать не надо. Просто жуй! Давай! Ешь!

Сижу... Корешок жую...

На вкус, как сырая картошка. Даже рот слегка вяжет. Сейчас бы запить чем-нибудь... Первый корешок кончился, и я принялся за второй.

Ещё во рту не кончилась противная растительная масса, как тело получило неожиданный импульс безудержной бодрости. Я быстренько проглотил остатки второго корешка и спросил Ингу:

— Ну? И теперь мне что делать?

— Приложи ладони и посылай импульс на открытие входа. А мы с Малышом будем помогать тебе.

— А почему только ты со мной говоришь, а Малыш всё отмалчивается?

— Саш! Давай не сейчас. Всё потом отвечу. Прикладывай!

Я приложил маленькие руки Малыша к отпечаткам больших взрослых ладоней. Настроился и стал посылать ментальное послание. Получалось что-то типа: «Сим-сим откройся!»

Бред, конечно, но я стараюсь. Ладони уже светятся зелёным. Прошло около минуты, потом ещё немного... А я всё время подсознательно жду удара током. Но когда наконец-то

ток начинает пронизывать мои ладони, я понимаю, что сила тока для меня слабовата. Покалывание чувствую, но сильного удара, про которое говорила Инга, не происходит.

Стараюсь усилить ментальный посыл. В ответ усиливается покалывание, но пока ещё терпимо. Когда я, отчаявшись, послал очень резкий импульс, то всё-таки почувствовал удар тока, но сдержался и не отдернул руки.

Что-то щёлкнуло внутри каменной плиты. Позади меня что-то происходило, но я боялся отпустить руки и обернуться. Но в этот момент, зелёный свет под моими ладонями погас, а всякие звуки и шевеление сзади не прекратились. Я оторвал ладони и оглянулся.

Задняя стена «окопчика» отодвинулась вместе с зеленью и мхом уже примерно метра на три, а на месте стены появилось квадратное углубление, с уходящими вниз ступенями.

Я попытался шагнуть вперёд, чтобы начать спускаться по лестнице вниз...

В этот момент, что-то толкнуло меня в плечо. В глазах всё завертелось, и я отчётливо услышал голос...

Я почувствовал толчок в плечо и услышал голос:

— Э... Девушка. Просыпайся! Гагра. Приехали уже.

Я открыл глаза. Ничего не понимаю... Надо мной стояла женщина в чёрном платке. Она что — то пытается мне сказать?

А-а... Это та самая женщина, которую я попросил разбудить, когда приедем в Гагры. Неужели уже приехали?

— Спасибо! Большое спасибо, Вам!

Я подхватил свои сумки и поспешил к выходу из вагона.

Город Гагра ошарашил меня сразу. Это было поразительно. С первого взгляда стало понятно, что я уже точно не в России. И дело было не в надписях на двух языках, но и самом колорите. Местные были одеты, не совсем так, как там в Сочи. Зато приезжих можно было определить почти сразу.

Моя усталость в миг куда-то пропала. Может быть дело в том, что я поспал в электричке, а может и корешки, подsunутые Ингой тут тоже действовали, но я чувствовал себя довольно таки бодро. Казалось, что сил так много, что вот-вот и чего-нибудь снова отчебучу ненароком.

А оно мне надо? Не-ет... Совсем не надо. А что мне надо?

Есть хочу. Даже не есть, а жрать... И при этом жрать хотелось с невероятной силой. Казалось, что если попадётся мне сейчас в руки батон хлеба, то съем его в один момент... Ладно... Чуть-чуть смогу потерпеть... Но только чуть-чуть...

Хотя и о месте ночлега тоже пора бы уже и позаботиться.

Тут снова возникают сразу два варианта. Либо частный сектор с непонятным сервисом и проблемами с организацией питания, либо пристроиться в какой-нибудь пансионат или санаторий.

Частный сектор никуда от меня не денется. Возле вокзала было полно табличек: «Сдаю жильё». И не только на руках у тёток, но и у таксистов на машинах такие таблички присутствуют.

А вот с пансионатами, санаториями и домами отдыха возникают небольшие организационные проблемы. Обязательно нужна путёвка. Я отлично помню, что в сезон все места в этих заведениях были забиты под завязку. И без путёвки в эти летние дворцы попасть было категорически невозможно...

Или можно?

Путёвки у меня на руках нет. Зато есть способность к убеждению людей помогать мне. Но хорошо выстроенная советская бюрократия мне может сильно навредить в этом. Внушу я, к примеру, администратору дома отдыха, что меня надо обязательно поселить. Она мне предоставит номер или койко-место, а потом сменится. А на следующий день приедет человек с путёвкой, чтобы обнаружить, что на его месте проживаю я такой весь красивый. Ну и новый администратор проверит документы и сразу выяснится, что у человека есть правильные документы на руках, а я никто, и звать меня никак. Ведь: «Без бумажки — ты букашка, а с бумажкой — человек!». И как я тут оказался никто не ведает. Караул! Милиция! Ну и всё такое...

Снова возникает банальнейший вопрос: А оно мне надо?

Ответ как всегда прост: Да! Мне это не надо...

Но дома отдых и пансионаты — это для людей попроще... А что там с санаториями для солидных людей?

Допустим, какой-то член... Ну, например, ЦК или кто-то, кто рангом помельче, решил отдохнуть на море. Внезапно так... Ему вот прям приспичило с утра, аж кушать не может. Срочно надо в Гагру... И именно в самый лучший партийный санаторий...

Ну и как он будет решать проблему своего отдыха?

Пойдёт в профком? И будет там клянчить себе путёвку в санаторий? Вряд ли.

Он просто возьмёт телефон и позвонит, куда надо и кому надо. Потом прилетит на курорт и ему тут же предоставят все удобства с видом на море.

Откуда берутся такие вот внезапные свободные номера для таких вот VIP-клиентов?

А из резервного фонда.

И где есть такой резервный фонд?

В тех санаториях, что покруче. Типа тех, что для партийной элиты и всяких там... членов....

Есть у меня кто-то, кто может позвонить в санаторий и устроить меня на пару недель?

Не-а. Откуда?

А где их взять, этих начальников, которые могут так сделать? Наверное, они так же, как и товарищ Саркисов сидят в уютных прохладных кабинетах с кондиционером, где-нибудь в горкоме или в горисполкоме.

Теперь встаёт вопрос: В какой санаторий я хочу попасть?

Надо бы уточнить у кого-нибудь: Где тут крутой санаторий для элитных партийных работников?

Кто всё знает?

Таксисты, конечно.

Но перед тем, как начинать свою операцию по заселению, надо бы сперва что-нибудь перекусить. А потом снова поменять имидж.

Проблему перекусить я легко решил в ближайшей палатке, где торговали то ли пирожками, то ли беляшами... А может это были такие чебуреки... Но они так быстро кончились, что я так и не понял, что это было. Но сил прибавилось, а настроение моё улучшилось. Вытирая жирные от масла руки нарезанными кусочками газеты, используемыми здесь вместо дефицитных салфеток, я направился в «кабинку для переодевания».

Бли-ин. Как же мне надоело переодеваться в привокзальных туалетах. Но больше тут вроде бы негде. Снова иду в это душное царство дерьма и смрада...

Узкие чёрные джинсы. Рубашка с пальмами, завязана узлом на животе, открывая небольшую полоску тела в районе талии.

Всё время пока я переодевался, мои волосы бледнели, постепенно приобретая мой натуральный скандинавский блондинистый цвет. А ещё они росли, превращаясь в довольно симпатичную причёску. Я не видел себя со стороны. Да и зеркал тут тоже что-то не завезли... Но дав установку организму. Я был уверен, что всё будет именно так, как я «заказал». Короткая чёлка и светлые волосы по плечам...

Импортные босоножки на довольно высоком каблуке чёрного цвета прибавили мне ещё семь сантиметров роста.

Небольшое мутное зеркальце всё же нашлось над ржавой раковиной... Глядя в это, так

сказать, зеркало, я подумал, что в древности греки использовали металлические пластины, полируя их до зеркального блеска. И в этих отполированных металлических пластинах можно было себя разглядеть...

Да... Жаль, что древние греки не были в этом туалете на вокзале города Гагра. Зеркало выглядело так, будто всякий, кто в него смотрелся, тут же плевал в стекло, после того, как увидел в нём своё отражение... Тьфу...

Я слегка подвёл глаза и покрасил губы. Добавил себе немного аромата французских духов... Мне надо быть неотразимым и сногшибательным...

Надев чёрную бейсболку, я нацепил тёмные очки и в таком виде вышел на свет.

* * *

К таксистам я направлялся специально слегка вальяжной походкой, как легкомысленная девица, приехавшая на провинциальный курорт из далёкой столицы.

Кажется, что мне это удалось...

Таксисты в традиционных кепках-аэродромах, завидев девицу в виде меня, такого красивого, сделали стойку...

Ну, то есть, замерли, как охотничьи собаки, почуявшие дичь. Надо было мне сзади на спине себе ещё нанести фразу: «Обдери лоха как липку!» И тогда картинка получилась бы совсем полной и законченной.

Видимо у них тут была своя очередь на обслуживание пассажиров. Поэтому ко мне подошёл только один из них. Усатый водитель лет под пятьдесят на вид. Может он и моложе на самом деле. Но усы, лёгкая небритость (с утра уже отросло), большая кепка, небольшой авторитет над брючным ремнём. Всё это придавало ему возраста и солидности.

— Куда паедем, дэушка? — радушно спросил он, распахивая передо мной переднюю пассажирскую дверь белой двадцать первой «Волги» с шашечками.

Не обращая на него внимания, я дёрнул ручку задней двери, и зашвырнул туда обе свои сумки. Только после этого уселся на переднее пассажирское сиденье.

Право закрывать обе двери, и переднюю, и заднюю, я благосклонно предоставил водителю такси.

Мне это было так надо, чтобы все, в том числе и мой водитель, видели, что приехала на отдых в их захолустье, не просто какая-то там туристка... А приехала настоящая породистая стерва. Кажется, что мне это удалось...

Я органически, всей своей аурой почувствовал, что дядечка слегка недоволен моим поведением. Но ведь настоящие таксисты такой народ... Если клиент ведёт себя надменно и высокомерно, то и счётчик у такого клиента в разы больше и выше, чем у обычного пассажира.

Водитель занял своё место и завёл мотор.

— Так куда едем? — спросил он уже спокойным голосом.

— В райком КПСС. — мой голос был холоден как лёд.

Водитель тронул машину с места, но тут же задал мне вопрос, которого я, честно говоря, от него ну никак не ожидал:

— А к кому тебе там надо?

Ну, ни фиги себе? Мы уже и на «ты»... Да и вопрос такой, совсем мне непонятный...

— А Вы, что, там всех знаете? — спрашиваю с заметной долей иронии.

— Ну не всех так... Но многих знаю...

— Мне нужно к первому секретарю райкома партии.

— Э... Так нет его там сейчас.

— И где же он? — я удивлён такой осведомлённости обычного привокзального таксиста.

— В Сухуми уехал, ещё с утра, на совещание.

— А откуда Вы-то про это знаете?

— Так, просто всё... Его водитель — это мой родной пилямянник. Сын моей сестры. Он его и увёз рано утром... Потому и знаю...

— Ну и кто сейчас вместо него в райкоме сможет решить мои вопросы?

— А какие у тебя вопросы?

— Я из Москвы...

— Э... Это сразу замётно! — многозначительно произносит водитель, усмехаясь в усы.

— Мне сказали, что смогут меня на две недели поселить в какой-то санаторий от ЦК.

— О! Это сложно, деушка... У нас тут сразу два таких санатория. Один поменьше, а другой побольше будет.

— Мне лучше в тот, который побольше.

— Тогда это будет санаторий «Грузия». А я так понял, что путёвки у тебя нэт?

— Папа мне сказал, что дедушка уже позвонил кому надо. И обо всём договорился...

— А папа у нас большой начальник там, в Москве... Да?

— Папа не очень большой начальник там в Москве... А вот дедушка — очень большой... И не в Москве, а в Союзе...

— Ну, тогда в райкоме тебе может помочь только Хаха.

— Кто? — это его «ха-ха» вызвало у меня странную мысль, что я совсем ничего не понимаю...

— Хаха.

— Это имя такое, что ли? Никогда не слышала такого.

— Да. Такое вот имя. У нас тут свои имена. А вот мы уже и подъехали. Пойдём я тебя сразу к нему провожу. За свои вещи ты нэ бойся. Тут никто нэ возмёт.

Вот как? Опять тоже самое... Все друг друга знают. Все друг про друга всё знают.

Где-то я это уже видел.

Где, где... В Туапсе... Там тоже все про всех и про всё...

Но здесь ещё круче... Кто куда поехал, кто куда пошёл, ни для кого не тайна. Простой таксист в райком ходит, как к себе домой. Куда я, блин, попал?

А тем временем, мы прошли мимо строгого милиционера, которому мой водитель, просто кивнул, как старому приятелю. Поднялись на второй этаж, и таксист без стука открыл дверь одного из кабинетов.

— Хаха! Ты не занят? Тут девочка из Москвы. Вот... Она тебе всё сама скажет. Я не буду вам мешать...

Он пропустил меня в кабинет, а сам остался в коридоре.

— Я Вас слушаю... — хорошо поставленный казённый голос.

Человек имел строгий вид. Костюм, галстук, кристально белая рубашка, аккуратная причёска. Типичный клерк из офиса большой компании моего будущего. Вежливый, предупредительный, исполнительный.

— Вам должны были позвонить из Москвы по поводу меня.

— Как Ваше имя?

Похоже, что здесь звонки из Москвы происходят так часто, что требуется уточнить имя и фамилию, чтобы знать какую проблему надо решить именно здесь и сейчас. Или я чего-то не понимаю в этой жизни.

Мне сразу показалось, что человек передо мной имеет очень-очень гибкий позвоночник, что позволяет ему прогибаться, угождая власть имущим. А за счёт своей гибкости он может долгое время вести сладкую безбедную жизнь на своём месте.

— Моя фамилия Котова! — говорю я, делая акцент на фамилии, при этом снимая тёмные очки и стреляя в него зелёными глазами.

Я подсознательно выбрал этот момент. Когда глаза прикрыты тёмными стёклами, взгляда совсем не видно. А стоит снять очки, как первым делом мужчина постарается заглянуть в глаза девушке...

И в этот момент — он абсолютно незащищён передо мной. А я могу сразу же использовать всю мощь своего «ментального» обаяния, для того, чтобы донести до него посыл своих мыслей, направляя его действия в нужное для меня направление...

— Вы должны мне помочь! Вам же звонили по поводу меня?

— Да-да, конечно... Присаживайтесь!

— Вам позвонили и Вас попросили помочь мне устроиться на две недели в санаторий «Грузия!» Вы вспомнили?

— Да-да. Я помню. Вы — Котова.

— Да. Я Александра Котова. Внучка одного из членов ЦК КПСС. Фамилию моего дед здесь называть не стоит. Сейчас вы позвоните в санаторий и распорядитесь, чтобы мне там выделили хороший одноместный номер со всеми удобствами, сроком на две недели, начиная с сегодняшнего дня. Вам ясно?

— Да, да. Конечно, ясно...

— Звоните!

Человек поднимает трубку телефона, и быстро набрав номер, начинает говорить на незнакомом мне языке. Надеюсь, что он ничего не перепутает и правильно передаст мои требования абоненту на другом конце трубки...

Минуты через две...

— Вы можете уже ехать в санаторий. Там Вас уже ждут.

— Спасибо! Надеюсь, что про меня Вы никому не расскажете? Ведь так! — делаю нажим.

— Никому...

— И Вы забудете меня навсегда!

— Да...

Открыв дверь, и уже выходя из кабинета, бросаю:

— До свидания! Большое спасибо!

Таксист встретил меня с улыбкой:

— Ну, что? Помог тебе Хаха?

— Да! Спасибо! Вы меня очень выручили. А теперь поедем в санаторий...

— В «Грузию?»

— Да.

По дороге, водитель мне успел рассказать, что абхазы очень гостеприимный у

дружелюбный народ, а плохие грузины их всё время притесняют.

Слушая его в пол-уха, я думал, что надо бы и его немного «почистить» от воспоминаний обо мне.

Слишком уж он общительный и слишком много и многих знает. Расскажет пилемяннику своему, а тот шефу проболтается. Тот заинтересуется и...

Мне этого точно и даром не надо. Чем меньше интереса будет проявляться к моей персоне, тем лучше будет для меня и безопаснее для всех окружающих.

Меня подвезли как очень большого и уважаемого начальника прямо к самому входу в главное здание санатория.

А здание впечатляло своим видом. Архитектура ещё Сталинских времён, наверное. Хотя и при Никите строили поначалу такие же дворцы. Это уж потом он начал по всей стране пятиэтажки клепать.

Ну и ладно, что пятиэтажки... Пусть неудобные и маленькие кухни, и совмещённые санузлы... Зато сколько народу жильём сразу обеспечил. Некоторые до этого жили в ещё более худших условиях, в коммуналках, в бараках и общежитиях...

Но Никиту так ругали за это... А я считаю, что не бывает совсем плохих и совсем хороших людей. У всех есть светлые и тёмные стороны. Ну да бог им всем судья. Не мне их судить...

На прощание, я более чем щедро расплатился с таксистом, и посмотрев ему прямо в глаза, посоветовал никому про меня и про поездку в райком не рассказывать. Как мне кажется, он хорошо меня понял.

Интересно, а вот все эти способности из сказок, типа? «отводить глаза» и «заговаривать

зубы»... Это тоже своего рода ментальное воздействие. Такое ощущение, что магия всё же была на Земле. И причём была не так уж и давно, Раз люди всё ещё помнят про колдунов и ведьм... И про страшных драконов...

* * *

Разместили меня быстро и без всяких проблем, в отдельном номере с туалетом и душевой. Вопрос с документами решился легко. Стоило лишь объяснить, что паспорт внучка заслуженного деда ещё не получила, но есть свидетельство о рождении... Да и звонок из райкома тоже прибавил мне авторитета...

Я поднялся в свой номер на третьем этаже, закрыл за собой дверь, и первым делом рухнул на кровать, протянув ноги...

Спать уже не хотелось, но просто так валяться на мягкой кровати, протянув ноги — уже было непередаваемым блаженством...

В животе предательски заурчало. Я переоделся попроще, надел лёгкое платье и снова спустился вниз.

Вежливая администратор просветила меня на тему питания и порадовала тем, что обед только начался. В столовую меня проводила уже другая женщина. Показала мне нужный столик и место за ним, где меня будут кормить в ближайшие две недели. Кормили здесь довольно прилично.

Соседей по столику никаких пока не было. Видимо они подойдут попозже. Но в этот раз я с ними так и не встретился. Наверное, они отобедали раньше. Обед здесь длится по расписанию почти два часа. Так что это нормально, что мы разминулись... Ну и ладно...

Осетрины и икры я на столах не видел. Как и устриц и всяких других деликатесов...

Но всё остальное было по высшему классу. Сытно, вкусно, много. И выбор есть... Короче, есть чего поесть...

Объелся я до того, что в номер шлёпал, уже еле-еле переставляя ноги. И сразу же завалился спать, решив наверстать упущенное, за почти что двое суток.

Конечно... Дадут тут поспать уставшему человеку, противные девчонки... Ну, то есть одна... Но такая... Она одна троих противных стоит...

— Инга! Я не спал уже почти двое суток...

— Ты мне срочно нужен!

— Я тебе в последнее время всегда нужен и всегда срочно...

— Но тут такое...

— Что на этот раз?

— Малыша больше с нами нет...

Сон как рукой сняло.

— Как это нет.

— Его нет ещё с того раза, когда его током ударило. Ну, когда мы без тебя пытались войти в бункер этот... Только я этого сначала и не поняла. Думала, что его просто так сильно оглушило, что он с нами на связь не выходит. Помнишь? Ты ещё тогда спрашивал: Почему Малыш не отвечает?

— Помню. И сколько времени у тебя уже тут прошло с того момента, как я был здесь в последний раз?

— А что мы тогда делали?

— Я открыл вход в каменное сооружение древних...

— Примерно неделя... может чуть меньше. Тут же нет ни календаря, ни часов. А теперь, когда мы внутри, то и не видно как солнце заходит.

— А мы уже внутри?

— Ну, да. Ты же открыл нам вход. И исчез... А когда мы начали спускаться, вход за нами сразу же закрылся. Хорошо ещё, что на стенах такие полоски светятся, иначе бы я дорогу не нашла сюда.

— А сюда — это куда? Ты постарайся говорить более подробно. Я же ничего не знаю о том, что у тебя тут целую неделю происходит...

— Ну... Я даже не знаю, как это назвать. Здесь есть жилые отсеки, есть пункт выдачи питания... А больше нас пока никуда и не пускают. Я проверяла все комнаты подряд. Открываются только спальные жилые отсеки. Их несколько... Но все одинаковые.... А в них только кровать и шкаф с одеждой. Кстати, у нас теперь новый комбинезон. Почти такой же, как и был, но только ткань какая-то другая. Размер сама ткань подгоняет по фигуре. А карманов нет. Но если приложить какую-нибудь вещь, то он возникает ниоткуда. Прямо из ткани карман вырастает, представляешь?

Инга тараторит без умолку. Соскучилась видимо тут совсем одна по собеседнику. Одиночество не всем идёт на пользу. Мне-то как-то это всё и по барабану. А иногда так даже и одному нормально... Ну а Инга продолжала вещать, верещать:

— Туалеты у них тут интересные, но почти такие же, как там в будущем. Ты рассказывал, про такие... умные... Сказал, что японцы их придумали. Там и задницу подмоет, и песенку споёт. Шучу. Без песенок пока обходилось. И вообще, здесь тихо как в гробу. Даже шагов не слышно своих. Пол, как из мягкой резины... Не пружинит, но шагов не слышно. Я уже проверила двадцать две комнаты. Везде одно и то же. Можно каждый день спать в другой кровати. Кровати из пола вырастают. Постельное бельё? Подушка. Тонкое

одеяло из блестящей ткани... И всё. Но кровать, каждый раз чистая появляется. Я как-то раз сок пролила. Красный такой. Типа гранатового на вкус. Так вот, кровать убралась, а появилась снова чистая. И подушка, и матрас.

— Инга! Не части так. Рассказывая поподробнее. Вот про столовую чего там?

— Пункт питания, это как комната. Но там на стене таблички такие. Квадратиками, как мозаика. На них разные символы. Я их пока не понимаю. Нажимаешь один из них, а из стены появляется поднос. На нём всякие кубики и цилиндрики. В цилиндрах — напитки, а в кубиках еда.

— Чем кормят? Борщами?

— Супов ещё не давали ни разу. Я подряд все кнопки нажимаю. В основном овощи и мясо. Хлеба не дают. А есть надо палочками. Я уже приспособилась. Но поначалу руками ела. Чтобы мыться или умыться — это в комнатах, там же где и туалет. Но зеркал нет. Ни одного. А стены матовые ничего в них не отражается. Там по коридору есть ещё одна дверь. Но я её не смогла открыть. Наверное, проход в другие отсеки. Может, ты попробуешь?

— Вот ты тут неделю одна развлекалась, а как только я поспать решил, тут же я тебе понадобился, чтобы двери открывать...

— Но я же не могу тебя выдёргивать просто так.

— А как ты можешь?

— Мне надо, чтобы ты там занял устойчивое положение и заснул. Тогда у меня сигнал приходит, что тебя можно вызвать.

— Ясно теперь, как это работает. А почему я не могу до тебя докричаться, когда мне надо.

— Я не знаю. Никто же ведь не учил меня, что и как надо правильно делать.

— Ну да... Вечно мы науку двигаем методом научного тыка.

— А это как?

— Ну, вот... Ты приходишь в столовую и тыкаешь пальцем в любую кнопку. И не знаешь, что оттуда вылезет. Может утка с яблоками, а может крокозябра какая со щупальцами.

— Была такая. Очень вкусная. Я не знала, что она называется крокозябра... А что это такое?

— Наивная ты девочка. Нет такого слова — крокозябра. Это так. Шутка. А тебе выдали что-то из морепродуктов. осьминога или каракатицу.

— А разве каракатица — это не из сказки?

— В сказках тоже есть каракатицы, но и в море они тоже плавают. Их ловят, варят, жарят. В общем, жрут. Ну, ладно. Давай показывай! Где тут у тебя какие двери не открываются?

Инга направила меня вдоль по коридору, в конце которого находилась глухая стенка, с уже знакомой мне панелью из неизвестного металла. На этот раз след был только от одной правой ладони.

— Вот такие же есть на всех дверях. Но жилые помещения мне поддались, а этот нет. Саш! А может, ты попробуешь? Вдруг у тебя что-то получится...

— А вдруг там за дверью не то, что нам надо бы видеть?

Я прислушался. Мне показалось, что из-за закрытых дверей доносится какой-то стук.

— Ты слышишь? — спросил я напарницу.

— Что?

— Стук какой-то...

— Нет, не слышу...

Но я явственно слышу какой-то стук в дверь и слова...

* * *

— Откройте, пожалуйста!

Встаю со своей кровати в цэковском санатории и плетусь к дверям. Открываю. А там женщина в белом халате с папкой в руках.

— Вы Александра Котова?

— Да.

— Вам надо к главврачу зайти. Он назначит Вам процедуры, согласно Вашему диагнозу.

— А где находится кабинет главврача?

— На втором этаже. Там увидите табличку на кабинете. Сразу с лестницы первая дверь. А я уже и забыл, что санаторий это в первую очередь лечебное заведение, а не пятизвёздочный отель all inclusive^[6] из моего будущего.

Идти никуда не хочется, но я всё равно плетусь по лестницам вниз.

А лестницы здесь замечательные, просто глаз не оторвать. Ну, дворец, честное слово. Нахожу наконец на втором этаже кабинет главного врача. На табличке указано простое русское имя и фамилия: Фёдорова Галина Борисовна. Стучу в дверь и захожу в кабинет.

Главврач, полная женщина, встречает меня с обаятельной улыбкой. Перед ней лежит незаполненная медицинская карточка с одной лишь фамилией на обложке. С моей фамилией. Котова.

— На что жалуетесь? — спрашивает она меня с уверенностью врача в том, что все люди чем-то больны.

— Наверное, на нервы. — мысленно кручу разные варианты, что же я могу ответить этой любопытной тётке...

— А что у вас случилось?

— Галина Борисовна! — быстро изобретаю подходящую жалостливую историю, типичную для девушек моего возраста во все времена. — Меня бросил мой парень. Мне было так плохо... Сказали, что это... депрессия... Ну а дедушка сказал, что меня надо отправить в санаторий подлечиться.

— А кто у нас дедушка?

— Я бы не хотела о нём здесь говорить. Пусть его имя знает только тот человек, который меня сюда направил к Вам.

— Ну, хорошо. У нас есть такие врачи. Ну, что же. Я думаю, что мы сможем Вам помочь. Вы к нам надолго?

— На две недели.

— Это хорошо... Вот я тут написала направление. Сейчас Вам в кабинет невропатолога. А дальше, куда он скажет. Здесь, на этом же этаже прямо по коридору. Если возникнут какие-нибудь вопросы, то сразу заходите ко мне! Не стесняйтесь!

— Спасибо, Галина Борисовна! Обязательно зайду, если что...

Ещё примерно с час я ходил по разным кабинетам. Мне завели такую картонку, на которой было написано расписание: Когда, во сколько и в какой кабинет мне нужно приходить. Похоже, что свободного времени у меня останется только на ночной сон.

Да, блин. Советская медицина безжалостна и беспощадна. Захочешь сдохнуть, не дадут. Особливо, если ты член семьи члена ЦК КПСС.

В первый день, слава солнцу, только записался. А с завтрашнего дня с утра пораньше и на процедуры.

Интересно, а тут можно дать денег, чтобы меня не напрягали всем этим ненужным мне лечением?

Кстати... Чуть не забыл. Когда меня заселяли, то никто и не спросил меня ни про какие деньги.

Неужели здесь коммунизм уже победил на отдельно взятой территории этого санатория, и деньги не нужны от слова совсем?

Вопросов я задавать никому не стану. Скажут, заплачу, а не вспомнят и не надо.

Поинтересоваться можно у соседей по столику. На обеде они уже ушли, когда меня сажали за их стол. Пообщаться так и не успел. Надо на ужине их допросить: Кому и сколько здесь надо давать на чай?

Я помню, что при всей бесплатности советской медицины, младший медицинский персонаж не только не отказывался от чаевых, но и ждал их с нетерпением.

До ужина ещё оставалось довольно много времени. Правда, тут был по расписанию запланирован ещё и какой-то полдник. Но я на него не пойду. Там наверняка кефирчик с печенькой. Или сок с яблоком. Ладно. Потом узнаю. А сегодня я схожу на разведку... Проверю пляж.

Пляж оказался... Как бы это сказать... Ну не совсем песчаным. Скорее всего, это смесь мелкой гальки с очень крупным песком. Хотя это и не песок вовсе, а мелко порубленные морем ракушки, вперемешку с мелкими камушками. Ладно уж. Сойдёт и так. Я окунулся разок в море, обновив свой отдельный чёрный купальник с полосками. Слегка обсох на солнышке и вернулся в санаторий. Приняв душ у себя в номере, собрался на ужин.

Мне сегодня обязательно надо собрать побольше информации про санаторий и про его правила. Я хочу прожить здесь пару недель спокойно, и не привлекая излишнего внимания к себе. И для этого мне надо как бы соблюдать местные правила, а не искать себе приключений на задницу. А чтобы соблюдать все эти гласные и негласные правила поведения в этом санатории, надо хотя бы их узнать.

К моему великому сожалению, мои соседи по столику, пожилая пара, оказались не слишком общительными. Видимо им не очень-то понравилась компания молодой девицы за своим столом. Смотрели они на меня с таким видом, как будто я им задолжала дань за последние десять лет и всё никак не отдаю... Наконец-то я в живую увидел отношение настоящей «советской элиты» к обычным советским гражданам... Ну, то есть отношение

шляхты к быдлу невытому... Хотя я себя таковым не считал, и мылся регулярно... Но такой взгляд, какой они адресовали мне, явно намекал на мою неполноценность...

В конце концов, я решил, что пересекаться с ними надо бы как можно реже. Буду приходить пораньше, и есть побыстрее. Эти элитные бройлеры явно себя не утруждая, всё время приходили ближе к концу приёма пищи. Мне даже вот сегодня на ужине, пришлось с полчаса мусолить свою кашку, чтобы их дождаться...

Решено... Теперь я точно буду приходить в столовую как можно раньше, и покидать столик до прибытия таких столь важных и толстых персон... А то от общения с такими персонажами не только аппетит может испортиться, но и здоровье подорвать недолго. И будут тогда меня тут лечить от нервных болезней, как и запланировали уже местные эскулапы... А я этого не хочу, ну нисколько...

* * *

Лёг сегодня спать пораньше. Специально, чтобы успеть ещё и выспаться... Знаю ведь, что неугомонная Инга, мне поспать спокойно не даст. И придётся мне ещё сегодня вскрывать запертые двери, и изучать новые незнакомые пространства заброшенного сооружения древних.

Так и уснул в ожидании «срочного вызова» с неизвестной планеты.

Сон быстро забрал меня в свои чёрные объятия. И я как бы уже был готов к новой встрече... Но вызов никак не приходил...

Зато ко мне пришёл сон. Станный и непонятный. Зато цветной и насыщенный, как голливудский блокбастер.

* * *

Я на Земле, но в теле Малыша. Судя по всему мне примерно лет десять, или чуть больше... Я стою абсолютно голый возле дороги. Прямо на меня едет большой оранжевый автобус. Не совсем на меня, конечно... Автобус едет по асфальту, а я стою на обочине. Но его яркие фары слепят мне глаза...

Большой автобус остановился прямо возле меня... Из него вышли люди... Одна тётка укутала меня во что-то тёплое. И это было хорошо, так как даже во сне мне было очень холодно...

А потом мы куда-то долго ехали... И в конце концов я оказался в какой-то больнице. Судя по всему, это точно была больница... Пахло больницей, и все были в белых халатах... Почему-то я воспринимал всё окружающее вокруг немного не так, как обычно... Это был как бы взгляд со стороны... Ну как бы всё это объяснить?

Вот... Так иностранцы, не знающие местного языка, и не понимающие местных обычаев смотрят. Это если бы я приехал на Чукотку в начале века. Лопочут местные о чём-то... А я не понимаю. Местные на голое тело носят мехом внутрь разные вонючие шкуры. А я не понимаю, как так можно... Они едят сырое замороженное мясо, наструганное ножом. А я не понимаю, как это можно вообще есть...

Вот примерно так я себя и ощущал в этом сне.

Но я же видел, что кругом обычные реалии Советского периода... Милиционер в фуражке и врач в халате, всё было так же, как и в моей прошлой жизни... И даже календарь на стене мне подсказал, что «Перестройку надо начинать с себя»...

Чего? Какую в дупу перестройку? Это куда это я угодил?

На календаре стояли цифры... 1991... А за окном шёл дождь...

Интересно... А сейчас начало года и СССР, или конец года и уже нет?...

* * *

Меня осмотрели врачи, а потом стал допрашивать серьёзный такой усатый милиционер в звании лейтенанта...

Он задавал вопросы по-русски, но у меня по-прежнему было ощущение, что я понимаю не все слова, и чтобы понять смысл слов, мне сперва надо перевести с русского на какой-то другой язык, чтобы снова потом перевести на русский...

— Как тебя зовут?

Откуда же я знаю, кто я там сейчас и как меня там зовут?

— Ты меня понимаешь?

— Да...

— Ты помнишь, как тебя зовут? У тебя есть имя?

Не знаю почему, но почему-то на языке у меня вертелось имя Алекс... Алекс — это может быть и Алексей, и Александр, и даже Александра... Если я во сне, то кто мешает мне представляться любым именем, хоть даже и своим... Но в последнее время ко снам у меня сложилось двоякое отношение. С одной стороны они всего лишь плод нашего воображения, а с другой... Сны о Заповедной планете вполне себе осязаемые и реальные. Там можно провести уйму времени, а потом вернуться обратно... Но там могут и убить ненароком. И не факт, что это не отразится здесь, на спящем теле...

— Ты меня слушаешь?

— А...

Я кажется, задумался, и из-за этого в разговоре возникла продолжительная пауза.

— Ты меня слышишь?

— Да.

— Ты помнишь, как тебя зовут?

— Алекс...

— Алексей или Александр...

— Саша...

— Александр, значит...

— Саша... — упрямо повторил я.

— Ну ладно, пусть будет Саша... А фамилию свою ты помнишь?

— Кот...

— Котов?

— Нет. Не Котов... Кот. Просто «Кот» и всё...

— Кот Сашка, хорошо ещё не кот Васька... — глумливо заржал милиционер...

Мне это почему-то не понравилось, и я решил его потроллить:

— Василием звали моего отца. Вам это смешно? А как Вас зовут?

Тут милиционерчик смутился не по детски... Ему явно не хотелось отвечать...

— Почему вы мне ничего не ответили? Вы забыли, как Вас зовут? Или не хотите, чтобы я смеялся над именем Вашего отца, как Вы посмеялись над именем моего?

Молчание затянулось... Я смотрел на покрасневшего милиционера, а он сверлил меня сердитыми глазами...

* * *

А потом всё исчезло... Просто взяло и исчезло. Я даже не расстроился. Это же ведь сон. А во сне и не такое бывает.

Но снова, как в следующей серии кино, появился свет и началась новая сцена моего сна.

* * *

Я стою явно в каком-то общественном туалете. Несколько кабинок, но все без дверей... Напротив меня стоит невысокий пацанчик. Он смотрит на меня нагло:

— Слышь, Кот! А чё ты такой борзый? Тебя что, давно в сортир не макали?

Рядом с ним торчат ещё двое пацанов помельче. На всех школьная форма тёмно-синего цвета. Помню, что у меня была такая же в старших классах... Создаётся ощущение, что меня сейчас будут или бить... Или макать в унитаз... Ни того, ни другого мне совсем не хочется...

Поэтому я начинаю действовать интуитивно. Пробиваю самому крупному в пах, а потом с двух сторон ладонями по ушам... И контрольный апперкот, снизу вверх, прямо в челюсть. Тело отлетает от меня, по пути сбивая ещё одного «соратника» моего оппонента. Третьему бью ногой в грудь. Его тоже сносит.

И вот, не прошло и пары секунд с начала разговора, а уже три стонущих тела копошатся на грязном полу туалета.

А я пошёл к раковине и стал мыть руки. Холодная вода из-под крана, приятно остужала мои горящие кулаки...

* * *

А дальше я ничего не помню... То есть совсем ничего... Видимо я окончательно заснул и провалился в глубокий-глубокий сон...

Это было неожиданно для меня, но Инга на связь этой ночью так и не вышла. И это было даже очень хорошо. Особенно для меня. Потому что я выспался в эту ночь за все прошедшие дни сразу и оптом. А с утра у меня опять началась беготня по медицинским процедурам. Да... Пришлось помотаться по разным этажам, да по разным кабинетам. Это было немного утомительно, но даже и забавно в чём-то. Душ Шарко, ванны с какими-то наполнителями и гидромассажем. В будущем джакузи уже не были редкостью для нашей страны, а сейчас такое действие, наверное, впечатляло неискущённых граждан Советского союза. А ещё меня пытались лечить электротоком, но я не почувствовал никакого эффекта от этих процедур.

Надо всё-таки найти способ отказаться от всего курса лечения. Осталось только придумать для этого хоть какой-то разумный предлог... «Но об этом я подумаю завтра...» Вспомнил я высказывание одной известной героини из не менее известного романа...

У меня осталось даже время перед обедом сходить на пляж, и разок окунуться. А после обеда немного поспав, я снова поплёлся на процедуры. На этот раз меня запихнули в грязевую ванну, хотя я отчаянно сопротивлялся... Ощущения — реально свинские. Но почему-то это считается тут очень полезным. Может быть, может быть... Мне пока этого не понять. Ни в той, ни тем более в этой жизни, мне не приходилось болеть так сильно, чтобы лечиться, используя такие грязные методы... И даже когда я лежал в той московской больнице, меня лечили лишь уколами да таблетками... А для богатых и достойных вона как изгаляются. И дерьмом каким-то лечебным обкладывают, и водичкой тёплой потом смывают...

Ладно... не только богатых так вроде бы лечат. В обычных профсоюзных санаториях тоже есть и Шарко, и грязь наверное тоже есть... Вот только как узнать... Это лечебная грязь или из соседнего болота, где корова утопла и сдохла в прошлом веке...

* * *

Во время ужина ко мне подкатывал для знакомства паренёк, лет двадцати на вид, звал на танцы. Я категорически отказался. Мне хватило уже танцев с блондинчиком на свадьбе у Аревик. И я ещё не забыл, чем это всё закончилось... Больше не хочу...

Ушёл я после ужина сразу к себе в номер, да и спать завалился. Не успел даже и заснуть толком, как меня тут же Инга снова вытянула на Заповедную планету.

— Привет, подруга! А чего тебя вчера не было?

— Вчера? Да я тут уже месяц под этим колпаком провела, не меньше.

— Какой, на хрен, месяц? Под каким, на хрен, колпаком? Ты давай, рассказывай всё с подробностями... А то я ничего не понимаю.

— А чего тут не понимать? Ты двери открыл, а потом сразу же и слинял...

— Меня там разбудили в санатории.

— В каком санатории?

— Ну, здрасьте, приехали. Мы теперь, что с тобой? Совсем отдельно будем? Я там, а ты тут. И между нами не будет никакого обмена информацией. Ты вообще, когда в последний

раз на Земле-то была?

— А я уже и не помню... Когда ты здесь, то и мысли не возникает куда-то уходить. А когда тебя нет, то я... Наверное, уже и не могу туда попасть... Тебя вот вызвать могу, а самой туда попасть у меня уже и не получается...

— Кажется, последний раз ты была там после первой армянской свадьбы.

— А что, уже была и вторая?

— Ну, да. Я же тебе ещё тогда говорил, что пригласили спеть на свадьбе у девушки с именем Аревик (Солнышко).

— Это я тоже помню. Значит, я снова там была...

— Или я тебе тут это рассказывал?

— Ну и что там дальше было?

— А дальше нас с тобой снова чуть не убили.

— Да ладно... Что? Опять стреляли?

— Нет, ножом пыряли...

— И кто этот самоубийца?

— Это не он. А она... Свидетельница на свадьбе приревновала к свидетелю.

— Звучит смешно.

— Ага... Смешно... А потом она всадила нам нож в горло.

— Прямо на свадьбе?

— Нет. Эта тварь попросила меня подвезти её до дома на машине. Едем. Ночь. Темно. Горы...

— Красиво излагаешь...

— Не юродствуй!

— И что дальше было?

— Попросила у кустиков остановиться, типа ей пописать приспичило. Ну, я и тормознул... Не успел ничего сообразить, а она мне кухонным ножом в шею засандалила. С трудом выжить удалось. Почти все силы тогда истратил. Ты что забыла? Ты же сама меня потом подлечивала какими-то корешками. Ну, когда я потом двери в бункер открыл... Я тогда еле сообразил, что делать. Счёт шёл на секунды... Шея, горло — это тебе не хухры-мухры...

— Ну, то что ты выжил, я и так вижу. Подробности давай!

— Когда она ткнула мне в шею, я машинально ей в нос зарядил, не раздумывая. Вот она и отключилась. А я ещё минут двадцать потом себя залечивал, да тёплым лимонадом сгустки крови из повреждённого горла выполаскивал.

— Ты убил её?

— Убил... Но не сразу. Сперва я её допросил, как следует. Узнал, почему она на меня с ножом накинулась. Оказалось, что она банально приревновала меня к одному блондинчику...

— Было бы к кому ревновать. У нас же там тело плоское...

— Уже нет. Совсем уже не плоская... Я добавил немного роста, сменил причёску и в груди слегка прибавил. Я ведь уже сделал там и права на машину, и паспорт себе. Нам по тем документам там уже давно восемнадцать лет исполнилось. Вот я и стал своё тело слегка корректировать, чтобы соответствовать возрасту по документам.

— Я бы посмотрела на себя.

— Так сходи и посмотри!

— Я же не могу отсюда уйти.

— А вдруг ты не можешь, только тогда, когда я там, а ты тут. Если мы здесь оба вдвоём, может и у тебя тоже получится чего. Только давай ты прошвырнёшься на землю совсем ненадолго, а то я тебе ещё не всё рассказал о том, что было дальше.

Почувствовав какую-то внутреннюю пустоту, я понял, что Инга всё же умудрилась улететь своим сознанием на Землю. И я остался один...

* * *

Делать было совсем нечего. Я стал с интересом осматриваться по сторонам. То, что я увидел, это уже были совсем другие помещения. Те самые, в которых я ещё не был...

В коридоре я увидел открытый проход в жилой сектор, но не пошёл туда. Чего я там не видел...

Я стал ходить-бродить по новым и незнакомым местам. Конечно, Инга уже немного тут разобралась со всем этим за месяц проведённый здесь без меня, но мне и самому интересно побыть первооткрывателем нового и неизвестного. И я стал одну за одной осматривать все комнаты...

Скорее всего, это были какие-то рабочие кабинеты. Хотя обстановка и тут выглядела немного по-спартански. Но я помню, что Инга рассказывала мне про здешние технологии. Нужные вещи могут появляться прямо из стены и исчезать туда же, когда необходимость в них отпадает. Я попробовал представить рабочий стол, и появился стол. Просто выполз из стены, а рядом с ним нарисовалось кресло, типа компьютерного... Не успел я отвернувшись выйти из комнаты, как всё обратно исчезло в стене...

Потом меня заинтересовал кабинет похожий на закуток охранника в гипермаркете. Что-то типа стола и стула у стены, а на стене во всю её площадь матовые металлические пластины. Я уже знал, что эти пластины тут могут быть чем угодно, вот и предположил, что это экраны. Интересно только, как выводить на них изображения.

Неужели я, человек с высшим образованием, не смогу с этим разобраться? Вот что тут на столе? А на столе тоже была металлическая пластина в виде очень вытянутого прямоугольника. Причём на половине ближней к тому месту, где должен сидеть человек. Надеюсь, что человек всё-таки, а не какой-нибудь рептилоид насекомообразный.

Я уселся на этот стул... Даже не стул, а скорее всего удобное рабочее кресло... Именно рабочее... Так как сиденье тут же подстроилось под меня и снизу, и со спины. Обе руки я положил на пластину. Это получилось как бы само собой. Уж больно всё было удобно и эргономично устроено. Пластина тут же стала светиться.

Преобразование матовой пластины под руками меня даже не удивило. Потому что я так и думал, что это подобие клавиатуры или нечто, похожее на пульт управления. На пластине появились цветные квадратики с незнакомыми символами. Не похоже, что это были буквы незнакомо алфавита. Скорее это напоминало иероглифы. Но я видел и китайские, и японские иероглифы. На них совсем не похоже. Больше смахивают на корейские. Тоже всякие чёрточки и кружочки складывались в какие-то символы. Но я не уверен, что это именно корейские иероглифы, так как не знаком с корейским языком. Ладно... В процессе разберёмся...

Нажав наугад пару «клавиш», я ничего этим не добился. Решил поискать по аналогии с

земной клавиатурой кнопку «Вкл». Нажимал крайние, верхние и нижние. Не-а... Не аллэ.

Вывод: «Метод научного тыка» тут не срабатывает...

А другого научного подхода к изучению незнакомой мне технологии я не знаю.

И хотя квадратики отличались по цвету, и были разделены на отдельные группы, но система мне была непонятна. Думаю, что с этим разбираться ещё и разбираться. С бухты барахты такие задачки не решают. Надо поискать учебные программы или что тут у них вместо этого...

Я убрал руки с «клавиатуры». Квадратики погасли. Передо мной снова серебристая матовая пластина.

Внезапно я ощутил ментальный толчок и снова возникший голос в голове:

— А мне понравилось. Я — красивая. Ты молодец!

— Инга! Я тут попытался разобраться...

— А с этим что ли? Да там ничего интересного. Просто смотрелка и всё...

Мы снова приблизились к столу, руки под её контролем быстро пробежалась пальцами по «клавиатуре», и «экраны» на стене внезапно засветились. На них были показаны спальные помещения и другие отсеки. Всего было примерно штук шестьдесят экранов. Примерно с десятков из них не светились.

— Ты как это всё освоила? Я даже со своим умением пользоваться компьютерами из будущего, и то не смог толком разобраться.

— А... Это и есть компьютер. Только у них совсем другая система. Она основана на других принципах, и с земной технологией у неё нет почти никаких совпадений.

— Очень похоже на видеосистему слежения из будущего, но не совсем так, как у нас там. И эти символы незнакомые...

— Я же тебе говорила уже, что просидела под колпаком почти всё время.

— Под каким, на хрен, колпаком? Постарайся поподробнее объяснить! Иначе мне ничего не понятно.

— Я не знаю, как там это всё называется. Но я его для себя назвала обучающий колпак.

— И где он, этот твой обучающий колпак?

— Не здесь. Пойдём, покажу!

Через несколько комнат, я увидел нечто, больше всего напоминающее гибридный стоматологический кабинет с женской парикмахерской.

Кресло было как у стоматолога, а сверху колпак, как в парикмахерских, под которым дамам волосы сушат и какие-то хитрые причёски делают. Но колпак не глухой, как ведро, а сделанный из отдельных тонких металлических полос и всяких разных проводков.

Вот лично я сразу бы не рискнул, без раздумий и тщательных проверок, плюхаться на это удобное кресло и надевать на голову неизвестный, но явно электрический прибор. Видимо у Инги инстинкт самосохранения либо отключился, либо и не работал никогда. Слабоумие и отвага — вот наша главная сила... А ещё шило в *опе — это наш жизненный стержень.

— Сам дурак! — услышал я ответ в голове. — Принцип почти такой же как и на корабле, на котором мы сюда с Малышом прилетели. Так дед нашему Малышу мнемoproграммы обучающие загружал. Ничего особенного...

— Меня, наверное, там не было. Потому что я такого в упор не помню, а ты мне, видимо, и не рассказала подробно. Ты никогда не заостряешь внимания на подробностях, а я потом не могу ни в чём разобраться.

— Ну, извини. Так много всего происходит, и всё так быстро... Я даже сама не успеваю запоминать, что я тебе рассказывала, и что ещё нет. Ты лучше сам попробуй. Накачаешь себе новых знаний. Станешь умным-умным. Мы тогда тут реально со всем разберёмся.

— Но не сейчас... Инга! Мне пора. Я должен уже вернуться обратно. Ты же тут месяц сидела в этом колпаке. А там за это время прошло около недели. Меня там скоро начнут искать в этой санатории.

— Да, кстати, ты так и не рассказал до конца историю про то, как тебя убивали.

— Вот видишь, что бывает, когда не всё рассказывают. Ты мне тоже ничего подробно до конца не рассказала. А я так чувствую, что уже пора назад. Ты там, когда была, было темно ещё?

— Ну, я там была-то всего пару минут. Да, было темно...

— Ясно. А здесь минут двадцать прошло не меньше. Ладно. Слушай дальше. После того как меня ножом в шею пырнули, я сумел вырубить ударом в нос, эту несостоявшуюся убийцу. Потом я сам себя немного подлечил. Кровь перестала течь, горлышко слегка в порядок привёл... Полоскал лимонадом и сплёвывал кровавые сгустки... После этого я переделал труп убийцы в свою одежду, посадил её за руль, облил бензином и столкнул в пропасть. Так что ни Маши Левиной, ни Инги Котти там больше нет.

— Ты думаешь, что её труп примут за наш?

— С виду она была слегка похожа на меня, когда я там тело подкорректировал. Рост, габариты, даже цвет волос. Всё очень похоже... А ещё я обрезал ей рыжие волосы покороче. Если сильно обгорит, то могут принять за наше тело.

— А почему рыжие-то? Ты же там сейчас светлый, почти что белый, как и раньше у меня было.

— Это сейчас. А тогда на второй армянской свадьбе я был рыжим, ну и она тоже.

— Ясно. А потом что было?

— А потом я уехал в город Гагры. Это в Абхазии. Представился в райкоме внучкой члена ЦК КПСС и поселился в санатории для партийных работников.

— И тебе там поверили?

— Я был очень убедителен. И дополнил свои слова ментальным посылом...

— А-а... Понятно... Ну и что дальше будешь делать?

— Ну, ещё дней десять там отдохну. Потом рвану в Армавир, навестить тётю Наташу. Буду налаживать жизнь как Саша Котова. Я же уже сейчас живу по этим документам.

— Всё ясно.

— Кстати... Инга! Вот смотри! У нас с тобой получилось разделиться. Ведь пока ты была там, в своём теле совсем одна, я оставался здесь, будучи Мальшом. Кстати, он реально больше не откликается. А тебе он хоть как-то отвечал? Хоть какой-то намёк на его присутствие был?

— Нет. Совсем ничего... Я боюсь, что его мозг больше не сможет откликнуться. Бабушка говорила, что у него были сильные повреждения части головного мозга ещё тогда несколько лет назад, во время аварии космического корабля его родителей.

— Но он же потом чего-то соображал... И с нами он общался... И на охоту вы ходили...

— Похоже, что это было только с нашей помощью. С твоей помощью и с моей. И мне кажется почему-то, что твоя помощь была более весомой. А вот тут столкнувшись с сильным импульсом на входе, он снова погас. Я не знаю, получится ли у нас снова его разбудить или нет.

— Значит, если я останусь здесь, то ты сможешь оставаться там? Будешь одна жить на Земле, как Саша Котова с тётёй Наташей в Армавире. Способность лечить у тебя должна сохраниться. Хотя...

— Хотя что?

— Послушай!.. А почему, если Малыш отключился, у нас продолжают по-прежнему оставаться способности к лечению... Магический источник — это же у нас от него появился?

— Я уже интересовалась этим и раньше. Источник есть почти у каждого землянина. Особенно у тех, у кого сохранилась древняя кровь.

— Но ты же мне говорила, что ты не наследник.

— Это совсем другое. Древняя кровь или её следы могут быть у многих. А наследников раз-два и обчёлся...

— Значит, источник у тебя сохранится?

— Выходит что так. Когда мы попали в разум Малыша, то мой источник там, на Земле пробудился. А с тобою вместе сила его стала только больше. И здесь у Малыша, именно из-за тебя всё восстановилось поначалу. Может, если ты с ним тут останешься надолго, он снова проснётся.

— А ты там справишься одна без меня? Ведь, я так понял, что кто-то один должен находиться здесь неотлучно.

— Ага. Справлюсь...

— И ещё одна мысль у меня не даёт покоя... Перемещаться туда-сюда можешь только ты? Ведь у меня оттуда не получалось сюда переместиться, пока ты меня не забирала. А ты легко и туда, и оттуда...

— А ты попробуй сам сейчас отсюда туда попасть!

Я попробовал. Напрягся. Представил себя в своём номере со всеми удобствами, в цековском санатории «Грузия».

* * *

И не заметно для себя, я внезапно оказался именно там, в своей кровати, в своём номере...

А за окном было уже светло. Но утро было совсем ещё раннее. Я решил, что спать мне больше не хочется, и решил сходить на пляж и окунуться до завтрака.

Взяв с собой лишь полотенце, налегке я спустился к пляжу. Народ там уже был, но совсем ещё мало. Было по утреннему свежо. Скинув одежду, и оставшись лишь в чёрном цельном купальнике со звёздами, быстро пробежался по волнорезу и нырнул в море. Долго плавать не стал, сразу поплыл в сторону берега. Но плыл не спеша, наслаждаясь приятной прохладой морской воды... Моё появление из воды не осталось незамеченным.

С самой дальней стороны закрытого пляжа ко мне приближалась девушка. И что удивительно, она целенаправленно шла именно в мою сторону, прямо ко мне. Что ещё привлекло моё внимание в ней? Да так... Ничего особенного... Просто...

Вы когда-нибудь встречали своих двойников?

Не дойдя до меня буквально пару-тройку метров, незнакомая мне, но так похожая на меня девушка остановилась и стала меня пристально с интересом разглядывать. Я с таким же интересом и не менее пристально разглядывал её.

Ну что я могу вам сказать... Перепутать нас с ней можно было, конечно, но... Но только лишь издали. И то, если при этом особо сильно не присматриваться.

Она была чуть-чуть повыше меня ростом. Плечи чуть-чуть пошире, да и в бёдрах было чуть побольше чем у меня. Грудь... С виду похоже, что размер в размер. Зато вот волосы — один в один цветом. И даже причёски похожи. Короткая, по плечи, и с чёлкой. Глаза как и у меня тоже зелёные, но её были чуть более тусклого оттенка.

Вот если это всё описывать как приметы для милицейского протокола, или для составления фоторобота... То по её приметам можно легко найти меня, а по моим приметам — её...

Так что если меня начнут тут за что-то ругать, а я этого не делал, то я теперь хотя бы буду знать откуда ноги растут...

А вот если поставить нас рядышком, то мы почти что не похожи... Я выглядел и моложе, и свежее что ли, а она чуть постарше, и как бы культурно выразиться... Вид у неё был немного такой вульгарный... Потасканный что ли... Да и по лицу её было уже заметно, что трезвость давно не является её образом жизни...

Наконец, приняв для себя какое-то решение, она протянула мне руку и представилась:

— Я — Сауле... Сауле Вилкайте.

Прибалтийский акцент был мягким, но заметным.

Я пожал протянутую мне руку и ответил:

— Саша... Александра Котова.

— Ты давно здесь отдыхаешь в этом санатории?

— Третий день уже.

— Но я тебя раньше совсем не видела.

— И я тебя тоже раньше совсем не видела.

— А купальник ты в «Альбатросе» брала?

— Нет. В «Берёзке», в той, которая в Москве.

— Ты из Москвы, да?

— Да. А ты откуда?

— Клайпеда. Это Литва.

— Да я знаю, где находится этот красивый портовый город. Имя у тебя красивое. А в сочетании с фамилией, звучит примерно, как «Волчье Солнце».

— Tu kalbi lietuviškai? (Ты говоришь по-литовски?)

— Ne. Aš mažai kalbu lietuviškai. Aš rusas. Pakalbėkime rusiškai! (Нет. Я плохо говорю по-литовски. Я — русская. Давай общаться на русском.)

— Zmogui, kuris nekalba gerai lietuviskai, tu per taisyklingai tari lietuviskus zodzius. (Для человека, который плохо говорит по-литовски, ты слишком правильно произносишь литовские слова.)

— Prašom kalbėti rusiškai! Aš nesuprantu. (Говори, пожалуйста, по-русски. Я не понимаю.)

— Ты очень похожа на литовку. И на меня тоже очень похожа. Я смотрю на тебя как

будто в зеркало...

— Ты тоже очень похожа на меня. Но я русская. Возможно мой папа — немец, но это только всего лишь семейная легенда.

— Откуда ты так хорошо знаешь литовский язык?

— Да я не знаю почти ничего. Так. Совсем чуть-чуть... Всего лишь несколько слов.

— Ты очень хорошо эти несколько слов складываешь в предложения. Даже было похоже, что ты знаешь весь язык.

— Ну это примерно как на вопрос: Do you speak English? Ответить на чистом английском: No, I do not speak English. И при этом больше ничего по-английски не зная.

— А ты смешная.

— По-русски было бы правильнее сказать: А ты — весёлая! Смешная — это та над кем смеются или насмеваются. А весёлая — это та с кем смеются вместе. Ты же не хотела меня обидеть этими словами?

— Нет. Зачем мне тебя обижать? Ты мне нравишься. Мне тут было скучно одной. Кругом тут одно старичье...

— И давно ты здесь скучаешь?

— Неделью уже. Деньги почти совсем кончаются. А мне скоро надо будет ехать домой.

— С кем ты вчера бухала?

— Бухала? Что это значит?

— Бухать — это значит много пить алкоголя.

— А-а... Эти грузины... Грязные животные. У них вино, как сок. Пьёшь — сначала хорошо, а потом ничего не помню.

— Тут скорее абхазы, а не грузины.

— Да какая разница?

— Ну, это как литовцы и латыши, или эстонцы и финны. Для грузин тоже нет никакой разницы.

Сауле смеётся. Смех у неё тоже какой-то вульгарный. Она мне уже не нравится. Но её компания, возможно, поможет мне скрасить одиночество моего отдыха в этом партийном санатории. Лишь бы только вместе с ней не влипнуть в какую-нибудь неприятную историю. Пить вместе с ней я точно не собираюсь...

— Ты сюда как попала из Литвы?

— Дедушка путёвку пробил.

— Мне тоже дедушка... А приехала ты на поезде или самолётом летела сюда?

— Ты не поверишь...

— Ну почему же. Я сама порой делаю непредсказуемые вещи и совершаю необдуманные поступки. Так что я могу поверить во что угодно. И если ты хочешь меня чем-то удивить, то давай, начинай!

— Я приехала сюда на мотоцикле.

— Обалдеть! Вот это круто! А ты меня смогла реально удивить... Я бы тоже не отказалась прокатиться.

— Ты ничего не понимаешь... Две с половиной тысячи километров сидя на *опе. У меня там теперь мозоль размером с футбольный мяч.

Да... Действительно... Об этой стороне путешествия на мотоцикле я даже не подумал.

— Это ты поэтому, небось, неделю уже пьёшь.

— Ну да... До этого я почти неделю ничего не пила. Всё ехала и ехала... Этот Альгис...

— Ты не одна что ли ехала? С парнем?

— Нет. Этот Альгис... Rupižiukas... Он продал мне эту «Паннонию».

— А Рупужукас — это фамилия у него такая?

— Нет. Это я его так обзываю. А rupižiukas — это сын жабы...

— Лягушонок?

— Нет. Жабёнок.

— В русском языке такого слова нет.

— А у нас есть...

— И что у тебя не сложилось с твоей поездкой?

— Я думала, что буду очень хорошо смотреться на мотоцикле. Специально для этого у меня есть кожаный костюм и шлем. Всё чёрное. Чёрный мотоцикл и я такая, вся в чёрной коже. А потом оказалось, что на юг приехала грязная и пыльная дура, с мозолью на *опе.

— Хоть мотоцикл-то не подвёл тебя по дороге.

— Нет. Мотоцикл в порядке. Я теперь не в порядке.

— Ну, так продай его тут и обратно сможешь самолётом полететь.

— Это не так просто. У меня есть только доверенность. Лень тогда было переоформлять. Альгис сказал, что проблем не будет... Но проблемы... они есть. Я могу его продать, но за копейки, как совсем без документов.

— А за сколько ты его брала?

— За пятьсот рублей.

— А грызуны сколько предлагают?

— Кто?

— Грузины местные...

— Только двести рублей... И они ещё торгуются... Говорят, что двести рублей это много...

— Совсем они охренели что ли? А ты можешь мне показать свой мотоцикл?

— Могу... Прямо сейчас... Пойдём со мной! Увидишь моего коня...

Пока я одевалась в своё, она сходила за своими вещами. Наверное, со стороны мы с ней смотрелись, как две сестры. Она типа постарше, а я помоложе. На нас даже стали оглядываться аборигены местного пляжа... Но мне это внимание было по барабану... Сейчас все мои мысли были о мотоцикле... Паннония... Это же была моя детская и несбывшаяся мечта. Из той, из прошлой жизни...

* * *

Мотоцикл стоял позади санатория в отдельном сарайчике. У Сауле даже был свой ключ от замка к этому мотогаражу. Она открыла навесной замок и распахнула двери...

Мотоцикл впечатлял. Чёрный, блестящий, хищный. Я хорошо помню «Явы» и «Уралы» этого периода. Но такую красивую «Паннонию» я либо давно не видел, либо никогда не видел.

Я влюбился в него. Это была любовь с первого взгляда.

Кто сказал, что такой любви не существует? Это было как электрошок! Как удар молнией! Я влюбился в него сразу. Такой красавчик, особенно для этих времён.

Я его уже хочу! Хочу, хочу, хочу!

Но... Тс-с-с...

Самое главное — это не показывать Сауле этого моего активного хотения. Это же и на цену повлияет, и всякие дополнительные плюшки мне встанут гораздо дороже.

— А вещи свои ты куда привязывала, когда ехала?

— Зачем привязывать? У него сзади есть два кофра. Они как раз сделаны для вещей. Но они у меня там, в номере лежат.

Дорожные кофры? Такое я только в будущем видел. У крутых байкеров. Видимо в Прибалтике и сейчас Запад ближе, чем на остальной территории СССР.

Я залез на сиденье, взялся за руль... Блин. Я его хочу. Но...

— Крутой байк! Я бы купила у тебя его, но у меня прав нет.

— А за сколько бы ты купила?

— Ну, если бы у меня были права. То рублей за четыреста взяла бы точно. За пятьсот я и в Москве такой куплю, и даже не хуже, а совсем новый.

— Это да... Но я хотела бы за пятьсот...

— У меня всё равно нет прав с нужной категорией.

— А это всё можно решить...

— Это как?

— У меня есть водительское удостоверение, и там есть открытые категории и на мотоцикл, и на легковую машину. Я могла бы сделать все категории. Но зачем мне грузовик или автобус? Смотри! Я даю тебе свои документы. Ты же так на меня похожа, что никто не поймёт разницы.

— А ты как же потом?

— А... Это вообще ерунда. Когда я вернусь домой в Клайпеду, то скажу, что потеряла их

и сделаю снова. Не проблема...

— А если я потом его в Москве продать захочу. Я же не смогу этого сделать?

— Не переживай! Я отдам тебе и свой паспорт. Там адрес. Если захочешь продать, найдёшь меня. Могу дать и телефон свой, но это телефон родителей. Они не всегда знают, где я. Лучше я дам тебе телефон Альгиса. Скажешь, что от меня... Он приедет и поможет тебе всё переоформить.

— А как же ты без паспорта домой вернёшься?

— Это не проблема... Поеду на поезде. Там документы не нужны. Но у меня ещё есть и заграничный паспорт. Я хотела на теплоходе в Турцию попасть, но оказалось, что визу надо было заранее делать... Я этого не знала... Очень расстроилась...

— Ну-у... В принципе, я не против... Но... А снарягу свою покажешь?

— Снарягу? Что это?

— Ну, этот твой кожаный костюм... И всё остальное, в чём ты ехала. Шлем же ещё нужен.

— Всё это у меня есть. Пойдём, я тебе всё покажу!

Закрыв железного коня в сарайчике на висячий замок, мы двинулись в направлении главного входа.

— А ты пока ехала, сколько раз в разных городах останавливалась? Ты там в гостиницах жила?

— Да. Очень много раз. Я про эти клоповники даже не хочу вспоминать...

Оказалось, что живёт эта Сауле на моём же этаже, но в противоположном крыле здания. В номере у неё был бардак, и пахло пролитым пивом или вином. Я так и не понял чем, но воняло противно...

Кожаные кофры явно были сделаны либо за границей, либо по заграничным образцам. Всё стильно так... Чёрная кожа, заклёпки... Обалденно! Я как будто попал снова в будущее, так как эта сбруя скорее напоминает оснащение будущих байкеров, а не советских мотоциклистов. Разве, что привычный по внешнему виду закрытый шлем «Интеграл» отсутствует, а вместо него кожаный, но тоже стильный. Хотя это скорее — ретро-стиль. Больше напоминает лётный шлем времён второй мировой войны.

Пока я примерял на себя кожаную амуницию, Сауле уже нашла где-то бутылку вина. Девушка выдернула торчащую наполовину пробку и стала пить прямо из горлышка мелкими глотками.

Бутылка была наполовину пуста, ну, или наполовину полна. Это уж кому как нравится. Но к концу моего косплея под байкершу, бутылка была уже совсем пуста. А у Сауле был вполне довольный вид. Похоже, что ей в принципе было всё равно, продаст она сейчас мотоцикл или не продаст.

Мне подошло абсолютно всё. Кожаный костюм представлял собой обтягивающие кожаные штаны. Странно, но несмотря на то, что внешне Сауле смотрелась пошире в бёдрах, на мне штаны тоже сидели в обтяжку. Куртка-косуха чёрной кожи, причём женская, судя по застёжке на левую сторону. Кстати шлем был тоже и чёрный, и кожаный. Похож, конечно, на военный образец, но точно не военный. Его недавно сделали. Похоже, что тот же мастер, что и кофры клепал. В придачу к шлему шли лётные очки, как у пилотов.

Но апофеозом всего этого великолепия, были перчатки с крагами и высокие ботинки на шнуровке. Не берцы, а круче и выше. Всяких лейблов я не обнаружил, а это значит, что и их на заказ делали. Размер мне был чуть-чуть великоват. Но учитывая, что я мерил на босую

ногу, то с носком думаю, будет в самый раз. А не хило так Сауле была упакована...

Мне захотелось сразу же обновить свой гардеробчик, да ещё и на новой байке, потому что пешком в такой сбруе на южном курорте будет жарковато.

— Я вижу, что тебе понравилось. Могу всё это тоже продать тебе. Я больше не хочу быть мотоциклистом. Да... Никогда...

— И сколько хочешь за всё вместе?

— Вместе с мотоциклом?

— А, да, кстати... Покажи права! Хочу на свою будущую фотографию взглянуть...

Сауле достала откуда-то документы, и стала мне показывать паспорт и права. Была ещё и доверенность, но я даже не стал её разворачивать.

Вместе с документами я отправился к зеркалу и убедился, что фото в документах и я вполне похожи друг на друга. А тем более на трассе никто не будет слишком уж вглядываться в фотку. Там блондинка и тут блондинка. Сойдёт... Только на фото у Сауле были волосы не как сейчас, а ниже плеч. Но я думаю, что перед поездкой смогу это всё легко исправить.

— Ну, так сколько с меня будет за всё? — этот вопрос меня волновал мало, так как я уже решил, что возьму этот мотоцикл несмотря ни на что... Но не поторговаться, значит уронить себя как покупателя, и проявить слишком активный интерес к покупке.

— Тебе за тысячу всё отдам.

— Это получается, что за мотоцикл четыреста, а за костюм шестьсот?

— Я больше отдала.

— У тебя здесь мотоцикл за двести не берут. А костюм надо ещё найти, кому такой здесь продать. Ты видела, как их тётки тут одеваются? Платки да кофты с юбками. Им не продашь. Повезёшь обратно в Литву на поезде?

— А сколько ты дашь за всё? — в глазах у прибалтийской девушки появился огонёк азарта...

— Семьсот за всё сразу.

— Давай за восемьсот.

— Семьсот пятьдесят и по рукам. Договорились?

— И вечером мы с тобой пьём вместе?

— Я не пью, Сауле. Я спортом занимаюсь.

— Каким?

— Гимнастика и акробатика.

— Ладно... Договорились. Бери всё. Деньги у тебя наличные или на книжке?

— Наличные. Но потом на жизнь, придётся в сберкассу идти снимать. Последнее отдаю...

— Ты всё мне врешь. На последние деньги такое не покупают. На последние деньги берут вино или хлеб.

— Ладно. Ты права, конечно... Сейчас схожу за деньгами. А ты мне потом ключи отдашь от мотоцикла и от этого сарая. Куда потом его сдавать, когда уезжать буду.

— Администратору отдашь. Они знают, что там мой мотоцикл.

— Только давай мы ещё расписку напишем, что я купила у тебя мотоцикл.

— Ты мне не веришь?

Я посмотрел ей в глаза и добавил немного энергии:

— Я никому не верю...

Пустые кофры я забрал сразу. С ними я теперь долго не расстанусь. Сходя в номер за деньгами, я заодно переоделся в своё. Джинсы, босоножки и рубашка с пальмами. В коже ходить просто так жарковато. Но на мотоцикле в дороге кожа самое то... Я знаю, что это хорошая защита от встречного ветра. И не только зимой, но и летом может так продуть, что мало не покажется...

Вернувшись в номер к Сауле я рассчиталась, и получила уже готовую расписку со всеми документами, плюс два комплекта ключей. Глянула в паспорт. Оказалось, что ей уже исполнилось девятнадцать.

Да-а... Расту не по дням, а по часам, подумал я про себя.

Было Инге тринадцать с небольшим.

По документам Саша Котовой мне уже почти шестнадцать.

По левым документам Маши от Саркисова мне было уже восемнадцать.

А вот теперь я буду Сауле Вилкайте из Клайпеды, и мне уже исполнилось девятнадцать лет.

На завтрак Сауле со мной идти не хотела, но я заставил её дойти до администратора, и объяснить ситуацию с продажей мотоцикла. Тётка смотрела на нас так пристально, что аж мурашки по спине ползали.

— Мы не сёстры. — тщательно выговаривая слова, пояснила Сауле администратору, — Мы просто очень похожи. Так мы и познакомились. А я слишком устала, когда ехала на мотоцикле сюда. Теперь уставать будет она, когда поедет на мотоцикле отсюда...

Тётка кивнула, но явно ей это было всё равно. Её больше забавляла наша похожесть. Ну, прям индийское кино какое-то из двух серий. Зита и Гита, советского разлива... Хотя вроде бы этот фильм ещё и в самой Индии не сняли^[7].

Ну и ладно. Пора мне и на завтрак. Есть уже очень охота, а моё утро уж слишком сильно было наполнено событиями...

На завтрак я успел почти к самому окончанию, но зато успел спокойно посидеть поесть в одиночестве, заодно обдумывая, что же мне делать дальше. Сидеть здесь в санатории и мучиться от тупого безделья? Или продолжать посещать пляж и другие водные процедуры, с ночными полётами на Заповедную планету? Заняться там исследованием того, что мы с Ингой раскопали....

А может рвануть по стране на своём новом байке? Заехать к тёте в Армавир? Окончательно залегендироваться, как Александра Котова и подготовить почву, для полной легализации, с получением всех соответствующих документов... Пойти поучиться в школу... Ведь у Сашки только восемь классов образования. А неплохо бы и десять классов закончить. Хотя учиться совсем не обязательно. Можно попробовать и экстерном сдать все экзамены... Не так уж это и сложно... Наверное...

А может рвануть на новом мотоцикле в Новошахтинск и замочить там Чикатило? Хотя на него чтобы выйти у меня есть только одна временная точка. Это середина августа. Он тогда должен будет устроиться учителем в местный интернат для девочек. Эта скотина там сперва их тискать начал... За что его потом и попросили «на выход»... Это потом уж он начал резать и убивать... Надо бы его устранить до того, как он начнёт свой кровавый путь...

Был такой старый анекдот:

«Давно это было. Ещё во времена паровозов...

Попал мужик под поезд... Долго лежал в больнице. Лечился... Вылечился... А потом пришёл в хозяйственный магазин и стал молотком крушить и плющить чайники. Особенно тем, которые имели „свисток“ на носике...

Его, конечно же, скрутили. Ну и милиционер спрашивает:

— Гражданин! Зачем Вы это сделали?

На что наш бедолага ему ответил:

— Не надо ждать, когда они станут большими паровозами. Их надо убивать. Пока они маленькие...»

Не смешно... Правда? Вот и я так думаю...

Почему-то вдруг немного взгрустнулось... Вспомнились друзья, оставшиеся там, под Туапсе, в милицейском санатории... Натан с Вадимом... Братья Волковы... Витя... Серёжка...

Наверное, я всё таки сделал о*уительную глупость. Не надо было так кардинально поступать с этой крашенной дурой. Оставить на шее небольшую рану... Связать Ирину, да и отвезти её в милицию... Или сразу к товарищу Саркисову... Всё равно эта сучка отмазалась бы от уголовного наказания. У неё там тоже какой-то крутой папашка в партийных верхах местного значения. Не дал бы доченьку в обиду... Но зато на какое-то время ей бы заткнули ротик, да и я смог бы поиметь с этого инцидента кое-какие репутационные плюшки для себя любимого... Да... Поторопился я слегка...

У меня, конечно, есть оправдание, что действовал в состоянии аффекта. Да и организм мой был серьёзно ослаблен большой кровопотерей... Но теперь уже поздно об этом вспоминать, так как: Фарш невозможно повернуть назад... Да и хрен с ней...

Трудно быть добрым в мире безжалостном.
Учит нас Бог: Говорите «Пожалуйста!»...
И если ударят по левой щеке,
Правую вражьей подставьте руке!

Вроде всё верно, но мне не понятно.
Пусть мне расскажут отчётливо, внятно:
Я буду щёки врагам подставлять,
Чтобы могли они в них ударять?

Я не согласен с таким наставленьем:
Шоу с щеками и их подставленьем.
Может я грешник, но морды врагам
Смело набью. В том числе по щекам.

Трудно быть добрым. А я и не буду.
Тех, кто ударил меня, не забуду.
Ну а грехи? Пусть рассудит нас Бог:
Каждый себя защищал, кто, как мог.

* * *

Жаль только, что нельзя выйти на связь со своими... Успокоить их как-то. А то не дай бог инфаркт какой у Натана приключится...

Да и Серёгу с Виктором нельзя бросать. Опять на ум приходит банальная истина: «Мы в ответе за тех, кого приручили!»

А я их действительно приручил. И приучил к более-менее нормальной жизни. По крайней мере, постарался это сделать.

Ведь покатаются теперь братишки по наклонной. Сгоряча ещё натворят чего непотребного... Как бы я им хуже не сделал, показав кусочек хорошей жизни. Вдруг захотят продолжить, а способов для добычи средств на это, кроме уголовно-наказуемых нет... Лучше бы я и не начинал их перевоспитывать... Сами по себе они бы не натворили столько, сколько теперь могут натворить...

Надо будет потом издали понаблюдать за ними. Может, через кого-то удастся им как-то помочь. Хотя бы поддержать материально.

Может притвориться призраком. И являться в вечернем сумраке, доводя до них умные мысли о том. Как надо жить и как жить нельзя...

Смешно... Быстро раскусят... Они же все марксисты-материалисты и в мистику не верят по определению...

Хотя... Вон Натану же я смог наплести всякой псевдорелигиозной чепухи... Теперь даже немного жалею об этом. Как бы он снова не стал погибаться от своей неизвестной болезни...

Кстати, почему неизвестной? Депрессия... Или как там её ещё зовут... Тоска? Ну. да...

Особенно у нас на Руси прижилась эта сволочь. Так и называется — «Русская тоска». Сидит вот мужик и пьёт горькую, как не в себя, аж в три горла.

А спросишь его: Ты отчего пьёшь то?

А он и не знает чего ответить. От тоски, наверное... От того, что нельзя исправить то, что натворил по глупости...

Может и мне сейчас тоже... Это самое... Пойти вон, найти Сауле, да и нажраться с ней до поросячего визга... Может полегчает. А то как-то уж больно муторно на душе...

Нет. Опять вляпаюсь в какую-нибудь каку. Убью кого-то по пьяни. А потом...

Надо следить за собой! Хватит... Уже хватит творить беспредел...

* * *

Вот вечно у меня так... Сначала делаю, а после думать начинаю... Раньше за собой таких косяков крупных и не замечал вроде бы...

Неужели это организм Инги, с его гормонами и феромонами, толкает меня на скоропалительные действия? И вот как мне во всём этом разобраться?

По уже давно заведённой традиции, я решил, что подумаю над всеми этими вопросами и проблемами завтра. А на процедуры сегодняшнего дня я попросту забил. Вот не хочу и не пойду. А что они мне сделают? Дедушке жалобу напишут с претензиями, что внучка в престижном санатории плохо себя вела?

Ой. Не смешите мои тапочки! Какому, на хрен, дедушке? Хотя... Пусть так и пишут, прямо в Москву: «На деревню, дедушке»... А про Москву и так говорят, что это очень большая деревня.

Я вернулся в свой номер и тупо завалился спать. Усталость почему-то накатила на меня со страшной силой. И с чего бы это вдруг?

* * *

Не успел прикоснуться головой к подушке, как в голове возник требовательный голос Инги:

— Где ты там бродишь? Я тебя жду, жду...

— Я-то здесь. У меня и времени-то прошло-то всего ничего. Часа три-четыре, не больше. А что случилось?

— Я тут уже неделю без тебя компьютеры осваиваю. Уже голова пухнет от этих новых знаний.

— И что ты тут такого нового освоила? — с иронией спрашиваю её я.

— Сейчас и ты освоишь. Пойдём быстрее! Не будем тратить время на лишние пустые разговоры.

Телом Малыша управляет Инга. Она идёт по коридору в сторону того самого кабинета с обучающим колпаком. По дороге я пытаюсь хоть как-то сопротивляться, но моя подруга настойчива и непреклонна.

— Ты там сейчас чем занимаешься? Важные дела есть какие-то?

— Да, нет, в общем-то... Решил просто поспать после завтрака. Устал чего-то... Сил

просто никаких нет. Вот только заснул... А тут ты... А ещё я с утра уже купил нам мотоцикл...

— Правда что ли? Ну, ты даёшь... Здорово. На нём потом поедем?

— Думаю да. А почему бы и нет... Не пешком же ходить?

— Я бы хотела ненадолго на Землю слетать. А то всё здесь, да здесь. Мне эти стены уже вот где стоят... — мысленно она провела ребром ладони по горлу...

— Ну, слетай на Землю...

— Мне там чего делать и чего не делать, чтобы никто не заметил подмены? Как там надо себя вести? Ты же там уже общаешься с кем-то.

— Постарайся просто поспать. А то у нашего тела там уже синяки под глазами от усталости и недосыпа... Ну, а если будут стучать в дверь и куда-то звать, скажи, что на солнце перегрелась, и до обеда будешь лежать.

— Хорошо. Так и сделаю...

— Да, кстати, может придти девушка очень похожая на нас.

— Это как это?...

— Рост почти такой же, цвет волос прямо как у нас... И глаза тоже зелёные... Фигура чуть-чуть совсем отличается... Вылитая ты, если издали смотреть. Но так-то она и постарше и, скажем так, ведёт не слишком уж порядочный образ жизни.

— Шлюха что ли?

— Инга!.. Ну... Не совсем так. Ну бухает с кем попало, ну шляется... Но это же не значит, что она сразу — шлюха... Скажем так... не слишком разборчивая девица... Это да... но... Ладно. Вот с ней куда не ходи и вина не пей.

— Саша! Хватит уже со мной разговаривать как с маленькой. Я просто пошлю эту с...

— Нет. Ни в коем случае не надо этого делать. Я же у неё купил и мотоцикл, и снаряжение. Там такой крутой кожаный костюм... Тебе точно понравится. А она... Ну, что с неё взять? Просто глупая избалованная девица, которой скучно отдыхать среди партийных функционеров в этом санатории. Но она, скорее всего, не придёт. Я ей денег за мотоцикл уже все отдал. Много денег. Она опять бухать будет. Ей этих семьсот пятидесяти рублей надолго должно хватить... Хотя... Она та ещё транжира, скорее всего... Ну, да ладно... Хрен с ней! Просто ты не выходи из номера, а перед обедом возвращайся сюда и поменяемся.

— Вот! Садись! Устраивайся поудобнее, и постарайся расслабиться!

— А больно не будет?

— Не бойсь! — колокольчиком раздаётся смех Инги в моей голове.

— Ну, тогда ладно. А что хоть будет?

— Сначала будет сканирование.

— О! Ты уже знаешь это слово?

— Саша! Я много всяких слов уже знаю. Не доводи меня до того, чтобы я вспомнила самые матерные. Ты не отвлекайся! После сканирования у тебя восстановится вся твоя память о прошлой жизни. Ты вспомнишь всё до мельчайшего мгновения, и больше уже не забудешь никогда.

— А на фига мне это надо?

— Ну... Так надо, короче... Я сама не знаю точно, но чтобы загрузить что-то новое, надо систематизировать всё старое... Как-то так.

— А голова от перегрузок не лопнет?

— Не лопнет! Молчи! После того, как произойдёт сканирование, сразу же начнётся

загрузка знаний. Сначала азы. Алфавит и всякое прочее. Это совсем не сложно. После этого стандартные языки...

— Их много?

— Достаточно. Ладно... Хватит уже болтать! Я пошла. А ты как только я уйду, нажмёшь вот здесь и здесь...

* * *

Исчезновение Инги я ощутил всем своим телом. Как будто лёгкий озноб пробежал по всему телу, а потом прошла волна тепла, и снова ощущение пустоты внутри.

Я устроился поудобнее в кресле, надвинул на себя конструкцию из переплетения металлических полос. Как там Инга его называла? Обучающий колпак... Сейчас посмотрим, что это за колпак такой...

Нажав нужные «клавиши», я закрыл глаза и приготовился к чему-то похожему на удары током перед входной дверью...

Но ничего такого со мной так и не произошло. Просто в голове стали мелькать какие-то картинки, мелькание ускорялось, вскоре отдельные картинки превратились в сплошную ленту.

А потом лент стало больше... Они сплетались в спирали, образуя различные фигуры, всё время двигаясь и перемещаясь. Даже возникло небольшое головокружение, что-то типа вертолёта с похмелья. Но это быстро прошло.

Я всё время куда-то падаю, но падение длится так долго, что приходит состояние невесомости. А потом...

А потом всё... Нет больше ни меня, ни кресла подо мной, ни окружающих стен... Ничего нет.

Наверное, это похоже на космос... Полное отсутствие чего бы то ни было вокруг. Темнота, окружающая меня, это не просто отсутствие света. Это отсутствие всего.

Нет ни света, ни тьмы.

Ни звука, ни тишины.

Нет ни холода, ни тепла.

Абсолютное ничто...

И я проваливаюсь в это абсолютное отсутствие всего.

Да и себя я уже не ощущаю собой. Меня как будто бы нет в этом мире. Я лишь мельчайшая единица измерения информационной программы. И присутствие или отсутствие этой единицы на работу программы абсолютно не влияет.

Есть я, нет меня, мир не изменится ни на йоту от этого. Мир не станет лучше или хуже, если я исчезну. И ничего с ним не случится, если я буду присутствовать в этом мире.

А весь этот мир — это множество множеств всевозможных миров с их развилками и ответвлениями.

Мириады звёзд разлетаются от центра вселенной. Мириады звёзд летят им навстречу. А вокруг звёзд рождаются и умирают миры.

Но ничего из этого абсолютно не влияет на общую картину. Всё было так же задолго до... И будет так же ещё бесконечно долго...

Я растворился в этом абсолютном ничто.

Это было и начало, и конец всего...

И этого не было вовсе, как не было больше и меня...

* * *

— Просыпайся, соня!

— А! Что?

— Просыпайся! Тебе надо поесть. Сколько ты тут уже валяешься?

— Я не знаю... Сколько тебя не было?

— Ну... Часа три я точно там провалялась, а потом мне стало скучно. Никто не приходил. В дверь никто не стучал. Спать не хотелось. Новые вещи я все перемерила. Кожаный костюм очень крутой, но в нём жарко...

— Что-то мокро...

— Конечно... Я забыла предупредить. Надо было перед сеансом... это... облегчиться... А теперь надо мыться и переодеваться. Хорошо ещё, что тут полно сменной одежды...

— Сколько я здесь?

— Не знаю. Может неделю, может меньше...

— Я ничего не помню... Я ничего не понимаю. Ты говорила про знания. Но я ничего такого не понял. Я вообще ничего не понял...

— Подожди. Это чуть позже придёт. Сам не заметишь как. Но почувствуешь, что знаешь и помнишь больше чем раньше.

— Ясно... Почему-то чувствую себя разбитым и усталым.

— Вот иди и отдыхай в своём санатории. Пока!

* * *

Вот как у неё это получается?

Я моментально оказался лёжа в кровати в своём санатории. Ощущение сырости прошло. Но, несмотря на это, я пошёл и принял душ. И только после этого снова залез под одеяло и дрых без задних ног до самого обеда.

На обеде я умудрился разминуться с неразговорчивыми соседями по столику. Они уже выходили из зала, когда я позёвывая с заспанным лицом вошёл туда...

Полная женщина с красным лицом посмотрела на меня очень неодобрительно. А её муж старательно делал вид, что меня не замечает, но при этом скосил глаза, рассматривая нижнюю часть моей фигуры.

Ну и ладно... Мне с ними детей не крестить. Переживу как-нибудь...

Сауле на обеде я не заметил. Похоже, что получив от меня денег, она снова ушла в пике. Если тратить разумно, денег на выпивку её надолго хватит. Но боюсь, что разумности ей явно не хватает.

После обеда я всё-таки добрался до процедур. Душ Шарко меня окончательно взбодрил.

И я решил сходить на пляж.

На пляже было шумно. Народу после обеда было много. Все зонтики были заняты. Я прошёлся по каменистому пляжу, выглядывая своего почти двойника. Но Сауле нигде не было. Уж её светлую голову, я бы заметил на все сто процентов. Жаль, что при внешней светлости, внутри её головы прячется темнота...

Среди взрослых и пожилых отдыхающих, а особенно среди кавказцев разных национальностей, беловолосая молодая девушка очень заметна. Это я вполне ощущаю на себе.

Даже здесь на пляже, где люди полураздеты, я чувствовал себя абсолютно голым под маслянистыми взглядами горячих парней с усами... Не слишком приятное ощущение, скажу я вам...

Почувствовав себя не слишком комфортно, я решил, что на сегодня пляж отменяется.

Странно. Почему-то ещё вчера мне было по фигу на все эти взгляды. Неужели во мне что-то изменилось? Вряд ли... Скорее всего, сегодня просто настроение такое. Магнитная буря на солнце или ещё чего там...

А не сходить ли мне в город сегодня? Вроде бы не хотел. Но это было вчера. А что изменилось сегодня? Ничего особенного не изменилось. Просто мне уже скучно... Да и засиделся я уже на одном месте... Кстати, какое сегодня число? Тридцатое июня. Следовательно, завтра уже первое июля.

Сразу вспомнился советский телефильм «31 июня», и цитата из него: «Впереди у нас длинный лунный день... Тридцать первое июня.»

Но у меня нет никакого лунного дня впереди, и завтра первый день нового месяца. Дурацкая привычка, начинать что-то новое с понедельника или с нового года. Ну, или вот так — с первого числа следующего месяца.

Решено. Сегодня готовлюсь, а завтра сваливаю отсюда, причём стартую с утра, после завтрака. А куда ехать? Решу по ходу движения.

Я вспомнил один из своих любимых лозунгов прошлого будущего:

«Нас никому не сбить с пути! Нам всё равно куда идти!»

Оказалось, что кофры на мотоцикле не такие уж и вместительные. Все мои вещи ну никак не хотели помещаться там внутри, как я ни старался... Пришлось мне изобретать «велосипед». Я приспособил ещё одну из своих сумок, закрепив её поперёк кофров. И у меня получился неплохой такой мягкий «валик» за спиной. Типа спинки сиденья...

Ну, что же... Так даже удобнее стало. Вот только теперь оставлять без присмотра, где попало, своё транспортное средство с вещами будет проблематично. Но я вдруг обнаружил, что кофры имеют возможность легко отсоединяться от мотоцикла, и в виде перемётной сумы, их можно таскать на плече.

Получается, что я легко смогу тормознув где-то у гостиницы, закинуть на одно плечо кофры, а на другое ещё одну свою сумку, оставить только мотоцикл. А мотоцикл потом можно и пристроить где-нибудь у милиции, для безопасного хранения. Так как пока что охраняемых платных стоянок ещё не придумали делать на всех углах.

Ну и хорошо. Что пока не придумали. И пусть продлится подольше это бесплатное парковочное время...

А то там, в будущем это будет очень сильно раздражать. Особенно то, что по старой советской традиции, когда цены на товары первой необходимости поднимали по просьбам трудящихся, в будущем платные парковки будут устраивать тоже по просьбам местных жителей. Хотя это, конечно же, нонсенс. А скорее всего, просто обман и профанация. Никто ни у кого ничего не просил и никто никого не спрашивал. Просто некие загребущие руки, чтоб им пусто было, хапают, аж в три горла, денег с простых обывателей, чтобы потом сидя там у себя наверху поплёвывать вниз на это немытое быдло... Это же так приятно собрать с миллионов граждан по рублю, а потом сказать им: Пошли нах. Платите за парковку!..

Но это всё будет потом, и не скоро...

А сейчас мне сначала надо выбрать маршрут, по которому я продолжу своё путешествие.... Самый «прямой» — это снова через Сочи и Туапсе.

А дальше на выбор: Либо через Шаумянский перевал и Майкоп, либо через Джубгу и Горячий ключ.

На Шаумянском перевале много участков без асфальта и со щебёнкой. А на дороге посыпанной щебёнкой, да ещё со множеством поворотов, я не удержу железного коня. Мотоцикл на такой дороге, хуже, чем корова на льду. Та хоть и падает, но не на скорости, и не в пропасть.

И есть ещё одно но... У меня нет желания снова проезжать по тем местам, где меня могут опознать даже в таком виде.

Слишком много народу со мной там уже познакомилось. А сколько есть тех, кого я не запомнил?

Ведь были же гости на свадьбе, с которыми я не общался. Зато они меня видели и уж точно запомнили.

Потом ещё и милицию нельзя сбрасывать со счетов. Когда мы с Ириной исчезли... Кто-то сгорел в машине. И я не знаю точно, кого опознали в сгоревшем трупе? Меня или её?

Есть, конечно, и другой вариант. Более длинный и не менее трудный. Через Тбилиси, Владикавказ и Нальчик. Хотя какой Владикавказ. Сейчас он, кажется, называется Орджоникидзе. Или я чего-то путаю?

Эх... Мой атлас автодорог остался там, в комнате дома отдыха МВД в Сосновом. Полезная была книжка. Может поискать здесь какую-нибудь карту?

Спустился вниз, спросил у администратора. Но у неё был только рекламный буклетик с картой всего Черноморского побережья Кавказа. Слишком масштаб неудобный. Отмечены только самые крупные города и курорты... Это я и по памяти мог бы восстановить, да и нарисовать точно так же смог бы...

Вот кто мне подскажет: Сколько мне ехать отсюда до Тбилиси, например?

Как будто что-то щёлкнуло в голове, и появилась нужная информация: *Расстояние от исходной точки до населённого пункта город Тбилиси — пятьсот двадцать километров.*

А... Вот как это работает... А сколько от Тбилиси до Армавира?

Расстояние от Тбилиси до Армавира — шестьсот двадцать километров.

Ясно-понятно. Если поднапрячься, то за день я доберусь до столицы Грузии, а к вечеру следующего дня буду уже и в Армавире. Но всё это при условии, что с мотоциклом всё будет в порядке и в дороге не возникнет никаких неприятностей. А ещё, вспоминая эмоциональные рассказы Сауле, про поездку на мотоцикле на дальние расстояния, если моя задница выдержит все кочки и ухабы местных дорог.

На всякий случай я всё-таки решил стартовать не после завтрака, а с утра пораньше. Я так реально выиграю лишних несколько часов с утра, а поесть найду где-нибудь по дороге. Вот именно так я и сделаю завтра...

Поэтому после ужина я решил лечь спать пораньше, чтобы выспаться перед поездкой как следует...

Но снова неугомонная Инга погнала меня на очередной сеанс обучения. Я пытался ей объяснить, что завтра с утра пораньше планирую стартовать в дальнюю дорогу на мотоцикле. Но моя вторая я была непреклонна.

— Я тут узнала, как синхронизировать наши восприятия окружающего. Но это происходит не в прямом эфире, а как бы в записи. Ты сможешь просмотреть, то что было у меня, а я то что было у тебя. промотать неинтересное и более подробно рассмотреть, то что считаешь важным... Но для этого нам нужен короткий совместный сеанс.

— Это как?

— Не переживай! Сейчас сам всё увидишь...

В кабинете вместо одного стояло сразу два кресла. И соответственно из стены торчало сразу две металлические «ноги» с «обучающими» колпаками.

— Инга! Я чего-то не пойму никак. У нас, что там, что здесь, на двоих с тобой всего лишь только одно тело...

— Да не заморачивайся ты на таких пустяках! — она взмахнула нашей общей рукой, и худенькая рука Малыша легко прошла через второе кресло. — Это кресло всего лишь иллюзия... Но так надо.

Я взял управление телом в свои руки и сделал то же самое. Рука свободно проходила сквозь кресло, хотя с виду оно совсем ничем не отличалось от настоящего. Оказалось, что второе кресло всего лишь видимость. Но очень отчётливая и почти что реальная. То ли голографическое изображение, то ли какая-то другая подобная технология.

— И для чего это всё надо?

— Смотри!

От тела Малыша внезапно отделилась яркая тень и стала Ингой. Но именно той Ингой из нашего прошлого. Я уже стал забывать, как выглядела та самая худая испуганная девочка,

которая обнаружила внутри себя сознание взрослого пришельца.

Да... Это та Инга, которая была такой год назад.

Боже мой! Всего лишь год назад, примерно в это же самое время я сгорел там, в будущем и переместился в это далёкое славное прошлое. Сколько всего уже произошло за этот год? А сколько всего произошло за последние два месяца?

События мелькают так быстро, что я не успеваю всё это даже просто запоминать, не говоря о том, что даже не пытаюсь всё это анализировать. Да... Надо бы уже притормозить... А то вдруг проскочу мимо какой-нибудь важности. А потом опять буду локти кусать от невозможности всё исправить... Ведь эти самые, как их там... Точки бифуркации... Тоже ведь не каждый день бывают... И их надо искать, ловить и пользоваться....

Блин. Чего-то меня опять не туда занесло. Надо собраться с мыслями, чтобы побыстрее тут отстреляться, и успеть ещё перед дальней дорогой отоспаться.

А все эти события, происходящие со мной и Ингой. Это же сущая фантастика... И хотя я абсолютно нерелигиозный человек, но воспринимаю это всё как должное... Хотя эти совершенно фантастические события, полёты на другие планеты, перемещения во времени и пространстве... Это же уму невообразимо... Но это есть. И надо просто принимать это как факт, а не усложнять всё, и не искать в этом всё каком-то высший смысл. Высшие силы? А есть ли они? Жизнь — это череда нелепых случайностей. Невозможно жить по заранее намеченному плану или по расписанию — это же будет просто тюрьма. Тюрьма внутри человека, когда его внутренние запреты и табу будут мешать творить большие и маленькие глупости... А ведь именно из них и состоит вся наша жизнь...

* * *

А тем временем голограмма Инги заняла иллюзорное кресло и сделала мне приглашающий жест. Я сел на настоящее кресло и нажал на нужные кнопки. Абсолютно не раздумывая над алгоритмом своих действий, я просто почему-то знал, куда и что надо нажать...

На этот раз никакого падения в ничто, не произошло. Просто я только лишь успел закрыть глаза, как получил сильный импульс, который казалось пронзил меня насквозь, от головы до пят. Не болезненный, как разряд электрического тока, а скорее неприятный, как удар слабым током.

— Всё. Вставай!

Передо мной стояла... или стояло изображение Инги...

— Тебе уже пора туда, обратно на Землю... Ведь уже прошло достаточное количество времени. Там уже утро, наверное...

— Какое утро? Мы же только что присели в эти кресла. Прошло не больше минуты.

— Ты всё время забываешь про время. А время такое непредсказуемое... Ну, что? Обнимемся на дорожку? — она распахнула объятия, но обняться нам не удалось, так как два тела тут же слились в одно.

— Инга! — я почему то был рассержен на эту девчонку, устроившую мне такое шоу.

— Удачи в дороге!

За окнами уже светало. С утра было довольно свежо. Я надел свои новые кожаные доспехи, и сложив все оставшиеся вещи в сумку, спустился к мотоциклу. Приторочив сумку поверх кофров позади себя, я выкатил блестящий чёрный транспорт из сарайчика.

Завёлся мой железный конь с первого раза. Не соврала мне Сауле. Мотоцикл был отлично подготовлен к поездке. Бак был почти полон. Я не спеша подкатив к главному входу в санаторий, ну и пошёл сдавать ключи... И от сарайчика, и от номера.

Администратор, видимо, только что проснулась. Она попыталась заставить меня снова подниматься наверх, чтобы сдать ей номер, как положено. Но я ей пояснил, что в номере всё осталось как есть, а если что, то меня она всегда сможет найти через секретаря райкома партии.

Сдав ей ключи, я оседлал «Паннонию» и покатил по направлению к Тбилиси.

И, кстати, денег за проживание, питание и лечение с меня так никто и не спросил. Ну а я и не настаивал. Значит у них так заведено. Главный принцип коммунизма такой: «Каждому по потребностям!». Выходит, что тут у них коммунизм уже наступил на отдельно взятой территории цековского санатория...

А я и не против... После покупки мотоцикла, мои финансы, сократились почти на треть... Эдак мне придётся скоро заняться грабежами на дорогах, что ли... Нет... Робингудинг на Руси — это себе дороже... Отнимешь у кого-то пять копеек, а посадят на всю катушку...

Надо бы вспомнить заветы Остапа Бендера и его четыреста почти честных способа отъёма денег у граждан...

Утро. Народу на пляже ещё совсем мало. Девушка в чёрном купальнике с очень светлыми волосами сразу же привлекает внимание редких отдыхающих. Она идёт к воде, но походка её неровная.

Один раз девушка даже оступилась и упала на песок. Смешно так встала на четвереньки, но снова поднялась, и вошла в воду.

— Пьяная, что ли? — спросил пожилой полный мужчина у своей жены.

— А ты что не слышал. Это про неё рассказывала женщина на процедурах. С тех пор как приехала сюда, ни одного дня не просыхала. Молодая шалава, шляется с местными. Иногда даже и не ночует в санатории. Гнать таких надо в шею. Не место таким в приличном учреждении. И как только она попала сюда, эта шлюха?

— Боюсь, что она сейчас утонет. Смотри, как неуверенно плывёт...

— Туда ей и дорога! — полная женщина с красным лицом, отворачивается в сторону от моря.

— Нет. Ты посмотри-посмотри! Сейчас она точно утонет.

Мужчина поднялся, порываясь устремиться к воде...

— Куда ты подскочил, старый кобель? Приехал сердце лечить, а всё туда же... Как молодую сучку увидел, сразу козликом скакать... Если будет тонуть, то спасатели на это есть. Тебя это не касается...

— Да где же они эти спасатели? А её уже и не видно.

— Чего?

— Всё... Утонула... Видишь? В море пусто... Никого не видно...

— Нда... Пойдём лучше отсюда. Мы ничего не видели. И нас тут не было...

Во время завтрака и после, они не встретили той беловолосой девушки, про которую ходили не слишком хорошие слухи по санаторию. О её «загулах» судачили медицинские сёстры во время процедур. Хотя, когда они встречались с этой девицей в столовой, она не производила вид эдакой шалавы. Но всё же... Люди же не будут зря болтать. Но соседка по столику в этот день, так и не появилась, ни на завтрак, ни на обед.

Об утреннем инциденте на пляже пожилая солидная пара никому не рассказывала. А через день они и вовсе уехали домой. Потому что путёвка у них уже закончилась.

Тело Сауле всплыло только на третий день, довольно далеко от пляжа санатория... Труп был сильно изуродован водой и морскими обитателями, но в крови ещё смогли обнаружить следы от большого количества алкоголя. Опознали тело лишь по светлым волосам, имея уже заявление от руководства санатория о пропавшей девушке с такими приметам.

В номере остались личные вещи, деньги и даже документ... Заграничный паспорт на имя Сауле Вилкайте. Сообщили родственникам. Прилетевшие ещё через день из Прибалтики родители, окончательно опознали в погибшей свою дочь. Зная о её образе жизни, они и не удивились тому, что девушка утонула в пьяном виде. Это было в духе поведения их избалованной дочери.

Про мотоцикл и уехавшую на нём другую девушку со светлыми волосами, никто из

работников санатория даже и не вспомнил. А родители про мотоцикл вообще не знали. Сауле не ставила в известность своих «предков» о своих планах. Они лишь знали, что дедушка сделал ей путёвку в престижный санаторий ЦК, а как она туда добиралась, их не волновало.

Деньги они ей давали. На этом и ограничивалась их забота о своём ребёнке. Это же так по-европейски...

Глава 12

Продолжение

Выехав из города, я решил использовать преимущества двухколёсного друга по полной. Маневрируя и обгоняя другие машины, на пустых участках я прибавлял скорости, сбрасывая обороты лишь перед поворотами. Дорога шла ровно, мелькали километровые столбики.

Мне даже было немного скучно. Я всё еду и еду. Смотреть получалось только вперёд, и я не особо любовался красотами окрестностей. Некогда было.

Удерживать мотоцикл на скорости и глазеть по сторонам — это лучший способ улететь в ближайший кювет.

А оно мне надо? Ответ — положительный: Да! Не надо!

Поэтому всё моё внимание было отдано дороге. Безопасность — превыше всего.

Хотя машин было не так уж и много по меркам моего будущего, зато хватало других препятствий в виде лошадей, людей и баранов...

* * *

Первую остановку я устроил лишь в Зугдиди. Даже в Сухуми не стал тормозить. Бензин

есть, да и ладно.

Вот в Зугдиди я и решил пополнить бак.

Я был сильно удивлён тем, что на заправке мне сразу же предложили готовую смесь для мотоцикла, разбавленную маслом по ГОСТу. Удобно, ничего не скажешь. Талонов у меня не было, но слегка переплатив, я заправился за наличные. Заправщик это моё предложение встретил как должное, и сразу же предложил приобрести ещё и десятилитровую канистру с таким же топливом.

Канистра была самодельной жестяной, но сделанной на совесть. Залив туда топливо, и закрыв крышку, я потряс и повертел канистру, но ни капли из-под пробки не пролилось. На канистре даже были специальные ручки, для удобства. Держа за них, было удобно заливать топливо в бак. За них же, используя верёвку, я и привязал канистру позади за сумкой. Мотоцикл всё больше приобретал вид опытного дорожного путешественника.

После заправки я нашёл, где перекусить и где справить нужду. Больше ничто не задерживало меня в этом городе. И хотя времени было ещё полно в запасе, но задерживаться я не стал. Меня ждал красавец Тбилиси.

* * *

Ага. Меня ждала розовая птица — обломинго, а не Тбилиси. Только лишь я проехал Кутаиси, как мой верный конь захромал. Не в прямом смысле. С колёсами было всё нормально. Но мотор начал чихать, а потом и вовсе заглох. Хорошо ещё это случилось в пригороде. И справа, и слева от меня, были видны частные дома. Сразу было видно, что это не русская деревня с её покосившимися избами, а вполне себе приличные дома из природного камня построенные небедными людьми.

Моё появление в этом пригороде не осталось незамеченным. Через минут пять вокруг меня уже был человек двадцать мужчин, которые давали разные советы и показывали руками в разные стороны.

Мне было трудно их понять.

Они говорили то по-грузински, вставляя русские слова, то по-русски с сильным акцентом, перемежая свою речь грузинскими оборотами речи.

Я ничего не понимал, пока не появился тот человек, кто решал все вопросы в этом поселении.

Сразу было видно и понятно, что этот человек очень солидный. Особенно на территории этого небольшого населённого пункта... Костюм, галстук и очень-очень большая кепка. В этих краях всё это и указывало на необходимые атрибуты уважаемого и обеспеченного мужчины... Ну а как иначе?

Это не далёкое демократическое будущее, где основатель Майкрософта Билл Гейтс щеголял в джинсах и в майке, ибо все его сотрудники и так знали, что он — босс. А люди, читающие список Форбс, тоже знали, что он долларовый миллиардер, и им было плевать во что он одет. Ну нравится ему выглядеть босяком. Ну и пусть...

Здесь бы такое не проканалало... Сразу бы ему сказали: «Эй! Ты кто такой? Давай, до свиданья!»

Здесь в эти времена, да ещё в солнечной Грузии по одежке и встречают, и провожают... Если ты богатый, почему одет как нищий? Босяк! Давай, до свиданья!

Я стоял посредине толпы усатых и бородатых мужчин разного возраста, а все они смотрели на меня...

Тут я понял, что веду себя не слишком культурно с этими людьми, так как до сих пор общаюсь с ними в шлеме и дорожных очках. Прямо не человек, а какой-то киборг, прилетевший к ним с другой планеты... Весь в чёрной коже с ног до головы...

Я переместил лётные очки на лобовую часть шлема, и сняв его, встряхнул головой. По моим плечам рассыпались мои белоснежные волосы.

Все резко замолчали... Галдёж, который стоял до этого внезапно прекратился. И на фоне этой секундной паузы, я услышал коллективный выдох нескольких мужчин сразу:

— Вах!

За прошлую ночь я специально отрастил себе причёску подлиннее, чтобы больше соответствовать фотографиям на правах и в паспорте, доставшимися мне от литовской девушки. И вот теперь я увидел воочию, какое воздействие это оказывает на кавказских мужчин.

Кажется в детстве даже фильм был такой, правда не грузинский, а армянский. Там школьники старшеклассники отдыхали на море. Все чернявые такие. А тут приплывает реальная такая беловолосая русалка. Тоже, кажется, литовская девочка была... Или латышка... Уже и не помню. Так все эти черноволосые мальчики в один момент в неё влюбились, и глаз с неё не сводили... Смотрели прямо, как на чудо дивное, прям как на диво чудное...

Во-во... Примерно такое сейчас и происходит вокруг меня... На меня в упор смотрели не меньше, чем десяток пар глаз...

Чтобы как-то разрядить это молчаливое разглядывание, я просто начал:

— У меня мотоцикл сломался! — сказал я, старательно выговаривая слова, чтобы было похоже на то, как говорила Сауле.

— Гамарджоба^[8], девушка! Что у тебя случилось?

Вот я снова накосячил... Надо же было сперва поздороваться...

— Здравствуйте! Меня зовут Сауле. Я из Литвы. Путешествую на мотоцикле. Сейчас я ехала в Тбилиси, но мой мотоцикл... Он заглох.

— Вах! Ты так далеко заехала! Ай, молодец!

Он повернулся к людям и стал отдавать распоряжения. Говорил он по-русски. Это было сделано, видимо, только для меня, чтобы я понимала, о чём идёт речь... Парню помоложе он дал поручение:

— Георгий! Иди к Автандилу! Возьмёте мотоцикл и посмотрите, что с ним случилось?

— Хорошо, батано Нодар! Всё сделаю! — парень тут же убежал.

А потом он обратился ко мне:

— Меня зовут Нодар Беридзе. Сауле, пойдём сейчас ко мне домой! Я познакомлю тебя с мамой. Покушаем. Поговорим. А твой мотоцикл посмотрят, починят. Ты не волнуйся! Всё будет хорошо...

— Спасибо, батано Нодар!

Я стал отвязывать сумку, чтобы снять кофры и взять с собой.

— Ты за свои вещи не волнуйся совсем! Тут никто ничего чужого никогда не возьмёт. Ты мой гость.

Я приложил правую руку к груди и сказал:

— Батано Нодар! Я не за вещи беспокоюсь. Но Вы меня позвали в гости. Я же не могу в таком виде, прямо с дороги сесть с Вами за стол. Мне надо умыться и переодеться. А тут в сумках моя одежда.

Кто-то из присутствующих в толпе немедленно перевёл мою речь на грузинский. Видимо для тех, кто не понимает или плохо понимает по-русски... В толпе одобрительно закивали...

— Это правильно! — похвалил Нодар моё желание сесть за стол не в пыльном кожаном наряде, а в более приличном виде.

Он снова распорядился:

— Дато! Возьми все сумки, отнеси домой. Отдай Нино!

Ещё один молодой человек тут же бросается выполнять распоряжение уважаемого человека. Видимо авторитет у этого батано Нодара здесь непререкаемый.

— Сауле!? — Я правильно произношу твоё имя?

— Да, батано Нодар! Моё имя Сауле. По-литовски это значит Солнышко.

— Вах! Красивое имя! Пойдём в дом!

Мы подошли к самому большому дому на этой улице. На высоком крыльце, ведущему на террасу второго этажа нас встретила скромно одетая женщина в тёмном платке. Хозяин мне представил её:

— Это Нино — моя жена. А это Сауле — девушка из Литвы. Она путешествует по Грузии на мотоцикле. Я пригласил её к нам в гости.

— Здравствуйте, калбатано Нино!

— Гамарджоба, Сауле! Проходи в дом, пожалуйста!

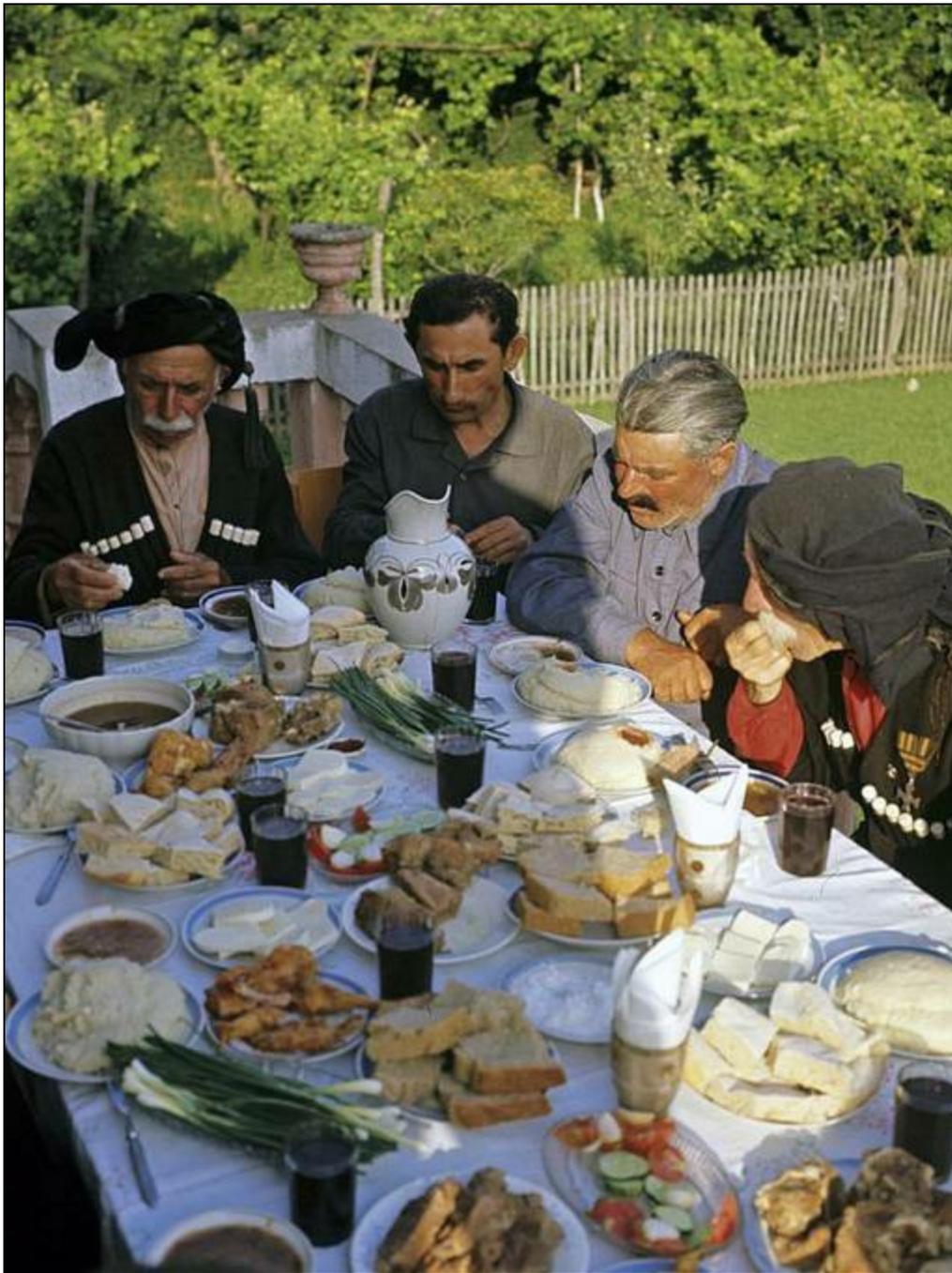
— Ей надо умыться с дороги и переодеться, Нино. Сейчас Дато принесёт сумки с вещами.

— Пойдём, дочка! Умоешься с дороги. Пойдём!

Я всегда знал, что кавказское гостеприимство — это умышленное преступление, вызванное желанием хозяев дома задушить гостя в своих радушных объятиях и закормить до смерти.

На женской половине дома, я умылся из подвешенного на стене рукомойника. Маленькая девочка, видимо хозяйская дочка, осторожно пыталась потрогать мои белые волосы, но получив от мамы по рукам, быстро спряталась за её юбку.

Я переоделся в платье, но у него были слишком открыты плечи. Хозяйка дома как-то неодобрительно на это посмотрела, хотя и ничего вслух не сказала... Я подумал, да и накинул поверх платья, не застёгивая, свою джинсовую куртку. Ту самую, из-за которой в гостинице «Кавказ» в городе Краснодар возник весь сыр-бор... Получилось ничего так. И не вызывающе, и более-менее женственно...

На улице уже вечерело и на террасе, где уже был накрыт большой стол, было не так жарко, как днём. Так что мой наряд был вполне оправдан, и вполне прилично выглядел, даже на взгляд самого строгого горца.

Мне выделили место рядом с хозяином. Я так понял, что это почётное место для дорогого гостя... Нодар сразу же познакомил меня со своей мамой. Седая сухонькая старушка кивнула на моё приветствие. По-русски она почти не говорила. За столом сидели в основном мужчины. Я и мама Нодара были исключением.

Но старенькая мама недолго посидела с нами, и вскоре ушла. Старенькая уже, тяжело ей

долго в обществе находиться. Если Нодару на вид было дать под шестьдесят лет, то ей явно уже было под девяносто, а может даже и больше...

На столе уже было всего и много, но Нино с другими женщинами подавали к столу всё новые и новые блюда. А ещё они приносили вино в кувшинах, и забирали опустевшую тару...

За весь вечер эти женщины ни разу даже не присели за стол. Видимо традиции здесь соблюдаются ещё древние. Для меня и старой мамы были сделаны исключения из правил.

Стол был накрыт не хуже чем на армянской свадьбе. Шашлык, жареные цыплята, сулугуни, хачапури, толма...

Я так и не понял, чем грузинская толма, отличается от армянской долмы. И то, и другое очень вкусно. А ещё было много овощей и зелени.

Я знал традицию, что оставлять на тарелке недоеденное — это выказать неуважение к гостеприимным хозяевам. Поэтому я старался себе на тарелку не класть много еды.

Но не успеешь отвернуться, как кто-то из женщин, от доброты своей или от щедрости, добавлял мне на тарелку вкусняшек. Мне подливали вина. Я не отказывался.

Вино было очень лёгким, чуть крепче сока... Это так мне показалось поначалу. Местное вино такое обманчивое...

Зато когда я попытался подняться, чтобы ненадолго покинуть стол по причине малой нужды, то понял, что ноги мои ведут совсем отдельный от меня образ жизни...

Когда я посетовала на это Нино, которая показала мне, куда надо сходить, то она сказала, что больше мне вина наливать не будут, а будут наливать только сок.

Я поблагодарил добрую и всё понимающую женщину...

Ну а потом мужчины начали петь. Это было действительно красиво. Даже я бы сказал великолепно и замечательно... Такое ощущение, что за столом поют не просто соседи хозяина, а настоящий мужской хор, не пропускающий ни одной репетиции за последние несколько лет. Я прямо заслушался. Не каждый день такое услышишь... Каждый пел своим голосом. Кто-то ниже. Кто-то выше, но всё это не превращалось в какофонию, а звучало

очень гармонично... И никто ни разу не сбился, и не сфальшивил... Вот уж воистину музыкальный народ...

Когда они закончили петь, я от души рассказал хозяину дома, как мне понравилось их пение. Он с достоинством принял мою похвалу... Видно было, что ему приятно...

Но расслабился я что-то уж слишком рано. Хозяин тут же решил обратить внимание всех гостей своего дома, сидящих за его столом на меня... И стал расхваливать перед гостями такую смелую девушку... Ну, то есть меня. Рассказал всем, что я мол пол страны проехала одна на мотоцикле и вся такая умница и красавица. Потом он всем стал рассказывать, что моё имя означает — Солнышко. За это все, конечно тут же и выпили.

Общались мужчины в основном на грузинском, но мне переводил всё непонятное тот самый Дато, которому ранее Нодар доверил принести сюда мои сумки. Довольно молодой парень, но уже с довольно пышными усами. Как потом оказалось, это был сын Нодара.

А потом меня вежливо, но очень настойчиво попросили спеть что-то своё, из далёкой-далёкой Литвы. И тут я понял, что попал по самые помидоры...

Блин горелый. И тут чего-то спеть надо, и не опозориться при этом...

Нет, конечно, одну литовскую песню я знал. Одну единственную и знаю... Выучил во время службы в армии. В Воздушно-Десантных войсках... Служил-то я как раз в той самой Литовской ССР. Но та песня была немного нудная какая-то, заунывная, и не годилась она, ну никак для этого стола.

Особенно после того, что я услышал сегодня, мне не хотелось опозориться. К тому же без музыкального сопровождения та песня вообще бы не прозвучала от слова совсем.

Думай, голова! Думай!

И тогда я всё-таки нашёл выход из положения, вспомнив легенду о бедном и несчастливом в любви, грузинском художнике Нико Пиросмани и французской актрисе Маргарите.

Кто же не знает эту историю в нашем-то будущем? Алла Борисовна всю постаралась году эдак примерно в восьмидесятом, чтобы эту историю узнал весь советский народ.

И, кстати, когда я в армии там служил, мой взвод даже однажды как-то маршировал, распевая эту песню, во всю мощь двадцати солдатских глоток. А что? Даже что-то у нас и получилось тогда...

Да. Это была та самая история... Это же именно она дала почву для написания простой и незамысловатой песенки «Миллион алых роз». Хотя на самом деле этот бедный художник Нико никогда бы не смог найти в Тифлисе именно миллион, именно алых и именно роз. Цветов на нескольких арбах он много привёз к дому заезжей актрисы. Но явно не миллион... И розы там были разного цвета, не только алые... А ещё была сирень, акация, маки, пионы, лилии и множество других разных цветов. Какие смог привести, те и привёз...

А миллион — это сколько?

Это много!

А тут много?

Много!

Значит миллион...

Вот так наверно и считали в Тифлисе в те далёкие годы... Но история эта осталась, сохранилась, и как видите, дожила до наших дней...

Ну а то, что поэт слегка преувеличил количество и качество цветов в своей песне... Это не имеет никакого значения...

Так что я решил, что именно здесь и сейчас в Грузии мои добровольные слушатели смогут оценить широту души и щедрость бедного художника Нико Пиросмани, и не будут придираться к деталям и несоответствиям истине.

Как говорится: «Вы хотите песен? Их есть у меня...»

— Извините меня, батано Нодар! Но я не смогу спеть для вас песни из Литвы. Наши песни немного грустные, потому что их пели обычно зимой, когда холодно, много снега и нельзя выйти из дома. Но я знаю, какую песню я для вас спою. Я однажды слышала песню, про одного вашего земляка. Он был художником. Жил в стародавние времена, как раз в городе Тбилиси, правда тогда этот город все называли Тифлис. И звали этого художника Нико Пиросмани.

За столом закивали, соглашаясь. Пиросмани в Грузии знали, помнили и уважали. Ну а я продолжал:

— Вот история, которая стала песней... Это было давно, в Тифлисе, в самом начале века. Однажды бедный художник Нико Пиросмани увидел и сразу же полюбил одну французскую актрису по имени Маргарита. Но она была очень привередлива и надменна, и не ответила на его светлые чувства. Вот о том, что он сделал дальше, поётся в этой песне.

Возникла тишина. Все ждали моей песни... Я немного настроился. И стараясь слегка коверкать слова, делая не слишком правильные ударения, согласно своему литовскому происхождению, запел а капелла:

Жил-был художник один,
Домик имел и холсты,
Но он актрису любил,
Ту, что любила цветы.
Он тогда продал холсты,
Продав картины и кров,
И на все деньги купил

Целое море цветов.

Припев я сократил наполовину, а повторение я сделаю лишь в конце песни. Хотя Пугачёва всё повторяла и повторяла эти незамысловатые слова припева...

Миллион, миллион, миллион алых роз
Из окна, из окна, из окна видишь ты.
Кто влюблен, кто влюблен, кто влюблен и всерьез.
Свою жизнь для тебя превратит в цветы.

Слушали меня очень внимательно. Даже женщины перестали суетиться, встали у выхода из кухни и стоя меня слушали. Видно было, что им тоже нравятся слова этой простой песенки...

Утром ты встанешь у окна:
Может, сошла ты с ума?
Как продолжение сна
Площадь цветами полна.
Похолодеет душа,
«Что за богач здесь чудит?»
А под окном, чуть дыша,
Бедный художник стоит.

Во время припева я заметил, что Нино шевелит губами, как бы повторяя за мной навязчивые, но простые слова припева:

Миллион, миллион, миллион алых роз
Из окна, из окна, из окна видишь ты.
Кто влюблен, кто влюблен, кто влюблен и всерьез.
Свою жизнь для тебя превратит в цветы.

Третий куплет у меня уже прошёл лучше, почти на одном дыхании. Я даже слегка протрезвел.

Кажется, я понял, зачем грузины поют за столом. Чтобы продышаться и протрезветь... а что? Хороший способ.

Можно ещё марш-бросок устроить километров на десять или двадцать. Тоже и продышишься, и про... Короче. Весь хмель из тебя точно выйдет, если не сдохнешь на бегу... Ну а я продолжаю петь...

Встреча была коротка:
В ночь ее поезд увез,
Но в ее жизни была

Песня безумная роз.
Прожил художник один,
Много он бед перенес,
Но в его жизни была
Целая площадь цветов.

Миллион, миллион, миллион алых роз
Из окна, из окна, из окна видишь ты.
Кто влюблен, кто влюблен, кто влюблен и всерьез.
Свою жизнь для тебя превратит в цветы.

Последний припев я повторил два раза, хотя помню, что Пугачёва пела его раза четыре или даже шесть... Надо бы как-нибудь потом, когда она всё-таки удосужится здесь, в этом времени спеть эту песню. Посчитать количество повторов этих: «Миллион, миллион алых роз...»

Наконец-то я закончил петь. Все мне захлопали. Да... Было видно, что песня всем очень понравилась. Тут же разлили вино и подняли тост.

Но первый тост они тут же подняли за настоящего мужчину, за истинного грузина, за бедного, но гордого художника Нико Пиросмани.

Ну а потом был следующий тост — уже за меня.

После был тост за дружбу народов.

А на улице уже стемнело, и я очень обрадовался, когда Нино меня забрала из-за стола и отвела спать. Устал я, как будто не песни пел и мясо ел, а разгружал вагоны с тяжёлыми мешками... Постелили мне на женской стороне дома, и я уснул без сновидений и фантастических путешествий на далёкие планеты...

Спал я, как сурок, как говорится: без задних ног. И даже, наверное, и без передних. Сказывалось выпитое и съеденное за обильным и богатым столом, накрытым гостеприимным хозяином для «дорогого» гостя. Да... Погуляли мы вчера на славу... А сколько вина я выпил, до того, как догадался договориться с Нино, чтобы мне больше не наливали ничего крепче сока... Но, странно... Проснулся я с абсолютно свежей головой, как будто и не пил ничего вчера... Вот, что значит натуральный продукт и никакой химии.

Да... Но проснулся я что-то уж слишком рано. Разбудили меня, конечно же, местные петухи. Орала видимо со всей дури от счастья и радости, что не их вчера подавали к столу. А стоило бы именно их подать, зажарив на вертеле воткнутом в петушину задницу... Чтобы не орала тут под окнами с утра пораньше...

Вот блин... Павлин-мавлин...

Я быстренько умылся и даже воспользовался удобствами во дворе, прежде чем Нино позвала меня на завтрак. Завтрак был более скромный, чем вечернее застолье, но тоже сытным и обильным. Да я тут в колобка превращусь, если задержусь хотя бы на неделю... Пора уже уезжать... Как говорится: «Спасибо этому дому! Пойдём к другому...»

— Сауле! Твой мотоцикл уже починили. А что с ним делали, тебе Автандил сам расскажет. — Нодар указал на худого седовласого мужчину средних лет.

— Здравствуйте, батано Автандил! А что с ним случилось? Почему он заглох и не ехал?

— Да, ничего там страшного не было. Свечи поменял и подрегулировал слегка. Почистил немного. Туда, сюда... Мотор импортный. Капризный... Нашей пыли совсем не любит. Да и бензин у тебя был не очень хороший. Я посмотрел и в канистре, и в баке. Плохой совсем бензин... Разбавленный, не знаю чем. Кто тебе заправлял, тот вообще не человек даже, а баран безрогий. Но я всё слил из бака и промыл... Я там налил тебе потом хорошего бензина с хорошим маслом. Теперь всё будет работать нормально. Как хорошие и точные часы...

— Спасибо Вам огромное, батано Автандил! Как я могу Вас отблагодарить?

— Девочка, слушай! — вмешался в разговор Нодар Беридзе. — Ничего не надо... Ты такой подарок всем нам сделала вчера. Показала, что даже у холодного Балтийского моря, в далёкой-далёкой Литве знают и помнят нашего земляка Нико Пиросмани и поют о нём песни. Ничего не надо! Тебе спасибо!

— Спасибо и Вам, батано Нодар! Вы показали мне, что такое настоящее грузинское гостеприимство. А ваши песни мне очень понравилось. У нас так мужчины петь не умеют.

Автандил и Нодар сразу заулыбались. Грузины любят завуалированную лесть в свой адрес. А мне не жалко. Я могу ещё похвалить... Но не сейчас...

Сейчас мне уже пора ехать дальше...

— Но я вынуждена покинуть Ваш гостеприимный дом, батано Нодар. Потому что впереди меня ждёт долгая трудная дорога через горы.

— А ты только до Тбилиси поедешь?

— Нет. Сначала в Тбилиси. Я очень хочу посетить столицу Грузии... Говорят там очень красиво.

— Да. Обязательно тебе надо посмотреть. Там очень красиво.

А потом я поеду через горы по Военно-Грузинской дороге в Орджоникидзе...

— Молодец! Смелая девушка! Только одна просьба у меня к тебе есть ещё, Сауле...

— Какая?

— Пусть Дато запишет слова твоей песни.

— Хорошо, батано Нодар! Сейчас этим и займёмся...

Продиктовав Дато слова понравившейся им песни, я стал собираться в дорогу. Приторочил кофры и привязал всё остальное. Мотоцикл был отмыт Автандилом, и блестел на южном солнце, как новый. Матовым блеском отсвечивал и мой кожаный костюм. На зелёной полянке я со своим байком реально выглядел инопланетным пришельцем. На прощание я чисто по-русски в пояс поклонился гостеприимному дому и его хозяевам, после чего с чистой совестью, оседлал своего коня и отправился в путь. Впереди меня ждало ещё больше шестисот километров пути до Армавира.

* * *

Мой мотоцикл бежал бодро. Километры один за другим наматывались на мои колёса. Я заметил одну интересную деталь. Многие машины были украшены фотографиями с различными изображениями нашего генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина (Джугашвили).

Выходит, что здесь, в Грузии его по прежнему уважают, несмотря на то, что официально Никита Сергеевич Хрущёв сильно раскритиковал товарища Сталина на двадцатом съезде партии. Несмотря на то, что именно под руководством Сталина наша страна победила в длительной и кровопролитной Великой отечественной войне... Несмотря на то, что сам Никита лебезил и заискивал перед всеми признанным вождём, и всячески старался, чтобы добиться его расположения. А потом выдумал какой-то культ личности... И стал обвинять своего вчерашнего кумира во всех грехах, многие из которых были на счету как раз самого Хрущёва.

Стоило Сталину умереть, как Никита, собрал маленькую свору соучастников, и захватил власть... Чтобы потом уже ему лизали зад всякие подхалимы... Про культ личности он уже не вспоминал. Это касалось только Сталина... А к нему, к Никите слова «культ личности» уже не относились. Хотя этот туповатый лысый толстячок был высокомерен и чванлив куда побольше, чем «друг всех физкультурников». И правильно, что его потом сняли... Хотя и следующие правители были не намного лучше его...

Даже пауки в банке — это слишком слабое сравнение с кучкой жаждущих власти

партийных функционеров советского периода. Жаль, что в ходе борьбы за власть между ними, больше всего страдали простые обычные советские граждане...

Ну да бог им всем судья, а не я.

* * *

Я решил, что в Тбилиси заезжать я не буду. Потому что снова потерю как минимум день, если не больше...

Не доезжая до столицы Грузии я просто свернул в сторону Орджоникидзе, руководствуясь дорожными указателями. Впереди у меня была Военно-Грузинская дорога.

И вот тогда я понял, что такое — *опа... А вернее — полная *опа.

Я сразу вспомнил, что рассказывала мне бывшая хозяйка мотоцикла про мозоль, размером с футбольный мяч...

Кочки и ямки, даже порою небольшие, которые едучи на машине можно просто и не заметить, сейчас со всей силе били меня именно в самое нежное и мягкое место... Да... Это было больно... Но постепенно, принаравливаясь я привык. И уже не так бурно реагировал. Как на первых нескольких километрах своего пути...

Сказать, что я задолбался — это, значит, ничего не сказать. Подъезжая к будущему Владикавказу, а ныне городу Орджоникидзе, столице Северо-Осетинской АССР в составе РСФСР, я решил заправиться до полного бака. Когда я слез с железного коня, то мои ноги подрагивали от усталости. Такое ощущение, что всю дорогу от Тбилиси я прошёл исключительно пешком. Хотя я и ехал на мотоцикле, и старался ехать довольно быстро. Но быстро у меня никак не получалось, так как приходилось объезжать ямки, да канавки... Теперь я наконец-то понял смысл одной из песен Земфиры, а особенно эта фраза: «Я помню все твои трещинки...» И не просто помню, а ощущаю каждым квадратным миллиметром своей многострадальной задницы...

Машин было совсем немного по меркам моего будущего. Но местные водители, похоже, про правила дорожного движения не только не читали, но даже кажется и не слышали. А если и слышали от кого-то в устном пересказе, то явно не запомнили ничего... По крайней мере. О существовании такой книжки с правилами они имеют самое смутное представление. Летают, как хотят, не обращая никакого внимания на других участников движения. Правильно говорят, что самые лучшие анекдоты берутся из жизни... Ведь я слышал раньше анекдот, когда за превышение скорости гаишник остановил такого вот джигита, а тот спросил у мента:

— Командир! Я что? Слишком быстро ехал?

— Нет. Слишком низко летел...

Если я ничего не путаю, то там и права у джигита были на управление вертолётom, кажется... Типа: Какие были, такие и купил...

Или это два разных анекдота были? Уже и не помню... Давно это было...

Но как раз теперь, лётчиков на дороге было гораздо больше. Чем обычных культурных

водителей с правами нужной категории.

* * *

А ещё меня выбешивали бесчисленные подъёмы и резкие повороты.

Торможения на спусках, периодические участки с полным отсутствием асфальта, ямки и кочки.

А ещё коровы, переходящие дорогу в неполюженном месте, по своей коровьей инициативе.

Всё это не давало мне расслабиться.

Хотя, спорить не буду, вокруг было реально красиво. Казбек возвышался над другими горами с шапкой белого снега.

Это было и красиво, и смертельно опасно одновременно. Да... Особенно при езде на мотоцикле. Красоты по сторонам дороги... отвлекали... А отвлекаться на дороге в седле мотоцикла — очень опасно...

Я реально переоценил свои возможности. Нервов уже никаких не хватало... Приходилось постоянно находиться в напряжении. Расслабляться нет времени ни единой секунды. Всё время внимание на дорогу. Только на дорогу...

Смотри на дорогу!

Приходится смотреть вперёд, назад, опять вперёд, и даже заглядывать за поворот, чтобы не нарваться на внезапно выскочившего оттуда местного лихача.

Да и дороги советского прошлого были настолько непредсказуемы, что это напоминало прогулку в потёмках с завязанными глазами.

Что? Вам никогда не приходилось бегать с закрытыми глазами в полной темноте по абсолютно незнакомой дороге, полной ям и колдобин?

Нет? Не пробовали? Зря... Попробуйте как-нибудь на досуге!

* * *

Может быть, из-за этого вся моя поездка по Военно-Грузинской дороге слилась для меня в один бесконечный и нескончаемый экшн-квест.

Разогнаться толком было практически негде. В основном я или тащился в гору, напрягая движок, или притормаживал с горы, напрягая соответственно тормоза... Я ужасно нервничал и потел... Поэтому мой кожаный «скафандр» лишь добавил мне жарких ощущений, носимой на себе сауны.

Найдя ближе к вершине небольшое уютное и безлюдное место с элементами растительности в виде кустов, я с удовольствием переоделся. Сменил обувь. Вместо высоких кожаных сапог, одел такие лёгкие и удобные кроссовки. А вместо водонепроницаемых кожаных штанов, джинсовый полукомбинезон, надев под него чистую и сухую футболку. Куртку я всё же оставил, хотя и не стал её застёгивать. Мне стало гораздо легче дышать. Да и ехать после этого стало гораздо комфортнее.

Хотя это и не отменяло постоянного повышенного внимания за дорожной обстановкой и состоянием дорожного покрытия.

Ведь достаточно попасть на спуске при торможении, на участок со щебёнкой вместо асфальта, и можно сразу класть мотоцикл на бок, чтобы избежать более серьёзного кувыркания вниз с горы, с непредсказуемым результатом. Это мы уже проходили и не раз... Я уже падал на Тойоте, когда спасал оленя... А ещё вместе с Натаном кувыркнулся в горбатом «Запорожце», после удара от армянского свадебного кортежа... Хватит. Больше не хочу...

Да... Пока мне удавалось избежать всяких резких манёвров на двухколёсном друге. Надеюсь, что приложив все усилия, я смогу избежать это и в будущем.

* * *

И вот сейчас я заправляюсь, не доехав всего ничего до Орджоникидзе. Мысли мои лишь о том, что я устал. И морально, и физически... Осталось решить: Где я буду сегодня отдыхать? А то, что я уже готов к этому — свершившийся факт...

Вариантов у меня было не так много. Снять номер в гостинице во Владике, или просто найти уютное место около дороги.

А что такого? Спать на земле и греться лунным светом мне не впервой. И в той, и в этой жизни.

В пользу первого варианта — удобства и безопасность. Хотя безопасность довольно мнимая, если вспомнить приключения в гостинице «Кавказ» в Краснодаре.

А в пользу второго... Ничего... Хотя погода вполне позволяла и в лесу переночевать. Но безопасность себе обеспечить во время сна, я совсем не смогу. Ибо спать хочу так, что готов заснуть стоя, стоит только слезть с мотоцикла...

До Армавира оставалось ещё километров четыреста, не меньше. День ещё был в самом разгаре, но солнце уже переползло полуденную отметку... Я решил, что не стоит пока тормозить. Буду ехать пока едется, а там поглядим по обстоятельствам.

Купив в придорожной забегаловке пару лимонада, приобрёл ещё и круг осетинского пирога. Его мне надолго хватит. Слегка перекусив, снова разогнался на своём мотоцикле, но это длилось недолго. Снова дорога пошла вверх... а потом после поворота снова вниз... До... Не просто ездить по горам. И хотя уже не так круто, как было на Военно-Грузинской дороге, но всё же особо разогнаться тут было негде.

По сторонам была, уже слегка приевшаяся, горная красота. Но иногда попадались и развалины осетинских старинных башен, и всякие другие колоритные достопримечательности из камня.

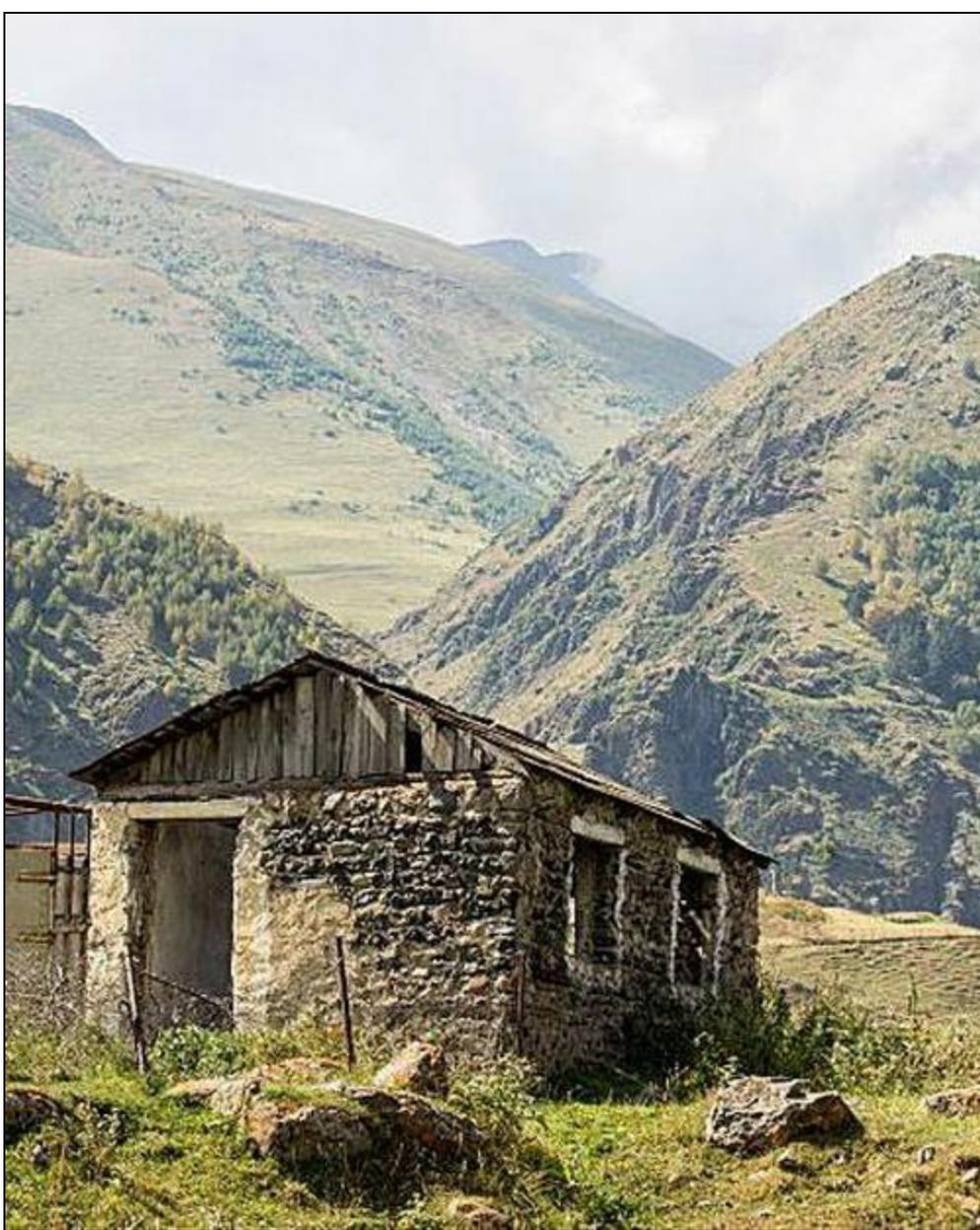

Солнце уже начало склоняться к горизонту. Вот теперь уже и ночлег можно было поискать. Карты у меня с собой никакой не было, так что я не представлял даже, где конкретно нахожусь.

До конечной точки Армавир триста шестьдесят три километра...

Спасибо! Мысленно я поблагодарил своего незримого навигатора... Примерно так я и предполагал, ориентируясь по указателям и своему внутреннему компасу... Кажется, скоро должен быть Нальчик, но в этом я точно не уверен.

Вдруг в стороне от дороги я увидел маленький каменный домик, или как тут это называют — сакля. Вроде бы как будто даже нежилая с виду. Я решил, что если домик ничей, то ничего страшного не будет, если я тут и заночую.

Домик и правда выглядел нежилым.

Хотя внутри и лавка деревянная была, и очаг даже был, но больше ничего не было.

Может, кто тут и ночует иногда, но постоянно в сакле точно никто не живёт.

Я поставил железного коня в стойло... Ну, в смысле закатил за домик так, чтобы его с дороги не было видно. А сам поужинал куском осетинского пирога, оделся потеплее, чтобы ночью не замёрзнуть, да и улёгся спать на лавку. Утро вечера мудренее.

На всякий случай, я всё-таки решил хоть как-то обезопасить свой сон. Револьвер я положил под сумку с одеждой, которая мне сегодня служит подушкой. Ножи тоже под рукой держу. Вот так будет спокойнее...

Я попытался уснуть побыстрее. Может, Инга сегодня на связь со мною выйдет. Ведь вчерашней ночью она так и не объявилась. То есть у меня тут уже прошло два дня, а у неё может и месяц, и полгода быть... Или даже больше. Я никак не пойму логику, по которой можно рассчитать соответствие того и этого времени. Жаль, что по своей инициативе я не могу туда отправляться. Какая-то странная у нас с Ингой дифференциация получается. Она может туда-сюда летать, а я не могу. Зато я могу открывать всякие тайные двери, а она не может. Разделение труда. Всё, как завещал нам Карл Маркс, колтун ему в бороду. Или это не Маркс придумал, а кто-то другой? Да хрен его знает. Много умных слов и фраз придумано

для того, чтобы забирать деньги у тех людей, у кого денег мало, чтобы отдать тем, у кого денег много, чтобы у них стало денег ещё больше... Ни дна им всем, ни покрывки...

Пытаясь сделать какие-то выводы и произвести расчёты-перерасчёты соответствия земного и неземного времени, я сам не заметил, как заснул. Сны мне сегодня никакие не снились. Инга не объявилась.

* * *

Возможно, к утру и слегка похолодало, но во сне я этого как-то и не заметил...

Зато вдруг, прямо во сне, появилось чувство, что кто-то на меня в упор смотрит. Сначала я решил, что это мне что-то снится. Но утро уже начинало свой разбег, и солнечный луч упал на мои веки. Свет солнца, даже и сквозь прикрытые веки, уже не даст мне спать. Я открыл глаза...

Первым инстинктивным действием у меня было желание сунуть руку под подушку, достать ствол и открыть огонь из револьвера...

Потому что в дверях сакли стоял, и откровенно пялился на меня, натуральный такой абрек. В папахе, в черкеске и с кинжалом за поясом...

Проморгавшись спросонья на яркий солнечный свет и приглядевшись к неожиданным гостям, я понял, что во-первых, абрек слишком молодой, смотрит на меня безо всякой агрессии с простым человеческим интересом, и даже чуточку удивлён. Видимо не ожидал здесь увидеть именно меня «такую красивую»... А во-вторых, рядом с молодым джигитом сидела и улыбалась большая мохнатая собака.

Нет... Я не оговорился. Собаки умеют агрессивно и угрожающе скалиться, умеют рычать и сверлить глазами потенциальную мишень для покусания... А умеют и просто улыбаться. Очень доброжелательно, во всю ширь своей собачьей души... Ну, или по крайней мере, могут со стороны выглядеть дружелюбно. Порой для собачьей улыбки и этого достаточно. Ну не выглядела эта большая собака агрессивной гадиной, способной порвать беззащитную несчастную девочку. Скорее это был надёжный защитник, сторож, помощник и друг. Верный друг...

— Здравствуйте! — вежливо сказал я, не забывая про свой «прибалтийский» акцент.

— Салам! — ответил абрек с характерным местным акцентом.

— Это твой дом?

— Это сакля нашей семьи. Я чабан. Помогаю отцу пасти отару.

— Ты меня извини, если я без разрешения тут спала. Я мимо ехала. Очень устала. Никого не было.

— Гость в дом — Бог в дом! Так мой отец говорит.

— Твой отец мудрый человек! А меня зовут Сауле. Я из Литвы. Моё имя, если по-русски перевести, означает Солнышко.

— А меня зовут Арсаг. А если по-русски — медвежонок.

— Ты не похож на медвежонка. — улыбаюсь я.

Парень был худощавый. Явно не медвежьей породы.

— Отец так назвал. Говорил, что я был толстым, как медвежонок, когда был маленьким. — парень тоже улыбнулся.

— Ты извини, но мне пора уже ехать дальше.

— У меня есть хлеб и сыр. Откушаем вместе?

— Спасибо! Я буду рада позавтракать вместе с тобой.

Я с радостью согласился. Достал из сумки свой вчерашний пирог. Меня угостили хлебом и сыром. Я отломил половину от оставшегося пирога. Запивали каждый своим. У меня был лимонад, у него молоко.

Позавтракав, мы расстались, как старые добрые друзья пожелав друг другу всего хорошего.

А потом я поехал в сторону Нальчика, а молодой чабан остался со своей отарой и дружелюбной собакой-улыбакой.

Думаю, что если на отару вдруг нападут волки, эта большая и мохнатая псина будет рвать серых хищников с такой же очаровательной улыбкой...

Кого-то мне это напоминает...

Неужели, я всего лишь такой же хладнокровный убийца? Я улыбаюсь друзьям и жестоко караю врагов... И хотя я не испытываю никаких извращённых чувств удовольствия, от убийства себе подобных... Я просто вообще не испытываю никаких чувств от того, что

лишаю кого-то жизни. Как говорят наши заклятые друзья из-за океана: «Ничего личного... Просто бизнес...»

Ведь если буквально перевести на русский язык это их слово «бизнес» получится «дело». И смысл этого расхожего выражения таков: «Я просто делаю своё дело, не испытывая никаких личных чувств.»

Что же я за монстр такой? Нет, чтобы уронить слезу, расстреливая семейный подряд убийц и грабителей... Или положить свежесорванный полевой цветочек на трупик санитаризвращенца...

О... Точно... Грохну Чикатилу, и запихну ему букет... Куда-нибудь...

Да ну нах... Мысли какие-то дурацкие. Вот ведь было же с самого утра настроение хорошее. И абрек молодой оказался хорошим гостеприимным парнем. И собака-улыбака эта...

Я вспомнил про добрую собачку и её очаровательную улыбку... Мне стало снова спокойнее и даже веселее...

А вот в будущем, в интернете я видел собаку-улыбаку. Даже мем такой бродил в цифровом пространстве... Но улыбка у той будущей собаки была больше похожа на улыбку американцев. Дежурную и фальшивую... А про нас они говорят, что мы угрюмые и неулыбчивые, потому что не скалимся как они на каждом шагу. Демонстрируя всем профессионализм стоматологов и успехи зубного протезирования Пиндостана...

Зато, если мы улыбаемся, то улыбаемся от души, во всю ширь нашей широкой души... И настоящая улыбка нам дороже тысячи белозубых фальшивок. Поэтому мы и бережём свои улыбки и не тратим направо и налево...

* * *

Дорога шла ровно. Я лишь слегка сбрасывая скорость, проскакивал населённые пункты, особо не задерживаясь. Лишь около Пятигорска тормознул на заправке. Купил свежую бутылку лимонада и забежал в местный сортир, чтобы снова получить неизгладимое неэстетическое впечатление от увиденного и унюханного...

Ну а после уже ехал и ехал, почти без остановок, до самого Армавира. Лишь там я остановился, и наконец-то, выдохнул с облегчением. Я добрался. Очередной этап моего пути завершён без особых потерь. Из негатива лишь заглухший мотор и отбитая *опа... Из позитива: Гостеприимный батона Нодар и приятный в общении молодой чабан Арсаг. Так что ничья получается. Два — два...

А дальше что меня ждёт? Может быть наконец-то спокойная и неторопливая жизнь под именем Александры Котовой...

Осталось лишь найти тут «свою» тётю. И всё будет хорошо...

* * *

Время уже давно перевалило за полдень, и надо было скорее определиться, где я сегодня буду ночевать. Медленно катя по незнакомому мне пока ещё городу, я в центральной его части наткнулся на железнодорожный вокзал. И возле него на той же площади

обнаружил и гостиницу. В отличие от традиции других не самых больших городов, она носила не название самого города, а называлась «Северная». Может быть, где-то есть и «Южная», и «Центральная», но мне уже лень было искать что-то другое.

Припарковавшись у главного входа, захожу внутрь. Табличка «Мест нет», сразу же бросалась в глаза. Но меня это мало смущало. Не было в это время гостиниц без свободных номеров. И не могло быть. Всегда держали резерв для важных гостей. А сегодня в этом городе я — это самый важный гость.

Администратор совсем не хотела со мной разговаривать, и даже на меня не смотрела. А мне бы очень хотелось, чтобы она на меня посмотрела. Ведь без зрительного контакта у меня не получится «убедительно» попросить её найти для меня свободный номер.

Но опытная работница сферы гостиничных услуг со мною контактировать совсем никак не хотела. Сидя за своей стеклянной загородкой, вооружённая телефонной трубкой, она никак не хотела меня даже замечать. Болтала с кем-то на посторонние темы... Игнор по полной программе. Может скандалчик какой устроить, накричать на неё... Тогда она точно оторвётся от своего телефона и обратит на меня внимание, чтобы покричать в ответ...

Но это плохой вариант, пока она не положила трубку. На том конце могут услышать мои ментальные команды и задавать потом ненужные вопросы... Женщины такие любопытные... А на том конце провода явно слышался женский голос. Высокий и визгливый...

Расстроенный, выхожу на улицу. Стою возле своего мотоцикла. Залез в сумку, нашёл пачку «Салема». Прикурил. С удовольствием затянулся... Стою. Курю. Никого не трогаю....

Видок конечно у меня для провинциального города тот ещё. Джинсы, кроссовки, кожаная косуха. Шлем с очками я уже снял, и мои светлые, почти белые волосы развевал свежий ветерок.

Вдруг слышу строгий мужской голос:

— Девушка! Как Вам не стыдно? Курите в общественном месте.

Оборачиваюсь. Смотрю на того, кто так строго блюдёт мораль и нравственность в Армавире.

Ну, кто бы сомневался...

Как говорится: «Шухер! Менты!»

Стоит такой себе строгий и усатый старшина милиции в серой форме. И что меня немного возмутило, он тоже держит в руке дымящуюся папиросу. То есть запрет на курение в общественном месте, касается только меня? Ничего себе равенство полов. И откуда взялась такая гендерная несправедливость?

Помня о своей литовской легенде, отвечаю ему, старательно имитируя прибалтийский акцент:

— Вы тоже курите.

Казалось, что сотрудник внутренних органов сейчас захлебнётся от обилия своего возмущения.

— Как же тебе не стыдно? Ты же девушка!

А-а, вот откуда появились зачатки хештегов из будущего #тыждевочка, а потом будет ещё #яжмать и #онижедети.

— У нас в стране равноправие, закреплённое в Конституции...

— Ишь, умная какая! А ну-ка документы предъяви! Быстро!

— А почему вы со мной так грубо разговариваете?

— Поговори мне ещё! Документы, давай!

— Пожалуйста! — протягиваю ему паспорт Сауле Вилкайте.

А сам тем временем прокручиваю сложившуюся ситуацию. Проверить мои документы он имеет право. Обыскать мои вещи, пока нет. Но может это устроить, если ему шлея под хвост попадёт. Так что особо злить его пока что не надо.

Старшина, лишь глянув мельком в «мой» паспорт, суёт его в карман и командует:

— Пройдёте, гражданочка!

— Куда?

— В отделение.

— А зачем?

— Для установления личности.

— А Вам уже показала свой паспорт. Мне показать остальные мои документы?

И тут он, видимо, поддавшись некоему эмоциональному порыву, а может привык уже быть самым главным бабуином на этой привокзальной площади. Как бы то ни было, он начал мне откровенно хамить:

— А не видел я никакого твоего паспорта. В отделении, шалава, я тебе всё про равноправие расскажу. — он ухмыльнулся и нагло посмотрел мне в глаза.

А вот это он зря сделал. Не на того напал, мусор!

Я послал ему взглядом такой ментальный импульс, что он даже пошатнулся.

— Стоять на месте! Паспорт верни!

Он стал суетливо доставать мой паспорт из своего кармана.

— А теперь слушай меня внимательно: Сейчас ты пойдёшь в гостиницу вместе со мной, и скажешь администратору, чтобы она нашла для меня отдельный одноместный номер. Ты меня понял?

— Да. — ответил он вялым голосом.

— Вперёд!

Он заходит в холл гостиницы и сразу же направляется к администратору.

— Зинаида! Вот эту девушку надо срочно поселить. Нужен одноместный номер.

— Но у меня нет свободных номеров...

— Начальник очень попросил посодействовать. — он сделал сильное ударение на слове «очень».

— Сейчас посмотрю. — буркнула недовольная Зинаида, и начала листать толстую тетрадь.

— Старшина! — я повернулся к менту и говорю ему в полголоса. — Идите на улицу и охраняйте мои вещи.

Он молча, подчиняется и выходит из дверей гостиницы.

Оставшись один на один с администраторшей, устанавливаю уже с ней визуальный контакт.

— Зинаида! — обращаюсь к ней по имени, которое только что услышал из уст старшины. — Вы меня не помните? Я Сауле Вилкайте. Меня пригласил в гости председатель горисполкома. Он сказал, что номер для меня забронирован. Это так? Посмотрите внимательно!

— Да, да. Я уже нашла. Пожалуйста! Вот карточка, заполняйте!

— Заполните за меня. Вот мой паспорт.

Протягиваю ей документы, недавно вырванные мною из рук хамоватого мента. Она

послушно заполняет за меня анкетную карточку, а я только расписываюсь снизу неразборчиво.

— Вот, пожалуйста, ключи от номера. Ваш номер на третьем этаже.

— Спасибо! — я беру ключи и выхожу с ними на улицу.

Отвязав сумку и сняв свои кофры с мотоцикла. Командую старшине, добавляя ментальной зелени взгляду своих глаз:

— Жди меня здесь!

Быстро поднимаюсь в номер. Переодеваюсь. Тяжёлую кожаную куртку долой. Свежая футболка и джинсовая куртка. Деньги и документы рассовал по карманам. Спускаюсь вниз и спрашиваю у своего «добровольного» охранника:

— Где у вас в городе можно оставить мотоцикл, чтобы его охраняли и днём, и ночью?

— Здесь, туточки, на вокзале. — Он махнул рукой в сторону, указывая направление. — Там транспортный отдел. Возле него можно поставить...

— Веди!

Я беру железного друга за руль и начинаю катить рядом с собой. Идти тут совсем недалеко. Так что заводить мотор и ехать верхом на нём я не стал. Хотя катить тяжёлую железяку не так уж и легко, и не особо удобно, честно говоря. Но я постарался и справился.

Мы дошли довольно быстро. Увидев другого милиционера, я сказал старшине:

— Иди, договорись! Скажи, что я заплачу сколько надо.

Старшина за пару минут договорился с сержантом, который и показал мне место, куда поставить мотоцикл.

Денег попросили не так уж и много три рубля за день хранения. Нормально. Вручил сержанту сразу червонец.

Сказал, что это за три дня. Сержант был доволен. Зомбировать его я даже не стал. И так сойдёт.

— Пойдём! — скомандовал я старшине, и вместе с ним вышел на улицу Мира.

— Ты меня не видел и никогда не вспомнишь! Понял?

— Да.

— А теперь иди, куда шёл!

Развернувшись, старшина зашагал куда-то в неизвестном мне направлении.

А я задумался... Куда пойти? Куда податься?

Перекусить бы, конечно, не мешало. Вон при гостинице есть ресторан. Может там перекусить? Кажется, что в это время могут и не обслужить в джинсах. Вроде бы существовал в Союзе какой-то дресс-код при входе в такие «солидные» заведения.

Ладно... Мы люди не гордые. Я найду себе и чего попроще.

Иду по улице, народу мало... Ну это понятно почему... Рабочий день ещё не кончился. Если у вокзала ещё крутились какие-то приезжие люди, то вот тут подальше от железки в основном лишь дети бегают. Каникулы же. Торможу одного парнишку:

— Мальчик! А ты не знаешь где тут школа-интернат?

— А Вам какой? Первый или второй?

Хм... А я и не знаю какой. Помню, что тётя говорила про интернат, но не говорила какой у него номер. Говорю наугад:

— Номер один.

— Это Вам в Черёмушки надо. Пешком далеко... А на чём туда ехать я не знаю.

— Спасибо, мальчик!

Я сам знаю, на чём можно доехать. На такси. Их у вокзала я видел несколько штук.

Но сначала я перекушу. Не гоже в гости заявляться голодным. Подумает тётя Наташа, что я какая-то «бедная родственница»... Да ладно... Шучу я, конечно... Но покушать надо, а то уже: «Кишка кишке стучит по башке»...

А вон и какое-то заведение общепитовское. «Пельменная». Вполне сгодится. Мне сейчас, что пиццерия, что МакДональдс, всё сойдёт. Хотя ни пиццы, ни гамбургера в этой местности ещё не скоро дождёшься... Ну и хорошо... Поменьше будет толстых, и побольше будет стройных людей... А заграничный фастфуд не такая уж и добрая вещь. Сплошная химия...

Купив порцию пельменей с маслом и стакан чая, я приступил к трапезе. На удивление, пельмени оказались вполне съедобные и даже очень вкусные. Купил себе ещё одну порцию.

На столах была бесплатная горчица, с нею я и ел свою добавку. Обошлось всё это мне в огромную сумму... Меньше одного рубля. Вот это я понимаю соответствие цены и качества...

Как потом я узнал, пельмени были с местного мясокомбината. Ну, что же? Поставим им пятёрку за качество. Ну а уже мне пора идти дальше.

После обильного обеда я передвигался более лениво... Вернулся к вокзалу, и первый же попавшийся таксист, за трёшку согласился отвезти меня к школе-интернату номер один на Новороссийскую улицу.

Мне кажется, что я сильно переплатил за транспорт. Доехали мы довольно быстро. Ну что же. Это у таксёров работа такая. Развести приезжего лоха на деньги. А о том, что я типа не местный, так это у меня на лбу написано крупными буквами.

Зданий у школы-интерната было несколько. Одно стояло вдоль по улице, скорее всего это был учебный корпус. А остальные строения спрятались за ним.

Я сразу зашёл за главное здание. Потому что летом, занятий в школе не было, и скорее всего дети либо в жилых помещениях, либо куда в пионерлагерь их отправили. Хотя какой тут пионерлагерь? Вон через несколько домов уже и город кончается, а за ним и лес видно. И речка, наверняка рядом есть. И зачем тогда тратить деньги, время и нервы для организации летних развлечений для учащихся какого-то интерната? Хотя вроде бы в Советские времена для всех детей старались устроить централизованный организованный отдых в каникулы... Дети не должны оставаться безнадзорными ни в какое время года...

А мы всё равно бродили где хотели, творили что хотели и вляпывались во что попало...

* * *

У пробежавшего мимо пионера я спросил, где мне найти Наталью Ивановну, новую учительницу географии...

— Кравцова? Она сейчас там... — он махнул куда-то в сторону дальнего домика. — Там на втором этаже, у себя...

И побежал себе дальше.

Да... Очень информативно. Зато я понял, что сразу попал по нужному адресу, и тётя Наташа обязательно должна быть где-то здесь.

Ну что же... Пойду ещё кого-нибудь поймаю и поподробнее расспрошу, как мне найти тётю Наташу... Надо найти кого-нибудь поспокойнее, не такого торопыгу, как этот.

Но больше я так никого и не встретил. Зато поднявшись на второй этаж, я сразу же столкнулся с довольно крупной, крашенной в блондинку, женщиной лет сорока пяти, к которой и обратился со своим вопросом:

— Простите! Вы не подскажете, где мне найти Наталью Ивановну Кравцову?

— А зачем она Вам? — ответили мне вопросом на вопрос.

— Она моя тётя. Я к ней приехала из Москвы.

— Правда? — удивлённо ответила женщина, внимательно разглядывая меня сверху до низу. — Ну, пойдём. Я отведу тебя к ней...

Она прошла мимо нескольких дверей, а потом своим ключом открыла очередную дверь, пятую по счёту по этой стене. Толкнув дверь, и пропуская меня вперёд, женщина сказала:

— Заходи!

В голове у меня зазвучал знакомый «Аларм!». Да, давненько я его не слышал. Даже когда «абрек» внезапно меня утром разбудил, у меня в голове никаких признаков тревоги не прозвучало. А сейчас вопит тревога во весь голос.

Но, несмотря на это, я смело шагаю в пустую комнату, явно обставленную, как жилую. Но при этом стараюсь, боковым зрением, следить за этой непонятной крашенной тёткой. И как оказалось, не зря это делал...

Улавливаю резкое движения позади себя. Отклонившись в сторону, пропускаю мимо себя руку со сжатой в кулак ладонью, которая явно летела мне в затылок. Подхватываю эту самую руку, и сделав банальную подножку, помогаю телу здоровенной бабищи, перелететь вперед и шмякнуться на пол.

Следующим движением, я уже выдёргиваю из рукава стилет и прижимаю его к горлу противницы. Ногой, я при этом умудрился захлопнуть дверь....

Тётка, лёжа на полу, смотрит мне в глаза злым взглядом, но я уже «гашу» её зелёным импульсом ментального посыла подчинения:

— Я буду сейчас задавать вопросы, а ты будешь отвечать. Ясно?

После моего воздействия, редко кто мог сопротивляться моему доминированию. И эта здоровенная тётка тоже оказалась из числа тех, кому со мной тягаться не по силам.

— Да-а... — голос слабый, уже не такой командирский и властный, как до этого...

— Ты не моя тётя!

— Нет.

— Где она?

— Я её убила...

— Где?

— В поезде...

— Зачем?

— Взяла у неё документы... Приехала сюда, чтобы легализоваться...

В слове «легализоваться» у неё на букве «Г» проскочил явный украинский «гх»...

— Как тебя зовут?

— Пилипчук Ганна Миколаївна.

— Число, месяц, год рождения, место рождения?

— П'ятого січня одна тисяча двадцять шостого року. Народилася у місті Львові.

— Говори по-русски.

— Пятого января двадцать шестого года. Родилась во Львове.

Западная Украина... В голове быстро пронеслись мысли о бандеровцах и подготавливаемых немцами, а потом и другими западными странами, диверсантов, из числа украинской молодёжи с оккупированных территорий. Вспомнилось и упомянутое ей слово «легализоваться».

— Когда и с какой целью заброшена в Советский союз?

— В марте этого года. Цель: Легализоваться. Связаться с резидентом. Ждать указаний.

— Ты уже связывалась? Какое задание получила?

— Да. Отправила письмо до востребования в Москву со своим новым адресом и данными. Получила задание. В сентябре организовать отравление всех детей и учителей. Мною получена посылка с ядом. Я должна всыпать его в котёл с супом. Яд не теряет своих свойств при кипячении.

Теперь мне стало ясно, почему я не получил своё письмо «до востребования» от тётки.

— Где этот яд?

— В чемодане под кроватью. Коробочка с надписью «Сода».

— Как пользоваться ядом? Опасно ли его брать в руки?

— В руки брать можно. Нельзя этими руками трогать глаза и губы. Яд смывается с рук обычным хозяйственным мылом.

Почему ты убила именно мою тётю?

— Она была моей соседкой по поезду. Много рассказала про себя. Родители умерли. Муж погиб. Сестра умерла. Город, где она жила затопили. Говорила про случайную встречу в Москве с племянницей... с тобой... Но я думала, что успею всё сделать и уехать до твоего появления здесь.

— Ты хотела меня убить?

— Я и сейчас хочу тебя убить... — диверсанта Ганна попыталась перехватить мою руку со стилетом, но я ткнул её в горло, и снова усилил ментальный посыл.

Расслабился что ли? Или у неё есть специальная подготовка по сопротивлению гипнозу.

Может, ей было мало одного импульса? Придётся подпитывать периодически, чтобы снова она не перехватила инициативу.

Хорошо ещё, что она была заторможена после моего воздействия. Наверняка её готовили и против мужиков биться голыми руками.

Блин. Тут нельзя отвлекаться ни на секунду. Она меня одной рукой пришибёт и фамилию не спросит.

Хотя она и так теперь думает, что знает мою фамилию.

Вот нельзя о мёртвых плохо говорить, но тётя Наташа была слишком уж доверчива и разговорчива с посторонними. Это я ещё тогда в Москве заметил. Как она бросила свои вещи под охраной совершенно незнакомого ей подростка. Пусть земля будет ей пухом везде, где бы её не похоронили. Светлая ей память!

— Как ты убила Наталью?

— Выманила в тамбур. Ударила по голове. Открыла дверь. Ткнула ножом в сердце и выбросила из поезда.

— Деньги у тебя есть?

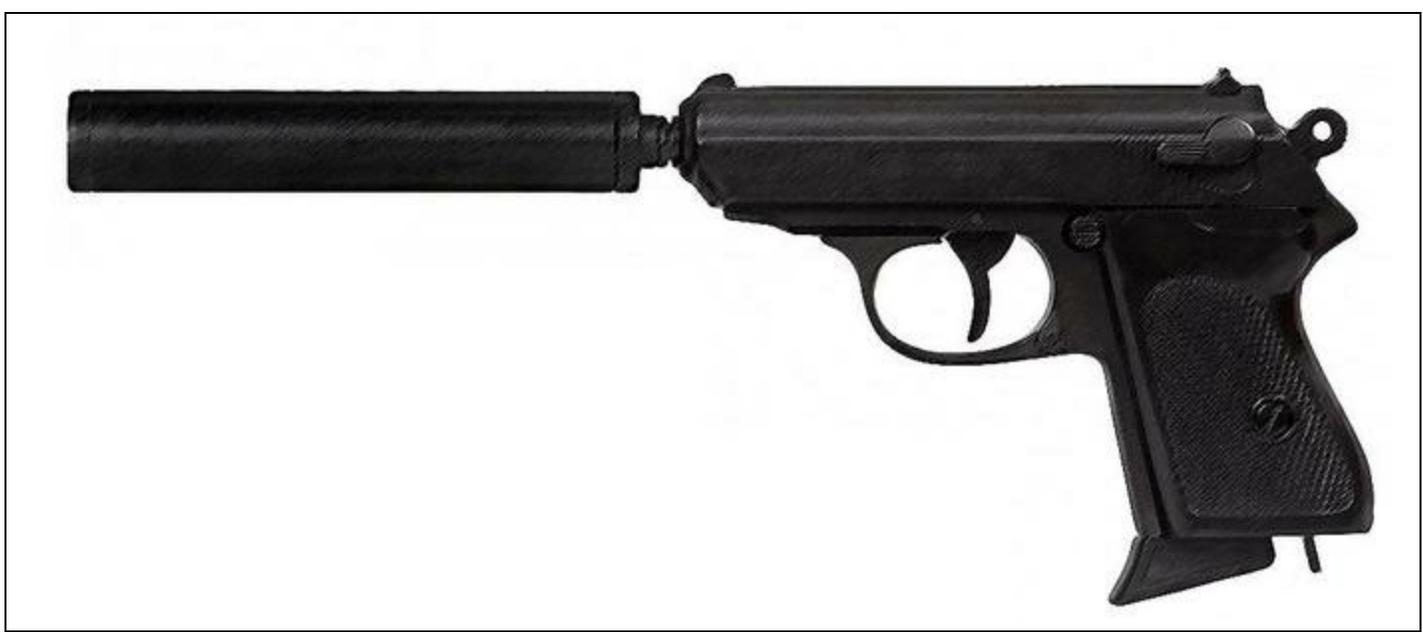
— Да. Получила в посылке вместе с ядом.

— Доставай!

Она вытащила чемодан из-под кровати. Хотела открыть крышку... Что-то меня снова насторожило...

Я сильно вдарил ей рукояткой стилета в основание черепа. Она без звука отвалилась в сторону, потеряв сознание.

Под крышкой лежал пистолет с уже пристёгнутым глушителем. Очень похож на «Макарова», но чуть меньше и компактнее.

Вальтер ППК. Один из любимых пистолетов Бонда.

Даже анекдот был на эту тему коротенький:

— Бонд. Джеймс Бонд.

— Вальтер. Вальтер ППК.

А с этой тёткой-диверсанткой надо бы держаться поосторожнее. Копаюсь в чемодане, но при этом наблюдаю за лежащим телом. Проверил Вальтер. Заряжен. Полный магазин, плюс один в стволе. Осталось лишь пальцем снять с предохранителя и «огонь»!

Нашёл сумку подходящую и стал туда скидывать всё найденное. Пачки денег. Завёрнутое в клеёнку нечто по размерам напоминающее упомянутую ранее коробочку с ядовитой «содой». Какие-то документы. Паспорта, водительские удостоверения. Открыл. Чистые. А вот и комплект для подделки. Чернила в скляночке, ручка с пером, печати и штемпельная подушка. Всё летит в сумку. Нашёлся неплохой нож. Типа охотничьего в кожаных ножнах и запасные патроны. Мелкокалиберные. Как раз под этот «Вальтер».

Сумка уже полна. Ладно. Хватит. Задвигаю чемодан под кровать. Подхожу к лежащей на полу туше. Дышит зараза...

И что мне с ней делать?

Грохнуть её прямо здесь?

Нельзя. Город маленький. Меня многие видели.

Таксист, который сюда привёз. Пионер, у которого я спрашивала про Кравцову. Да мало ли кто меня ещё срисует, пока я отсюда выберусь.

Хлопаю тварь по щекам, подготовив свой ментальный импульс.

Стоило ей только чуть моргнуть, я уже зомбирую её, прилагая больше усилий, чем обычно. Крепкая попалась жертва. Опытная диверсантка. Подготовленная.

Успеваю загрузить её подчинением, и заставляю встать на ноги и идти за мной.

Иду впереди, но совсем чуть-чуть.

Стараюсь периодически подпитывать её взглядом. Для этого мне приходится иногда оглядываться...

Мы вышли из здания, никого при этом не встретив.

Идём дальше в сторону улицы. Я всё время поглядываю «фальшивой тёте» в глаза и забалтываю её подчиняющими фразами.

Так мы умудрились дойти до дороги.

Что же делать дальше? Поймать машину, завести тётю в лес и там грохнуть...

С таким же успехом можно было и там, в комнате её пришить.

Вдали показалось несколько грузовиков, которые в колонне двигаются в сторону города. Они ещё далеко, но всё ближе. Идут на скорости порядка шестидесяти километров в час. Это на глаз, конечно. Может и быстрее едут, но не на много. Так. Плюс-минус...

Мы с Ганной переходим через дорогу и отходим от дороги ближе к домам. Когда до движущихся машин остаётся около ста метров, я начинаю «накачивать» «лживую тётю» информацией, пристально глядя её в глаза.

— Тебе срочно надо вернуться к себе в комнату. Ты забыла там важные документы. Приготовься! Беги!

Несмотря на крупную комплекцию, диверсантка вполне себе спортивная такая оказалась. Видимо, хорошо натренировали её в диверсионной школе...

Она споро так бежит, не глядя на быстро приближающиеся грузовые машины.

Я даже стал сомневаться... А вдруг проскочит?

Нет... Не проскочила...

Водитель грузовика, идущего первым в колонне, всё же успел заметить бегущую через дорогу тётку, но слишком поздно.

Время реакции водителя — секунда, может чуть больше. За это время грузовик пролетел лишних метров двадцать, и тормозной путь грузовика на этой скорости ещё порядка сорока метров или больше. А водила стал как безумный ещё и крутить рулём, пытаясь из последних сил избежать наезда на глупую тётку.

Помнится, я тоже пытался в своё время избежать наезда на оленя. Потом было эпическое падение под откос с горы... И вот я здесь...

Водитель, задев Ганну левой частью бампера, влетел в фонарный столб. Фальшивая тётка упала плашмя на асфальт. Вторая машина из колонны успела среагировать, но чуть позже переднего водителя, и прокатилась прямо по телу крупной женщины. А третья машина, аккуратно проехала по голове бывшей уже диверсантки, и врезалась во второй грузовик.

Голова фальшивой тётки лопнула, как спелый арбуз при падении с третьего этажа на асфальт.

Остальные машины колонны умудрились остановиться, не въехав друг в друга паровозиком.

Я уже увидел всё, что мне было нужно, и быстро, но не спеша удалялся промеж домов, подальше от места аварии. Надеюсь, что меня никто из водителей не заметил.

Выскочил дворами на Азовскую улицу. Смотрю, а рядом парк какой-то. Я туда.

Прогуливаясь, наискосок пересёк парк. Какими-то улицами иду, примерно придерживаясь нужного мне направления. У меня есть где-то внутри, непонятный мне самому, внутренний компас, который часто меня выручает, и не даёт мне заблудиться в незнакомых местах.

Что-то впереди слишком много милиции, но я иду прямо на них. Кого мне бояться? Я тут просто гуляю.

Оказалось это местное ГАИ. Прошёл мимо... Потом свернул ещё пару раз... И вышел к автовокзалу.

Тут тоже много приезжего народа. Все как и я, с сумками и другими вещами.

Спросил для приличия: «Где тут железнодорожный вокзал?» Мне показали нужное направление.

Ну, я примерно так и думал. Минут через полчаса, я уже валялся в своём номере на кровати, прямо в одежде поверх застеленного покрывала.

Лежу. В потолок гляжу.

Думу думаю...

Кажется, я опять попал в патовую ситуацию.

Разберём всё по порядку.

Первое.

Вариант с легализацией... (Сразу вспомнилась уже покойная диверсантка Ганна.)

Так вот. Вариант с легализацией меня под именем Александры Котовой провалился из-за вредительской деятельности иностранных разведок.

Думаю, что дальше не имеет никакого смысла этот вариант разрабатывать. Так как в силу возраста, паспорта пока на её имя у меня нет, а в ноябре, когда Саше должно было исполниться шестнадцать, мне никто его не выдаст, так как я нигде не прописана и не живу постоянно. Тётя Наташа была единственным человеком, которая на официальных основаниях могла бы меня к себе прописать, как племянницу. Так что с этим вариантом всё...

Второе.

Маши Левиной, которую хорошо знает первый секретарь Туапсинского горкома КПСС, полковник милиции в отставке товарищ Саркисов, тоже уже нет. Она сторела в машине. А если труп опознали как ту Ирину, то Маша всё равно числится, как пропавшая без вести жертва неизвестного маньяка.

Бедный Натан. Он потерял Машу во второй раз. Как бы снова с катушек не съехал.

Интересно, а как там живут-поживают Вадим и мои юные гопники?

Оставил я их без машины.

Ну, ничего, доберутся и на поезде. Деньги у них с собой есть.

У меня ведь были лишь те, которые я заработал своими «чужими» песнями. Так что денег у них вполне достаточно.

Блин. Основная часть денег, оружие и изъятые у ментов драгоценности, запрятаны лично мною в каменоломнях в Подмосковье. Подъезжали-то то мы к каменоломням вместе, но спускался вниз и прятал всё это, в три разные нычки, под землёй, лишь я один.

Ни Вадиму с Натаном, ни тем более гопникам этих нычек не найти ещё лет десять. За десять лет, если работать без обедов, сна и перекуров, они смогут переложить с места на место все камешки в том подземелье.

Но и тогда не факт, что найдут всё, что я там спрятал.

Ладно. Это всё детали. Может, сам достану и подкину им... Инкогнито. Так сказать... Хотя они легко могут догадаться, кто такой этот инкогнито... И тогда они поймут, что я жив. То есть жива...

Снова рассказать им «сказку» о новом перевоплощении? Да ну... Это бред уже будет какой-то...

А если Саркисов их в чём-то будет подозревать, то как бывший мент, может за ними устроить слежку. Как минимум год-другой всё это должно там пролежать. И вылежаться. А когда всё устаканится, то... То тогда я и буду думать, что и как...

Выходит в Москву мне тоже возвращаться не к кому пока.

Третье.

Инга Котти.

Во-первых, она по всем документам ещё маленькая.

Кстати... Я что-то давно с ней не общался.

Последние две ночи точно. У неё там и год мог пройти за это время и два.

А с этим обучающим колпаком, она там может и космолёт какой-нибудь построить, и в космос на нём улететь. С неё станется.

Рисковая девочка. Моя школа! Ну да ладно...

Так вот... Ингой мне здесь становиться тоже не стоит. Наверняка ещё в интернате не забыли о пропавшей девочке. А может уже и списали в мёртвые, как утонувшую в реке.

Четвёртое.

Сауле Вилкайте.

Пока, временно, но не очень долго, я могу пользоваться и паспортом, и правами. Но как только она доберётся до своей Клайпеды, то восстановит и права, и паспорт. Я могу, конечно, выйти с ней на связь, ну или с Альгисом, по поводу продажи мотоцикла. Адреса и телефоны у меня есть. Но для этого мне надо где-то заземлиться и обзавестись документами.

Да... Теперь у меня есть набор юного диверсанта, доставшийся в наследство от покойной Ганны. Но что-то я мало верю в то, что эти документы выдержат более менее тщательную проверку. Я уж не говорю про злополучные нержавеющей скрепки, на которых погорели многие из немецких диверсантов Бранденбурга-800, но и другие приметы настоящих документов, про которые я могу не знать, меня выдадут сразу же. Чистые бланки это хорошо, но нужны ещё и образцы настоящих документов, на основании которых я смог бы заполнить эти бланки своими данными.

Помню, был случай у меня в том моём будущем. Дело было почти сразу после развала СССР. Я был дежурным опером, а тут гаишник мне притащил задержанного. Говорит, что права у него поддельные. Я смотрю и так, и эдак. Нормальные такие права. Следов явной подделки не заметно. Фото не переклеено, печати на месте и ФИО в правах сходится с ФИО в паспорте задержанного.

Но инспектор ГАИ мне пояснил, что права выданы якобы в Калининградской области в 1992 году, а серия и номер прав значится за Литовской ССР, уже отколовшейся от России к тому моменту, как этому гражданину выдали водительское удостоверение. Я немного поговорил с задержанным, и он раскололся, что это действительно так. В общем, срубили мы тогда с гаишником совместную «палку» на этом водятле. Его осудили за использование заведомо подложного документа.

Так что, чтобы качественно подделать документы, надо знать тонкости и правила их заполнения. А этим я похвастаться в этом времени никак не могу.

Вот и выходит, что снова те же и там же.

Я опять никто и звать меня снова никак.

Радует, что денег с собой больше, чем тогда в самом начале моего пути. По моим прикидкам больше пятидесяти тысяч. Но деньги, найденные у Ганны, надо ещё проверить. Вдруг ей фальшивок напечатали на принтере... Хотя принтеров ещё и нет в помине... Вроде бы...

В этот момент мои размышления были прерваны стуком в дверь.

Стук в дверь бывает разный.

Бывает деликатный и осторожный. Так стучат работники гостиниц, официанты и горничные.

Бывает стук дружеский, наглый и громкий. Но он обычно ещё и дублируется голосом. Типа: «Сова, открывай! Медведь пришёл.»

А вот именно этот стук, был уверенным стуком человека, который знал: Ему просто обязаны открыть. Без всяких возражений...

Из серии: Откройте! Милиция!

Я реально так напрягся.

Сумка с добычей от Ганны, лежала не разобранный, рядом с кроватью. А в ней и пистолет, и деньги, и чистые бланки советских документов...

Кожухи валялись у входной двери, где я их и бросил, войдя в номер в первый раз. Но там не было ничего такого предосудительного. Шмотки, ненужные мне в дороге, обувь и всё такое...

Моя сумка с наганом, патронами и одеждой, вот она рядом лежит на покрывале...

Действую быстро...

Обе опасные сумки тут же летят под кровать.

Я постарался, чтобы они попали туда без лишнего звука.

На ходу делая заспанный вид, иду открывать двери...

Почему-то я совсем не удивился, увидев за дверью милиционера в форме. На этот раз, это был довольно молодой мужчина в звании старшего лейтенанта. Похоже, что по национальности он был местным. Может черкес, может осетин. Но точно не грузин и не армянин.

Вид его не был уж очень грозным. Скорее всего, он смотрел на меня с откровенным интересом. Вежливо и совсем не строго, но отработанным официальным голосом, он спросил:

— Вы — Сауле Вилкайте?

Конец четвёртой части четвёртой книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Сохи глух (арм.) — (букв.) луковая голова (оскорбительное армянское выражение по отношению к русским).

Химар мард (арм.) — болван.

Ахчи (арм.) — девочка.

Барев (арм.) — Привет.

À la guerre comme à la guerre — (фр.) на войне как на войне.

All inclusive (англ.) — всё включено.

*«Зита и Гита». Индия. Двухсерийный кинофильм. Премьера в Индии — ноябрь 1972 год
Премьера в СССР — октябрь 1976 год.*

Гамарджоба (груз.) — Здравствуй (здравствуйте).